

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ

1

1970

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Н. Андрушин.</i> Восприятие Д. Благовым ленинского учения об империализме	3
<i>В. В. Марьина, Г. П. Мурашко.</i> Социально-экономические перемены в чехословацкой деревне накануне кооперирования	16
<i>Ян Пиволуска</i> (ЧССР). Словацкое движение Сопротивления и Советский Союз (1939—1945)	29
<i>Т. Е. Зююкина.</i> Забастовочное движение в Сербии накануне Балканских войн	42
<i>Д. С. Прокофьева.</i> Царская цензура и польская литература второй половины XIX — начала XX века	54
<i>Л. Г. Шахова.</i> Художественный характер в романе Димитра Димова «Табак»	62
<i>И. Шабловская.</i> Исторический роман в чешской литературе Сопротивления	67
<i>О. С. Плотникова.</i> Об имперфективации в словенском литературном языке	74

Из истории славяноведения

<i>Л. И. Базилевич, Е. М. Верещагин.</i> Славянские проблемы в научном наследии Л. В. Щербы	85
---	----

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>В. Г. Карасев.</i> Старая фотография заговорила	94
--	----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Ф. Петров.</i> «Братская дружба, всестороннее сотрудничество»	93
<i>П. И. Резонов.</i> Густав Гусак. Свидетельство о Словацком национальном восстании	99
<i>А. Гавко.</i> Зенон Клишко. Варшавское восстание	102

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Л. Я. Гибианский.</i> Положение Югославии в 1945 г. в документах американских дипломатических публикаций	105
<i>Ф. А. Молок.</i> Яркие страницы из истории движения Сопротивления на Островщине	113
<i>И. Перцигер.</i> «Dokumenty Komunistycznej partii Polski 1935—1938»	114
<i>Л. К. Přispěvky k dejinam umění</i>	115
<i>Ю. И. Смирнов.</i> Albert V. Lord. The Singer of Tales	116
<i>Г. П. Клепикова.</i> С. Стойков. Лексиката на банатския говор	118

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1969 г. (продолжение)	124
Содержание иностранных журналов.	126

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Т. П. Блинова.</i> К 25-летию социалистической революции в Болгарии	128
<i>Л. Б. Валев.</i> Научная сессия в Софии, посвященная 25-летию социалистической революции в Болгарии	130
<i>Н. И. Толстой.</i> Академик В. В. Виноградов	132
<i>В. Д. Королюк.</i> Любовь Вячеславовна Разумовская	133
<i>А. Виноградова.</i> Памяти А. Гуцавы.	134

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЬЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. В. ШМЕРАЛЬ.
 Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва Г-69, Трубниковский пер., д. 30а. Телефон 290-27-40

Е. Н. АНДРЮШИН

ВОСПРИЯТИЕ Д. БЛАГОЕВЫМ ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ ОБ ИМПЕРИАЛИЗМЕ

Теория империализма, разработанная В. И. Лениным в самый разгар первой мировой войны, вооружила рабочий класс знанием законов общественного развития в новых условиях, в условиях перехода от капитализма к социализму. Труды В. И. Ленина по империализму представляют собой неопределимый вклад в сокровищницу марксизма; они были и остаются непревзойденным образцом творческого анализа конкретной исторической действительности.

На основе глубокого и всестороннего исследования современной ему эпохи В. И. Ленин пришел к выводу, что империализм — это высшая и последняя стадия капитализма, канун социалистической революции, что империализм создает все материальные условия для победы социализма. «Империализм есть особая историческая стадия капитализма, — писал В. И. Ленин. — Особенность эта тройкая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополиями есть коренная экономическая черта, *суть* империализма... Понятно, почему империализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: монополия, вырастающая из капитализма, есть уже умирающее капитализма, начало перехода его в социализм»¹. А социализм, по Ленину, есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, «*обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»². Эти гениальные выводы не потеряли своей ценности и в наши дни. «Ленинская теория империализма, — подчеркивал в своем выступлении на Международном совещании коммунистических и рабочих партий Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, — дает ключ к пониманию и тех конкретных особенностей, которыми отличается империализм на современном этапе своего развития»³.

Одним из первых болгарских марксистов, кто по достоинству оценил ленинский анализ эпохи империализма, был Димитр Благоев, основатель и вождь Болгарской коммунистической партии. Под непосредственным влиянием трудов В. И. Ленина он писал летом 1918 г.: «Для нас, так же как и для каждого социал-демократа, вполне ясна та истина, что пролетариату для более успешной борьбы против империализма необходимо знать его сущность, необходимо знать, к чему объективно он ведет»⁴.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, стр. 163, 165.

² В. И. Ленин. Указ. соч., т. 34, стр. 192.

³ Л. И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. «Коммунист», 1969, № 9, стр. 47.

⁴ Д. Благоев. Свч., т. 18, стр. 316.

Ленинские положения и выводы, с популяризацией которых Д. Благоев выступил в печати, сыграли большую роль в дальнейшей разработке правильного политического курса партии тесных социалистов. Однако партия тесняков не могла сразу воспринять то новое, что было внесено В. И. Лениным в сокровищницу марксизма. Над партией тесняков, как отмечал впоследствии Г. Димитров, еще тяготел груз старых ошибочных положений и догм, господствовавших в международной социал-демократии⁵. Разумеется, и для Благоева, который долгое время находился под влиянием авторитетов II Интернационала, переход на позиции ленинизма не был легким.

Вопрос об отношении Д. Благоева к ленинской теории империализма освещен в работах болгарских ученых: Ж. Натана, Т. Владигерова, К. Василева, А. Тодорова, Хр. Христова, В. Михайлова, Д. Митева, С. Василиева, Й. Йотова, М. Вылканова, А. Попова, В. Маринова, С. Арабаджиева и др.⁶. Отдельные аспекты этого вопроса рассматривались в работах советских ученых М. А. Бирмана, В. И. Владимирской, В. Г. Дядькина⁷.

В настоящей статье мы хотели бы остановиться на вопросах восприятия Благоевым ленинского учения об империализме: какие положения работы Ленина привлекали его особое внимание и какие выводы он делал из ленинской теории для практической деятельности партии тесняков.

Благоев внимательно следил за новыми явлениями в экономике и политике капитализма. Как на одну из основных особенностей современной ему эпохи Д. Благоев указывал на гонку вооружений, на рост милитаризма во всех без исключения капиталистических странах, а в связи

⁵ См. Г. Димитров. Политически отчет на ЦК на БРП(к) пред V конгрес на партията. София, 1950, стр. 13—16.

⁶ См. Ж. Натан. Икономическите възгледи на Д. Благоев. София, 1955; е го же. Димитър Благоев за капитализма и империализма. Сб. «Въпроси на марксистската теория в трудовете на Димитър Благоев». София, 1955; е го же. Мястото на Д. Благоев в развитието на икономическата наука в България. «Известия на Икономическия институт БАН», София, 1956, кн. 1—2; Т. Владигеров. Димитър Благоев и някои въпроси на империализма. «Известия на Икономическия институт БАН», София, 1956, кн. 1—2; К. Василев. Предговор. В кн. Д. Благоев, Съч., т. 18; е го же. Първият конгрес на партията под знамето на ленинизма. «Ново време», София, 1959, № 5; е го же. Тесните социалисти за проблемите на империализма. «Известия на Института по история на БКП при ЦК на БКП», София, 1957, кн. 1—2; А. Тодоров. Историческото място на БРСДП (т. с.) в международната социал-демократия. 1914—1917, София, 1962; Хр. Христов. Революционната криза в България през 1918—1919 г., София, 1957; е го же; Димитър Благоев — Дядото. «Исторически преглед», София, 1954, № 3; В. Михайлов. Предговор. В кн. Д. Благоев, Съч., т. 17; Д. Митев. Към въпроса за пролетарския интернационализъм на БРСДП (т. с.), София, 1957; С. Василев. Димитър Благоев за заемната политика на буржоазната държава. «Известия на Икономическия институт БАН», София, 1956, кн. 1—2; Й. Йотов. Борба тесняков против социал-шовинизма. Канд. дисс., М., 1955; е го же. Първият конгрес на Българската комунистическа партия (тесни социалисти). София, 1959; М. Вълканов. Д. Благоев и икономическата наука в България. Сб. «Научни доклади за Димитър Благоев», Варна, 1962; А. Попов. Димитър Благоев за икономическите закони и ролята на субективния фактор. Сб. «Въпроси на марксистската теория в трудовете на Димитър Благоев», София, 1955; В. Маринов. Влиянието на ленинските идеи върху БРСДП (т. с.) през периода 1917—1919 г. «Известия» (Висша партийна школа при ЦК на БКП), вып. 7, София, 1960; С. Арабаджиев. Историческият първи конгрес на БКП през 1919 г. «Исторически преглед», София, 1959, № 5.

⁷ См. М. А. Бирман. Революционна ситуация в България в 1918—1919 гг., М., 1957; В. Владимирская. Борба Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) против империалистической войны 1914—1918. «Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР», т. XIV, М., 1956; е го же. К вопросу о публикации работ В. И. Ленина и И. В. Сталина в болгарской социал-демократической печати в 1917—1918 гг. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 5, М., 1952; В. Г. Дядькин. Борба за партию нового типа в Болгарии в 1917—1923 гг., т. 1—2. Докт. дисс., Орджоникидзе, 1965.

с этим и на каждодневную опасность возникновения опустошительных войн. Чем дальше развивается капитализм, писал он в 1906 г. в статье «Маневры», тем сильнее проникает милитаризм в поры современного общества, тем больший размах приобретают вооружение и перевооружение и тем неизбежнее становится военное столкновение между постоянно вооружающимися государствами⁸. Коренной причиной гонки вооружений Д. Благоев считал обострение противоречий как внутри капиталистических стран, так и между ними. Развитие капитализма в Европе и Америке, подчеркивал он, достигло таких размеров, что капиталистические государства уже начинают чувствовать себя все более и более стесненными на внутреннем и международном рынке, в связи с чем усиливаются противоречия, растет стремление буржуазии к расширению рынка путем присоединения новых земель и соседних стран, путем создания колоний⁹. В своих произведениях Д. Благоев отводит значительное место разоблачению грабительской колониальной политики великих держав по отношению к слабо развитым странам и в особенности по отношению к Болгарии¹⁰. В работах, написанных в дооктябрьский период, Д. Благоев научно обосновал закономерность концентрации производства и капиталов в Болгарии¹¹, обращая внимание на связь банков с промышленностью¹²; писал о территориальном разделе мира между великими державами¹³, верно определял характер первой мировой войны как войны захватнической¹⁴, указывал на зависимость Болгарии от иностранного капитала¹⁵, подчеркивал возрастающую реакционность международной и болгарской буржуазии¹⁶. В статьях, написанных в период первой мировой войны, Д. Благоев употреблял такие термины, как «ступень» и «стадия» в развитии капитализма¹⁷. Еще ранее, до Балканских войн, Д. Благоев видел в крайнем обострении противоречий капитализма, в милитаризме и гонке вооружений симптомы гибели капитализма; уже тогда он говорил об агонии, о предсмертных судорогах капиталистического общества¹⁸. Не случайно поэтому он определял первую мировую войну как последнюю фазу политики капитализма¹⁹. Д. Благоев считал, что социалистическая революция может вспыхнуть и вспыхнет в конце или даже в ходе империалистической войны, что день торжества социализма недалек²⁰. Он широко использовал в своих произведениях понятия «империализм» и «империалистическая политика». Ему эти понятия кажутся тождественными: и то и другое рассматривается им как стремление развитых в промышленном отношении капиталистических государств к захвату чужих территорий и созданию колоний. Впервые и именно в этом значении Д. Благоев употребляет слово «империализм» в статье «Крупная промышленность и рабочий класс в Болгарии», опубликованной в журнале «Ново време» весной 1908 г.²¹ Несколько позже, оценивая войну Италии с Турцией, он

⁸ См. Д. Благоев. Съч., т. 12, стр. 42.

⁹ Там же, стр. 43—44; т. 13, стр. 275, 531; т. 15, стр. 18, 125—126; т. 16, стр. 205, 437—439; т. 17, стр. 173, 367.

¹⁰ Там же, т. 13, стр. 532, 534, 539, 541—544; т. 17, стр. 257, 321, 328—329.

¹¹ Там же, т. 2, стр. 231; т. 6, стр. 140—144; т. 12, стр. 516, т. 13, стр. 364; т. 14, стр. 373—374; т. 15, стр. 212—215; т. 20, стр. 516—520, 526.

¹² Там же, т. 20, стр. 532.

¹³ Там же, т. 17, стр. 88—89, 168—169, 257, 321.

¹⁴ Там же, т. 16, стр. 506; т. 17, стр. 88.

¹⁵ Там же, т. 16, стр. 355; т. 17, стр. 318—319.

¹⁶ Там же, т. 13, стр. 536; т. 14, стр. 153, 539; т. 15, стр. 205.

¹⁷ Там же, т. 15, стр. 18, 249; т. 17, стр. 94, 367.

¹⁸ Там же, т. 12, стр. 44.

¹⁹ Там же, т. 17, стр. 247.

²⁰ Там же, т. 16, стр. 401, 507; т. 17, стр. 217.

²¹ Там же, т. 12, стр. 548.

пишет: «Итальянское нападение на турецкие владения есть лишь следствие, результат той общей политики великих капиталистических держав, которая известна под именем *империализма*»²². Класс капиталистов, разъясняет Д. Благоев в статье «Война войне!», ищет выход из своего стесненного положения во все большем расширении области эксплуатации и извлечения прибыли путем ограбления чужих стран и порабощения других народов. «Иными словами, класс капиталистов любой нации ищет выход в политике создания колоний, в империалистической политике современного государства»²³. Из этого можно заключить, что, по Благоеву, империализм и империалистическая политика одно и то же, то и другое — лишь стремление буржуазии к расширению территории с целью сбыта товаров и вложения капиталов. Подобное определение империализма мы встречаем в произведениях Д. Благоева вплоть до весны 1918 г.²⁴ Оно было, по-видимому, связано с влиянием на Благоева работ Каутского и Гильфердинга. В 1911 г., излагая рецензию Каутского на книгу Гильфердинга «Финансовый капитал», Д. Благоев, соглашаясь с оценками Каутского, вслед за ним называл эту книгу «истинным продолжением второго и третьего тома „Капитала“»²⁵.

Однако нельзя отождествлять взгляды Д. Благоева и Каутского. Если у первого они отличались непримиримой враждебностью к оппортунизму, идейной бескомпромиссностью, твердой революционной направленностью, то у второго, задолго до мировой войны, обнаружилась тенденция к оппортунизму, вылившаяся в систему уступок мелкобуржуазному реформизму и приведшая его в конце концов к социал-шовинизму. В отличие от Каутского, который рассматривал империалистическую политику буржуазии вне ее связи с экономикой, как явление случайное и вполне устранимое в рамках буржуазного строя, Д. Благоев подчеркивал, что «империализм» буржуазии тесно связан с капитализмом²⁶, что империалистическая политика не является случайной — к ней толкают буржуазию объективные законы развития капиталистического производства²⁷. Если Каутский видел в империализме лишь экспансионистскую политику государств с высоко развитой промышленностью, то Д. Благоев считал империалистическую политику буржуазии следствием обострения противоречий капиталистической системы в целом. В статье «По вопросу о разоружении» он писал следующее: «... ныне капиталистическое развитие в крупных капиталистических державах достигло той стадии, когда конфликты между ними становятся настолько частыми и обостренными, что для них существует вопрос не о разоружении, а о новом вооружении, об усовершенствовании вооружений. Капиталистические государства, такие, например, как Англия и Америка, которые до первой мировой войны не знали милитаризма, подобного милитаризму континентальных стран, сегодня превращаются в такие же точно милитаристские государства, какими являются страны европейского континента. И это не временное явление, связанное с войной. Оно диктуется империалистической эпохой, в которую капиталистическое развитие втаскивает человечество»²⁸.

В начале 1917 г. Д. Благоев выступает против Каутского, объявляя его метод исследования неверным и высказываясь за необходимость переоценки понятий, господствовавших тогда во II Интернационале²⁹.

²² Там же, т. 15, стр. 2.

²³ Там же, стр. 125.

²⁴ Там же, т. 16, стр. 506; т. 17, стр. 11, 88, 188, 190, 257, 412, 416; т. 18, стр. 199.

²⁵ Там же, т. 14, стр. 399.

²⁶ Там же, т. 16, стр. 437.

²⁷ Там же, т. 13, стр. 329; т. 15, стр. 249.

²⁸ Там же, т. 17, стр. 367.

²⁹ Там же, т. 17, стр. 359, 364.

События, связанные с войной, послужили теснякам уроком, который потребовал от них новой ориентировки и новой оценки понятий, считавшихся до этого непоколебимыми³⁰. «Империалистическая война и последовавшие за ней революционные движения,— писал Д. Благоев в 1920 г.— заставили нас подвергнуть новой оценке многие вопросы теории и практики социализма»³¹. Огромное влияние на дальнейшее развитие марксистских взглядов Д. Благоева оказали труды В. И. Ленина по империализму.

После Великого Октября интерес к идеям В. И. Ленина в Болгарии необычайно возрос, и Д. Благоев берется за изучение классического труда «Империализм, как высшая стадия капитализма», который знаменовал собой «новый, ленинский этап в экономической теории марксизма»³². Книга В. И. Ленина об империализме сыграла большую роль в дальнейшем развитии марксистских взглядов Д. Благоева. Как отмечал впоследствии Г. Димитров, она стала настольной книгой борющегося пролетариата на Балканах³³.

Начиная с мая 1918 г. в газете «Работнически вестник» появляется серия благоевских статей, в которых излагается в популярной форме содержание ленинского труда. По справедливому замечанию В. И. Владимирской, Д. Благоевым был избран наиболее приемлемый и удобный для ознакомления читателей с существом работы В. И. Ленина метод изложения³⁴. Рекомендуя ее болгарским рабочим, Д. Благоев писал: «Для нас весьма интересно знать, как Ильин (В. И. Ленин.— Е. А.) обосновывает свое понимание империализма и каковы его *практические* выводы для социал-демократии и вообще для пролетариата»³⁵.

Под непосредственным влиянием ленинских трудов Д. Благоев пишет статью «Пролетарский социализм», в которой пропагандирует идеи, не встречавшиеся ранее в его произведениях. В этой статье, которая была опубликована в первом номере газеты «Работнически вестник», прямо указывалось, что империализм есть последняя форма капитализма, что империализм создает все необходимые для социалистического производства материальные условия³⁶.

Систематическое изложение ленинского труда Д. Благоев начинает со статьи «Что такое империализм?» Здесь он прежде всего останавливается на той критике, которую В. И. Ленин дает каутскианскому определению империализма. Определение империализма Каутским, замечает Д. Благоев, В. И. Ленин находит совершенно неправильным, односторонним, произвольным, ибо оно, по мнению В. И. Ленина, выделяет лишь один национальный вопрос, произвольно и неверно связывая его только с промышленным капиталом в аннектирующих другие нации странах, столь же произвольно и неверно выдвигая аннексию аграрных областей³⁷. По мнению В. И. Ленина, пишет Д. Благоев, определение, данное Каутским, не только неверное и немарксистское, но и служит основой целой системы взглядов, разрывающих по всей линии и с марксистской теорией и с марксистской практикой. Суть вопроса состоит

³⁰ Там же, т. 18, стр. 316.

³¹ Там же, т. 19, стр. 41; см. также т. 18, стр. 356, 445.

³² «В л а д и м и р И л ь и ч Л е н и н. Биография». Изд. 3-е, М., 1967, стр. 277.

³³ См. Г. Д и м и т р о в. Сьч., т. 7, стр. 342.

³⁴ См. В. И. В л а д и м и р с к а я. К вопросу о публикации работ В. И. Ленина и И. В. Сталина в болгарской социал-демократической печати в 1917—1918 гг. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», вып. 9, М., 1952, стр. 35.

³⁵ Д. Б л а г о е в. Сьч., т. 18, стр. 276.

³⁶ Там же, стр. 266.

³⁷ Там же, стр. 273—274.

в том, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики. По Каутскому выходит, делает вывод Д. Благоев, что капитализм может существовать и без империалистической политики³⁸. «Получается, — приводит он слова В. И. Ленина, — затушевание, притупление самых коренных противоречий новейшей ступени капитализма вместо раскрытия глубины их, получается буржуазный реформизм вместо марксизма»³⁹.

Но какое определение империализму дает В. И. Ленин в противовес каутскианскому? Д. Благоев приводит два ленинских определения — краткое: «Империализм есть монополистическая стадия капитализма» и более полное: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрел выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами»⁴⁰. Давая ленинское определение империализма, включающее его пять основных признаков, Д. Благоев, пишет, что оно «в корне отличается от каутскианского определения и по теоретическому содержанию и по практическим выводам»⁴¹.

Благоевские статьи «Экономика империализма», «Банки и их роль», «Финансовый капитал», «Вывоз капитала», «Высшая концентрация производства», «Финансовый капитал и колониальная политика»⁴² — и по содержанию и по названию во многом соответствуют главам ленинской работы. Наряду с цитатами из книги или дословным изложением Д. Благоев дает и свои комментарии. Исходя из сопоставления благоевских статей и книги В. И. Ленина, исследователи делают вполне правомерный вывод, что уже к лету 1918 г. Д. Благоев в понимании экономической сущности империализма в основном освободился от влияния Гильфердинга и Каутского и, несмотря на некоторые колебания в сторону центризма, перешел на ленинские позиции⁴³. Анализ статей Д. Благоева приводит нас именно к такому заключению. Тем не менее оно требует дальнейшей конкретизации. На основе данных, приведенных В. И. Лениным в первой главе его книги, Д. Благоев делает вывод, что отличительной чертой старого капитализма была свободная конкуренция раздробленных и не знающих ничего друг о друге хозяев, производящих товары для сбыта на неизвестном рынке. Но с развитием капитализма все больше и больше дает о себе знать концентрация производства. Последняя, наконец, достигает той ступени, когда можно произвести приблизительный учет всех источников сырых материалов в данной стране и даже в ряде стран, во всем мире. Эти источники захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами⁴⁴. «Полвека назад, — говорит Д. Благоев, излагая мысли В. И. Ленина, — «свободная конкуренция» казалась большинству экономистов «законом природы». Но Маркс доказал теоретическим и историческим анализом капитализма, что свободная конкуренция порождает концентрацию производства, а эта концентрация на известной ступени своего развития

³⁸ Там же, стр. 274.

³⁹ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 274. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч. т. 27, стр. 390.

⁴⁰ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 274—275. (Курсив Д. Благоева). Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 386, 387.

⁴¹ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 275—276.

⁴² Там же, т. 18, стр. 277—313.

⁴³ См. Ж. Натан. Икономическите възгледи на Д. Благоев, стр. 206; е го же. Димитър Благоев, стр. 198; А. Годоров. Там же, стр. 12; Т. Владигеров. Там же, стр. 112, 117; К. Василев. Предговор..., стр. XX—XXI; М. Вълканов. Там же, стр. 24; Й. Йотов. Първият конгрес..., стр. 53.

⁴⁴ См. Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 280—281. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 320.

ведет к *монополии*. Ныне монополия является фактом»⁴⁵. Д. Благоев не ограничивается ленинскими данными. Он приводит новые факты в доказательство ленинских выводов. «В июне 1916 года, — пишет он, — немецкие газеты сообщили об образовании нового гигантского треста, который объединяет химические предприятия в Германии. Таким образом конкуренция между капиталистическими предприятиями превратилась в монополию»⁴⁶.

Далее Д. Благоев выясняет роль и значение монополистических объединений: трестов, картелей и т. д. «Картели заключают договоры об условиях сбыта, сроках платежа. Они делят между собой рынок, определяют количество произведенных продуктов, устанавливают цены, распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т. д. Таким путем картели и тресты создают *монополию*, *монополистические союзы*. Монополия обеспечивает капиталистам гигантские доходы и ведет к образованию технических производственных единиц колоссальнейших размеров»⁴⁷. Создание монополий предполагает и насильственное включение в крупные монополистические объединения других картелей и трестов путем экономического давления⁴⁸. Тут уже речь идет не о конкурентной борьбе, замечает вслед за В. И. Лениным Д. Благоев, а об удушении монополистами тех, кто не подчиняется их произволу. Развитие капитализма дошло до такой ступени, что, хотя товарное производство и считается основой хозяйства, в сущности оно уже подорвано, а прибыли достаются «гениям» финансовых проделок⁴⁹. «Монополия, — заключает Д. Благоев, — проникает ныне во все сферы производства... Вообще монополия пролагает себе дорогу всюду и всяческими способами.... Мы стоим перед гигантским процессом (у В. И. Ленина: прогрессом. — Е. А.) *обобществления (социализирования)* производства и технических изобретений и усовершенствований. Иными словами, капитализм в его империалистической стадии ведет к всестороннему социализированию производства, он втаскивает капиталистов, вопреки их воле и сознанию, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы концентрации (у В. И. Ленина: конкуренции. — Е. А.) к полному обобществлению, к полному социализированию. Производство становится общественным, но присвоение остается частным. Общественные средства производства остаются частной собственностью небольшого числа лиц»⁵⁰. Таким образом империализм, доводя обобществление производства до гигантских размеров при господстве частной собственности на средства производства, до крайности обостряет основное противоречие капитализма — противоречие между трудом и капиталом. Подчеркивая это положение, Д. Благоев наносил чувствительный удар по каутскианцам, мечтавшим об уничтожении противоречий в рамках буржуазного строя.

Вместе с развитием капитализма и углублением концентрации производства, продолжает Д. Благоев излагать содержание ленинской книги, развивается и банковое дело, которое концентрируется в нескольких крупнейших банковских учреждениях. Одновременно с этим банки теряют

⁴⁵ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 281—282. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 315.

⁴⁶ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 284.

⁴⁷ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 283. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 317.

⁴⁸ См. Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 284—285. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 321.

⁴⁹ См. Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 285. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 322.

⁵⁰ Д. Благоев. Соч., т. 18, стр. 285, 286. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 320—321.

свою роль посредников в платежах и превращаются в мощных монополистов, распоряжающихся почти всем денежным капиталом всех капиталистов и мелких хозяев, а также большей частью средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран⁵¹. «В банковом деле, — пишет Благоев, — наблюдаются те же явления, что и при концентрации производства: образуются картели и тресты банков, образуются банковые монополии»⁵². Горстка банковых монополистов подчиняет себе торгово-промышленные операции всего капиталистического общества. Более того, банковые «концерны» все сильнее давят на промышленников, ставя их в полную зависимость от себя. Финансовые магнаты входят в личный союз с предпринимателями, образуя личную унию. Банковский и промышленный капитал сливаются воедино, сращиваются. Таким образом банки вырастают до учреждений «универсального характера» и превращают тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое хозяйство⁵³. Выясняя роль и значение финансового капитала и финансовой олигархии, Д. Благоев отмечает, что концентрация банкового капитала и его постоянно растущие связи с промышленностью создают горстку финансовых монополистов, которые распоряжаются всей экономической жизнью общества⁵⁴. Вслед за В. И. Лениным Д. Благоев подчеркивает реакционную роль финансовой олигархии, вскрывает классовую подоплеку «системы участия» и так называемую «демократизацию» капитала, которую он рассматривает как один из способов усиления мощи финансовых воротил, финансовой олигархии⁵⁵. Важную роль в развитии и упрочении финансовой олигархии, по мнению Благоева, играет сверхприбыль, получаемая в результате выпуска фондовых бумаг и посредничества при отпуске внешних займов⁵⁶.

Отличительным признаком монополистической стадии капитализма является вывоз капитала. Чем объясняет это явление Д. Благоев? Тем, что монопольное владение рынками сбыта приводит неизбежно к «избытку капитала», не находящего себе применения в данной стране. С другой стороны, появляется возможность направить «лишние» бездействующие капиталы за пределы метрополий. «Возможность вывоза капитала создается тем, что ряд отсталых стран втянут уже в оборот мирового капитализма... Необходимость вывоза капитала создается тем, что в немногих странах капитализм «перезрел» и капитал не находит — при условии неразвитости земледелия и нищеты масс — места прибыльного помещения»⁵⁷. Проанализировав данные, приведенные В. И. Лениным, Д. Благоев отмечает: «Вывоз капитала может до некоторой степени привести к застою в развитии стран, которые вывозят капитал, но это компенсируется расширением и углублением дальнейшего развития капитализма во всем мире. Для стран, вывозящих капитал, почти всегда имеется возможность приобрести известные «выгоды», характер которых проливает свет на осо-

⁵¹ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 287, 291. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 326.

⁵² Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 289—290. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 330.

⁵³ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 291—292. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 328—332, 337, 340.

⁵⁴ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 293—294. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 345.

⁵⁵ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 294—295. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 346, 348.

⁵⁶ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 296, 297, 298. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 350, 352, 358.

⁵⁷ Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 299—300. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 360.

бенность финансового капитала и монополий... И действительно, самая обычная вещь: условием займа ставится расходование части его на покупку продуктов кредитующей страны, особенно на предметы вооружения, на суда и т. д.»⁵⁸. Сопоставляя эти выдержки с соответствующими строками ленинской работы, можно наглядно убедиться в том, что они почти дословно воспроизводят высказывания В. И. Ленина. Подобное изложение глав ленинской работы можно обнаружить и в последующих статьях Д. Благоева, вскрывающих значение и роль международных монополистических объединений и характер колониальной политики в эпоху империализма. По мере того как растет вывоз капитала, пишет Д. Благоев, по мере расширения колониальных связей и «сфер влияния» крупнейших монополистических союзов, «дело идет к международному соглашению между ними, к образованию международных картелей»⁵⁹. И далее Д. Благоев, исходя из ленинских посылок, анализирует процесс, который ведет к образованию этой сверхмонополии⁶⁰. Господство монополистических союзов крупнейших предпринимателей Д. Благоев называет основной чертой новейшего капитализма.

Для обеспечения себе устойчивого положения союзы монополистов ведут между собой борьбу за захват колоний⁶¹. Но в эпоху империализма великие державы сталкиваются с тем фактом, что мир оказывается поделенным, исключая полунезависимые в политическом отношении малые страны. Выясняя содержание колониальной политики буржуазии в эпоху империализма, Д. Благоев замечает, что в новых условиях, когда мир уже поделен, крайне обостряется борьба за подчинение полунезависимых стран⁶². Эпоха финансового капитала создает ряд переходных форм государственной зависимости. Типичным явлением становятся колонии нового типа, т. е. страны политически формально самостоятельные, а на деле опутанные кабальной сетью финансовой и дипломатической зависимости⁶³. Сущность новой колониальной политики Д. Благоев вскрывал, опираясь на высказывания В. И. Ленина, еще в статье «Что такое империализм?». «Раздел мира — писал он, — есть переход от колониальной политики, беспрестанно распространяющейся на не захваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца»⁶⁴.

Таким образом, вскрытые В. И. Лениным основные признаки империализма, достаточно полно освещены в статьях Благоева. Как показывает анализ, Д. Благоев, соглашаясь с В. И. Лениным и почти дословно воспроизводя многие его выводы и формулировки, в то же время допускает некоторые неточности при изложении. В статьях по империализму Д. Благоев ограничивается разбором лишь тех аргументов, которые, по его мнению, выставлял В. И. Ленин в защиту своего определения империализма и которыми он обосновывал критику против Каутского⁶⁵. Не

⁵⁸ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 301—302. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 362, 363.

⁵⁹ Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 303. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 364.

⁶⁰ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 304—307, Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 365—371.

⁶¹ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 309—310. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 380.

⁶² См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 309. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 380—381.

⁶³ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 309. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 383.

⁶⁴ Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 275. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 386.

⁶⁵ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 277.

нашли отражения в статьях Д. Благоева выводы В. И. Ленина об отставании сельского хозяйства от промышленности и гнете монополий в эпоху господства финансового капитала⁶⁶, о роли монопольно высокой прибыли, выколачиваемой путем нещадной эксплуатации народов колониальных и зависимых стран. Не вскрывает Д. Благоев достаточно ясно и полно связи империализма с оппортунизмом. Правда, есть у него упоминание о пропаганде в среде пролетариата «националистического рабочего империализма»⁶⁷, но анализа экономических корней этого явления нет. Д. Благоев не подчеркивает того факта, что именно в эпоху империализма буржуазия, получая гигантские сверхприбыли, имеет возможность подкупать часть рабочих и тем самым питает оппортунизм⁶⁸.

Четыре последние главы книги, содержащие ценнейшие выводы В. И. Ленина, в благоевском изложении отсутствуют, за исключением нескольких абзацев из главы седьмой. Недостатки благоевских статей по империализму, в известной мере, уже были отмечены в советской и болгарской исторической литературе⁶⁹. Исследователи объясняют их влиянием Каутского. Это бесспорно.

На наш взгляд, Д. Благоев в это время еще не понимал всей глубины учения В. И. Ленина о том, что монополия, вырастающая из концентрации производства и идущая на смену свободной конкуренции, представляет собой загнивание и умирание капитализма, переход от капитализма к более высокому строю, т. е. к социализму⁷⁰. Поэтому он не совсем точно воспроизводит формулировку открытого В. И. Лениным общего и основного закона развития высшей стадии капитализма⁷¹. Все внимание Д. Благоев сосредоточивает на концентрации производства, на создании трестов, картелей, синдикатов, но при этом не подчеркивает, что именно из них вырастает монополия. Д. Благоев отождествляет монополию с союзом монополистов. В известном смысле каждый трест, каждый синдикат есть монополия. Но она не сводится только к монополистическим союзам. Монополия проявляется и в новой роли банков, и в скупке источников сырья, и в экономическом разделе мира. «Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами,— писал В. И. Ленин,— с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и от каких бы то ни было других «частностей»⁷². Д. Благоев не точно воспроизводит второй абзац третьей главы книги В. И. Ленина, где дается критика гильфердинговского определения финансового капитала. Гильфердинг у него фигурирует в качестве «известного немецкого марксиста»⁷³.

«Банковский капитал,— следовательно, капитал в денежной форме,— превращенный в промышленный капитал, называется *финансовым капиталом* (курсив Благоева.— Е. А.). Или: финансовый капитал есть капитал, находящийся в распоряжении банков и применяемый промышленниками»⁷⁴. Приведя это гильфердинговское определение финансового капитала, Д. Благоев не выясняет, почему оно неполно. Молчаливо со-

⁶⁶ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 321, 353, 359.

⁶⁷ Д. Благоев. Съч., т. 18, стр. 315.

⁶⁸ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 308, 423.

⁶⁹ См. М. А. Бирман. Там же, стр. 66; Ж. Натан, Димитър Благоев, стр. 199; Т. Владигеров. Там же, стр. 115, 122, 123; К. Василев. Предговор...

⁷⁰ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 385—386.

⁷¹ См. Д. Благоев. Съч., т. 18, стр. 285. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 315.

⁷² В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 355.

⁷³ Д. Благоев. Съч., т. 18, стр. 279.

⁷⁴ Д. Благоев. Съч., т. 18, стр. 293. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 343.

глашаясь с Гильфердингом, он пишет далее: «Но, очевидно, что такое превращение банкового капитала в промышленный, в финансовый капитал, возможно лишь тогда, когда рост концентрации производства и капитала достигает такой сильной степени, что концентрация приводит и привела к монополиям»⁷⁵. Этими комментариями Д. Благоев сводит на нет ленинскую критику гильфердинговского определения финансового капитала. В то же время рядом Д. Благоев дает верное ленинское определение финансового капитала, а в статье «Что такое империализм?» приводит следующее место из книги В. И. Ленина: «... финансовый капитал есть банковый капитал монополистически немногих крупнейших банков, слившийся с капиталом монополистических союзов промышленников»⁷⁶. Видимо, Д. Благоев не замечал существенной разницы между определением финансового капитала, данным Лениным и Гильфердингом.

Не нашел отражения в статьях Д. Благоева и ленинский вывод о том, что монополия не устраняет и не может устранить кризисов и анархии производства, что капиталистические монополии вообще не могут ликвидировать свободной конкуренции, они существуют над нею и рядом с нею, порождая этим ряд острейших противоречий и конфликтов⁷⁷. В известной мере Д. Благоев рассматривал империализм в чистом виде, противопоставляя его старому капитализму. «Почему капитализм до последней четверти прошлого века и особенно в начале XX века не вел такой политики, не был империалистическим? — спрашивал Д. Благоев и тут же отвечал: — Очевидно, потому, что произошла известная перемена в самом капитализме, в его развитии, что нынешний капитализм не похож на капитализм XIX века, что последний умер и уступил свое место капитализму империалистическому»⁷⁸. Подобное толкование империализма В. И. Ленин заметил в свое время в рождающемся направлении «империалистического экономизма» и дал ему должный отпор⁷⁹. Империализм, учил В. И. Ленин, не появляется как всеобъемлющая система сразу и в чистом виде, он не перестраивает и не может перестроить капитализм снизу доверху. Более того, он «вечно снова порождает капитализм (из натурального хозяйства колоний и отсталых стран), снова порождает переходы от мелкого капитализма к крупному, от слабого товарообмена к развитому и т. д. и т. п.»⁸⁰. Нет империализма как целого, а есть «переход от конкуренции к монополии... Именно это соединение противоречащих друг другу «начал»: конкуренции и монополии и существенно для империализма, именно оно и подготавливает крах, т. е. социалистическую революцию»⁸¹. Эти ленинские положения, имеющие огромное теоретическое и практическое значение, не получили в трудах Д. Благоева достаточно полного и яркого отражения.

Не вполне ясное понимание сущности империализма привело Д. Благоева к ошибочной оценке полемики В. И. Ленина с Каутским. Сущности этой полемики он не уяснил себе до конца, поэтому не согласился с В. И. Лениным в характеристике Каутского как предателя интересов рабочего класса⁸². В статьях, где идет речь об экономических основах империализма, Д. Благоев опускает всю критику, направленную В. И. Лениным против каутскианства вообще, а в заключительной статье «Сущность полемики об империализме» представляет эту критику как резуль-

⁷⁵ Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 293.

⁷⁶ Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 275. Ср. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 386.

⁷⁷ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 321, 324, 386.

⁷⁸ См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 281, 314.

⁷⁹ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 30, стр. 59—67.

⁸⁰ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 28, стр. 91.

⁸¹ В. И. Ленин. Указ. соч., т. 32, стр. 145—146.

⁸² См. Д. Благоев. Сьч., т. 18, стр. 315—316.

тат личных взаимоотношений В. И. Ленина и К. Каутского. Ленин, пишет Благоев, обвиняет Каутского в «замазывании» сути дела и таким образом ставит его в один ряд с апологетами империализма. «Это обвинение против Каутского мы не можем поддержать, так как считаем его результатом личного отношения Ильина (т. е. В. И. Ленина. — Е. А.) к Каутскому. Каутский совершает теоретическую ошибку, поскольку он или неверно понимает империализм или не углубляет своего понимания. Однако его нельзя обвинить в том, будто он умышленно — как это делают идеологи буржуазии — хотел извратить марксизм»⁸³.

Д. Благоев упрекает Каутского лишь в том, что он, Каутский, как теоретик, призывающий к борьбе против империалистической политики, не обосновал своего призыва всеми научными данными⁸⁴. Причину теоретических заблуждений Каутского Д. Благоев усматривает в том, что он отрывает империалистическую политику от ее экономической базы. Однако Благоев не вскрывает корней подобного извращения и не задается вопросом: почему Каутский, знавший ранее прекрасно систему и метод Маркса, мог вдруг отступить от марксизма? Сущность полемики об империализме, пишет Д. Благоев, состоит не в том, что Каутский рассматривает империализм как политику капитализма, а В. И. Ленин как более высокую ступень в развитии капитализма. Сущность полемики, уточняет он, состоит в том, что Каутский, говоря об империализме, оставляет в стороне его экономику⁸⁵. Д. Благоев находит это понимание «неправильным, немарксистским» и ставит на том точку, не заметив реакционной сути каутскианства.

Утверждение Д. Благоева о том, что в основе теоретических заблуждений Каутского лежит произвольный отрыв политики от экономики, в общем-то верно. Но оно неполно. В нем умалчивается о самом главном — об измене Каутского делу пролетариата. То, что Каутский отрывает политику империализма от его экономики, вполне очевидно. И В. И. Ленин, разоблачая его теоретическую фальшь, неоднократно указывает на это. Но В. И. Ленин не случайно подчеркивает, что в свое определение империализма экономическую сторону дела вносит сам Каутский⁸⁶. И Каутский специально делает это, чтобы замазать коренные противоречия эпохи, извратить суть вопроса. Острые критики В. И. Ленина было направлено не только против того, что Каутский отрывает политику от ее экономической базы, а главным образом против ренегатства Каутского, на разоблачение его как скрытого врага рабочего класса, как предателя интересов социализма. Вот что осталось для Д. Благоева неясным, вот почему он не дал критики каутскианской теории ультраимпериализма.

Одной из причин непонимания Д. Благоевым сущности полемики было то обстоятельство, что первое издание ленинского труда, которым пользовался Д. Благоев, вышло в свет с большими искажениями. Иного издания вплоть до 1924 г. не выходило⁸⁷. Почти вся критика каутскиан-

⁸³ Там же, стр. 316.

⁸⁴ Там же, стр. 315.

⁸⁵ Там же, стр. 314.

⁸⁶ См. В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 27, стр. 388—389. Об этом ленинском указании Д. Благоев не мог знать, так как слово «сам» в соответствующем месте ленинского труда в его первом издании было выброшено. См. Н. Л е н и н (Вл. Ильин). Империализм, как новейший этап капитализма. Петроград, 1917, стр. 87.

⁸⁷ См. В. И. Л е н и н. Указ. соч., т. 27, стр. 521. Примечание 124. Вот что писал в период подготовки первого издания сотрудник книгоиздательства «Парус» в письме М. Н. Покровскому, который был посредником между автором брошюры и издателями: «Брошюру В. Ильина (т. е. В. И. Ленина. — Е. А.) сдаем в набор немедленно, сократив те главы, которые Вы отметили (полемика с Каутским)». ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 147, оп. 1, ед. хр. 41887, л. 2.

ства была выброшена из книги, а многие важные места ее — извращены⁸⁸. Разумеется, это не способствовало уяснению Д. Благоевым сущности ленинской борьбы с каутскианством.

Подводя итог анализу благоевских статей, мы должны подчеркнуть, что они неполно отражали существо ленинского труда, что они явились первым шагом на пути восприятия Д. Благоевым ленинской теории империализма. Тем не менее эти статьи дали заметный толчок к разработке правильных теоретических и тактических позиций партии тесняков. В свете ленинизма Д. Благоев объяснял особенности рабочего движения в новых условиях, необходимость беспощадной борьбы партии с оппортунизмом и прежде всего с болгарскими широкими социалистами, необходимость на этой основе переоценки взглядов, господствовавших ранее во II Интернационале⁸⁹. Партия тесных социалистов по достоинству оценила статьи Д. Благоева об империализме. «Мы восприняли эти статьи как откровение», — вспоминал позднее видный деятель Болгарской коммунистической партии П. Георгиев⁹⁰. Осенью 1918 г. ЦК БРСДП (т. с.) на ряде заседаний обсудил вопросы, связанные с необходимостью изменения программы и включения в нее характеристики империализма⁹¹. Проект программной декларации было поручено подготовить Хр. Кабакиеву. В ноябре 1918 г. проект был готов и в январе он уже вышел из печати под названием «Лозунги и программа рабочей социал-демократической партии „тесной“»⁹². Программная декларация была принята в мае 1919 г. на Первом съезде Болгарской коммунистической партии⁹³. Нет надобности подробно анализировать этот документ, так как в исторической литературе его анализу отведено значительное место⁹⁴. Здесь лишь необходимо отметить, что в программную декларацию составной частью вошли благоевские идеи об империализме, формировавшиеся под непосредственным влиянием В. И. Ленина.

Включение вопроса об империализме в программу партии имело огромное значение. В. И. Ленин еще в 1917 г. указывал на важность такого шага для партии русского пролетариата⁹⁵. Под влиянием В. И. Ленина Д. Благоев одним из первых болгарских марксистов понял необходимость включения в программу партии характеристики эпохи империализма и тем самым оказал большую услугу болгарскому и международному рабочему и коммунистическому движению. Документы I съезда БКП (т. с.), где получили отражение ленинские идеи об империализме, социалистической революции и диктатуре пролетариата, были опубликованы вскоре в журнале «Коммунистический Интернационал»⁹⁶.

Летом 1919 г. Д. Благоев делает решительный шаг и окончательно порывает с Каутским⁹⁷. Под влиянием опыта строительства социализма в Советской России, решений первых конгрессов Коминтерна Д. Благоев полнотой переходит на позиции ленинизма.

⁸⁸ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 27, стр. 372, 380—381, 390, 391, 392, 394, 408, 415—416, 420. Ср. Н. Ленин (В. Ильин). Указ. соч., стр. 69—70, 79, 89, 90, 91, 93, 107—117.

⁸⁹ См. Д. Благоев. Съч., т. 18, стр. 316—317.

⁹⁰ П. Георгиев. Под знака на Великия октомври. Сб. «17-та година», София, 1957, стр. 286.

⁹¹ См. С. Арабаджиев. Там же, стр. 42.

⁹² «Лозунгите и програмата на работничката социалдемократическа партия „тесна“». София, 1919.

⁹³ «БКП в резолюции и решения...», т. 2, София, 1951, стр. 2—6.

⁹⁴ См. Й. Йотов. Първият конгрес на БКП (т. с.); С. Арабаджиев. Там же.

⁹⁵ См. В. И. Ленин. Указ. соч., т. 31, стр. 144; т. 34, стр. 140, 365.

⁹⁶ См. «Коммунистический Интернационал», М. — Пг., 1919, № 4—5.

⁹⁷ См. Д. Благоев. Съч., т. 18, стр. 413, 423, 444—445.

В. В. МАРЬИНА,
Г. П. МУРАШКО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ДЕРЕВНЕ НАКАНУНЕ КООПЕРИРОВАНИЯ

В 1945—1948 гг. чехословацкая деревня вступила на новый путь развития. В эти годы происходили глубокие сдвиги в политической жизни и социальной структуре сельского населения Чехословакии, в области развития производства и производительных сил. В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с состоянием сельскохозяйственного производства и производительных сил, анализируются социальные перемены в чешской и словацкой деревне в послевоенные годы. Авторы сознательно не касались вопросов осуществления аграрной реформы, поскольку они уже исследованы в ряде работ¹.

Чехословакия уже в довоенный период могла быть отнесена к числу стран со среднеинтенсивным сельскохозяйственным производством. Значительно отставая от таких стран, как Бельгия, Голландия, Дания, Швеция, Англия и Германия, Чехословакия по важнейшим показателям развития сельского хозяйства не уступала Австрии, значительно опережала Францию и Италию и далеко оставила позади страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Для чехословацкого сельского хозяйства характерна относительно высокая урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность скота, значительный удельный вес животноводства², довольно высокий процент земель, занятых под кормовыми и техническими культурами. Интенсивность сельскохозяйственного производства в Словакии была много ниже, чем в Чешских землях.

Относительно высокая продуктивность сельского хозяйства в Чехословакии объясняется чрезвычайно тщательной обработкой земли и заботливым уходом за скотом. Чехословацкое крестьянство было хорошо знакомо с аграрной техникой, и из поколения в поколение передавало накопленный опыт совершенствования сельскохозяйственного производства. В крупных имениях, кулацких и отчасти середняцких хозяйствах, широко (для того времени) применялись машины, минеральные удобрения, сортовые семена и т. д. Накануне войны в сельском хозяйстве Чехословакии насчитывалось 8138 тракторов³. 90% их находилось в собственности

¹ K. J e s h. *Probuzená vesnice*. Praha, 1963; А. И. Недорезов. *Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии*. М., 1954.

² В 1936 г. удельный вес животноводства в сельскохозяйственном производстве составлял 41,7%, на 100 га сельскохозяйственной земли приходилось в 1934—1938 гг. — 56,4 головы крупного рогатого скота (в Чешских землях — 65,3, в Словакии — 37,6). См.: «*Vývoj československého zemědělství v období 20 let v číslech*». Praha, 1966, s. 43; «*Statistická ročenka Republiky Československé 1957*». Praha, 1957, s. 190; «*Problémy rozvoje československého zemědělství v období budování rozvinuté socialistické společnosti*». Praha, 1962, s. 10, 12.

³ «*Politická ekonomie*», 1965, č. 7. *Statistická příloha*, s. 28.

владельцев 50 и более га земли ⁴. Легкие средства механизации (маломощные молотилки, небольшие сеялки и др.) использовались и в средних хозяйствах ⁵. Оснащенность сельского хозяйства машинами в Чешских землях и Словакии была различной ⁶.

Соотношение машинного и ручного труда в сельском хозяйстве довоенной Чехословакии в 1930 г. составляло примерно 47 : 53⁷. Однако интенсивность производства в мелких и в значительной части средних хозяйств достигалась, в основном, за счет высокого (70—80%) вложения ручного труда ⁸.

По потреблению минеральных удобрений Чехословакия значительно отставала от развитых капиталистических стран Запада, но шла далеко впереди государств Центральной и Юго-Восточной Европы ⁹.

Товарность сельского хозяйства была невысокой (38,7%) вследствие большого количества в деревне мелких крестьянских хозяйств ¹⁰. В структуре товарной продукции преобладающее место занимала продукция животноводства (60,1%) ¹¹. Несмотря на значительную развитость, сельское хозяйство Чехословакии не могло полностью обеспечить продовольствием население страны. Поэтому часть продуктов питания ввозилась из-за границы. В 1937 г. импорт сельскохозяйственной продукции по стоимости составлял около 13% общего импорта страны ¹². Такими продуктами, как мясо, масло, Чехословакия обеспечивала себя сама. Однако это было связано в значительной степени с низким уровнем потребления этих продуктов в буржуазной Чехословакии. Некоторые из традиционных для страны продуктов сельского хозяйства (хмель, сахар) она даже экспортировала. В 1937 г. ввоз сельскохозяйственных продуктов на 66% покрывался их вывозом ¹³.

В годы оккупации и войны сельское хозяйство Чехословакии и прежде всего Словакии было сильно подорвано. Ущерб, нанесенный ему, сос-

⁴ Так, в собственно Чехии (исключая Моравию и Силезию), где механизация сельскохозяйственных работ была наиболее высокой по сравнению с другими районами страны, в 1930 г. тракторы имели только 0,3% хозяйств, сноповязалки — 0,6, картофелекопалки — 3,1, зерносеялки — 5,9, сенокосилки — 9,2%. См.: «Zemědělské noviny», 28 X 1950.

⁵ В 1930 г. в Чехии сеялки имелись в 19,7% хозяйств, молотилки — 36,3, сепараторы — 37,8, соломорезки в 57,8%. Ibid.

⁶ На долю Словакии приходилось всего 15% живой тягловой силы, используемой в сельском хозяйстве, и 8% — механической. J. V á l i k. Mechanisace zemědělství společným použiváním strojů. Praha, 1948, s. 9.

⁷ По отдельным областям соотношение механической и живой тягловой силы было следующим: Чехия — 56:44; Моравия и Силезия 50:50; Словакия — 20:80. (J. V á l i k. Ibid., s. 9).

⁸ «Politická ekonomie», 1963, č. 2, s. 91. Количество ручного труда, затраченного на производство 100 ц пшеницы, в 1930—1933 гг. в Чешских землях в зависимости от размера хозяйств:

0,3 — 1 га — 2470 час.	5 — 10 га — 995 час.
1 — 2 — 1862	более 10 — 720.
2 — 5 — 1366	

⁹ Перед войной в Бельгии употреблялось 86,3 кг чистого вещества минеральных удобрений на 1 га сельскохозяйственной земли, в Германии — 83,1 кг, а в Чехословакии — 12,1 кг. A. V a c l a v ů. Československé zemědělství po valce a v letech dvouletky. In.: Některý problémy hospodarského vývoje Československa v letech 1945—1948. Praha, 1967, s. 57.

¹⁰ В растениеводстве она составляла всего лишь 26,5%, а в животноводстве была довольно высокой — 55,7%.

¹¹ «Politická ekonomie», 1963, č. 2, s. 91.

¹² См.: К. Г о т в а л ь д. ЦК КПЧ. «Информационный бюллетень», 1952, № 1, стр. 4.

¹³ Archiv Statní Planovací Komise (далее—ASPK). Dokumentace, č. j. 030912/59, s. 2.

тавил 44 млрд крон. Особенно пострадали производительные силы деревни. В годы войны большое количество земли было использовано для строительства военных сооружений, на большей части Словакии проходили военные действия. Плодородие земли упало из-за менее тщательной ее обработки и сокращения вносимых в нее искусственных удобрений¹⁴. Значительно понизилась урожайность¹⁵. Площадь пахотной земли сократилась на 3% по сравнению с 1934—1938 гг.¹⁶. Вследствие этого в 1945 г. было произведено на много меньше продуктов растениеводства, чем до войны. Значительно сократилось поголовье скота и снизилась его продуктивность¹⁷. Поголовье лошадей уменьшилось на 11% в Чехословакии и на 46% в Словакии¹⁸. Пришли в негодность или были разрушены многие сельскохозяйственные постройки. Уже в начале войны предприятия сельскохозяйственного машиностроения были переведены на выпуск военной продукции. Производство машин и сельскохозяйственного инвентаря значительно сократилось, а к концу войны — полностью прекратилось. Таким образом, в течение войны парк сельскохозяйственных машин практически не пополнялся и не обновлялся. В то же время сократилось количество рабочих рук в сельском хозяйстве в связи с мобилизацией в армию и работой на военных предприятиях и угоном на работу в Германию¹⁹.

Валовая продукция сельского хозяйства в 1945 г. составляла примерно 60% довоенного уровня, а в расчете на одного жителя она была на 36% ниже, чем до войны²⁰. Основной экономической задачей в области сельского хозяйства стало восстановление его ослабленных производительных сил, поднятие уровня сельскохозяйственного производства до довоенного.

Поэтому большое внимание КПЧ и народно-демократическое правительство уделяли в первые послевоенные годы механизации и техническому оснащению сельского хозяйства. На эти цели в 1947—1948 гг. было выделено в два раза больше средств, чем в 1937—1938 гг.²¹. Двухлетний план (1947—1948 гг.) поставок машин сельскому хозяйству был перевыполнен²². К концу 1948 г. в сельском хозяйстве Чехословакии насчитывалось уже 19 964 трактора²³. В конце двухлетки количество сельско-

¹⁴ Потребление минеральных удобрений сократилось с 13,1 кг на 1 га сельскохозяйственной земли в 1936 г. до 6,4 кг в 1945 г. «Politická ekonomie», 1965, č. 7. Statistická příloha, s. 25.

¹⁵ Урожайность в Чешских землях, ц:

	1936 г.	1945 г.		1936 г.	1945 г.
Пшеница	19	14,9	Овес	17,8	13,2
Рожь	15,3	12,8	Картофель	160,9	117,2
Ячмень	19,4	14,1	Сахарная свекла	321,7	223,1

«Statistická příručka Slovenska 1947». Bratislava, 1947, s. 74—77.

¹⁶ «Politická ekonomie», 1965, č. 7. Statistická příloha, s. 25.

¹⁷ Почти в 2 раза по сравнению с 1936 г. снизились удои молока (с 1862 л до 972 л), средний убойный вес крупного рогатого скота в Чешских землях упал с 262 кг до 155 кг, свиней — с 66 до 57 кг. Ibid.

¹⁸ «Statistická příručka Republiky Československé 1957». Praha, 1957, s. 137.

¹⁹ По данным генерального секретаря экономического совета в сельском хозяйстве Чехословакии (прежде всего Чешских земель) не хватало 200 000 рабочих.

²⁰ «Československá revoluce v letech 1944—1948». Praha, 1966, s. 236.

²¹ В сравнительных ценах в 1937—1938 гг. — 1800 млн крон, в 1947—1948 гг. — 3 700 млн крон. См.: К. Жеш. Ibid., s. 289.

²² Тракторов было поставлено 10 015 вместо запланированных 9300, уборочных машин — 29 927 вместо 24 000 и т. д. А. Вацлав. Československá vesnice od května 1945 do začátku první pětiletky. ÚD KSC, 1964, s. 39.

²³ «Politická ekonomie», 1965, č. 7. Statistická příloha, s. 28.

хозяйственной земли, приходящейся на один трактор, сократилось с 602 до 351 га, т. е. в два раза²⁴. Особенно возросла механизация сельскохозяйственных работ в Словакии, доля которой в двухлетнем плане поставок тракторов составляла примерно 33%²⁵. Число тракторов в словацком сельском хозяйстве выросло почти в 2,5 раза (с 1800 до 4380)²⁶. Однако Словакия еще далеко отставала от Чешских земель по оснащенности деревни машинами²⁷. В результате поставок сельскому хозяйству машин значительно возросла его энерговооруженность, в структуре которой преобладающим стал механический труд. По данным Министерства сельского и лесного хозяйства Чехословакии соотношение между ручным и механическим трудом в деревне в 1947 г. выглядело как 36,8:63,2²⁸. Уровень механизации сельского хозяйства в Чехословакии накануне его социалистической перестройки был много выше, чем в других странах народной демократии (исключая ГДР) и в Советском Союзе к началу коллективизации деревни. Однако по сравнению с капиталистическими странами, близкими к Чехословакии по характеру и уровню развития сельского хозяйства, этот уровень был значительно ниже²⁹.

Спрос на сельскохозяйственные машины в годы двухлетки был больше, чем возможности снабжения ими деревни³⁰. Обследование, проведенное в начале 1948 г. Министерством сельского хозяйства, показало, что еще тысячи сел в стране не имели основных сельскохозяйственных машин. В Чешских землях, например, в 9552 деревнях не было сноповязалок, в 5766 — тракторов³¹. Механизация полевых работ в 1947 г. достигала лишь 9—12%³². Таким образом, энергетическая и техническая база сельского хозяйства в первые послевоенные годы значительно укрепилась, однако развитие ее отставало от потребностей деревни в рабочей силе. Одной из причин этого был чрезвычайно быстрый уход рабочей силы из сельского хозяйства, особенно усилившийся в годы войны и после нее. И хотя сокращение сельскохозяйственного населения — явление вполне закономерное для промышленно развитых стран, в Чехословакии оно проходило гораздо более быстрыми темпами, чем в капиталистических странах, близких к ней по уровню развития. В то время, как в большинстве западноевропейских стран в 1940 г. число лиц, занятых в сельском хозяйстве, находилось примерно на довоенном уровне³³, в Чехословакии оно

²⁴ «Zemědělské noviny», 1 I 1949.

²⁵ Archiv Ústavu Dějín KSČ (далее — AÚD KSČ), 0—5—7 1949, s. 17.

²⁶ «Historický časopis», 1967, č. 1, s. 4.

²⁷ К 1949 г. в Чешских землях 1 трактор приходился на 48 хозяйств, в Словакии — на 132 хозяйства; 1 электромотор — на 32 и 602 хозяйства, косилка — на 6 и 72 хозяйства, жатка — на 14 и 194 хозяйства, молотилка — на 9 и 262 хозяйства. См.: A. V a s l a v ů. Ibid., s. 213.

²⁸ «Statistická ročenka Ministerstva zemědělství lesního, vodného hospodářství 1957 (MZIH), Praha, 1958, s. 210. К сожалению, данных на 1948 или 1949 г. в распоряжении авторов нет. Однако ясно, что это соотношение к концу двухлетки еще более изменилось в сторону увеличения доли механического труда.

²⁹ В Великобритании в это время 1 трактор приходился на 29 га, в Норвегии — на 91, в ФРГ — на 100, в Австрии — на 200, во Франции — на 250 га. См.: F. S t o č e s. Produktivita práce a výrobní vztáhy v zemědělství kapitalistických zemí. Praha, 1961, s. 26.

³⁰ ASPK. Dokumentace. 46—384, s. 16. С мая 1945 г. по сентябрь 1947 г. спрос на основные сельскохозяйственные орудия был удовлетворен: косилки — на 33%, сноповязалки — на 40, жнейки — на 70, тракторы — на 72%.

³¹ «Zemědělské noviny», 26 III 1948.

³² S. P e l t r a m o v a. Některý národohospodářské důsledky mechanizace zemědělských prací v CSR v letech 1948—1960. «Zemědělska ekonomika», 1963, č. 11, s. 599.

³³ J. K a r l i k a kol. Československé zemědělství a pracovní síly. Praha, 1967, s. 17.

сократилось с 3339 тыс. в 1937 г. до 2127 тыс. в 1949 г.³⁴, т. е. более чем на треть. Проводившаяся в это время земельная реформа объективно требовала увеличения количества рабочих в сельском хозяйстве, так как дробление земли привело к потребности человеческого труда для ее обработки. Этот экономический фактор, казалось, должен был бы задержать уход рабочей силы из деревни, но в Чехословакии этого не произошло, что объяснялось, с одной стороны, переселением немецкого населения из пограничных областей, с другой — бурным развитием в стране промышленности и других отраслей народного хозяйства. Облегчался этот процесс территориальной близостью деревни к городу. При этом необходимо отметить, что в Чешских областях с интенсивным сельскохозяйственным производством процесс сокращения рабочей силы в сельском хозяйстве шел быстрее, чем в Словакии³⁵. Одновременно с этим в сельском хозяйстве снизилось, по сравнению с довоенным, поголовье тяглового скота. Вернее, тот медленный рост поголовья, который имел место в 1945—1947 гг., был прерван засухой 1947 г.

Значительное сокращение рабочих рук и тягловых животных в деревне, почти полное исчезновение наемных рабочих в условиях недостаточной механизации сельского хозяйства приводили к снижению интенсивности сельскохозяйственного производства. По приблизительным подсчетам Сельскохозяйственного учетно-организационного института (*Zemědělského účetnické správního ústavu*) все поставленные деревне в годы двухлетки машины заменили труд лишь 32 000 рабочих, в то время как с 1936 г. из сельского хозяйства ушли 1 117 217 человек³⁶. Потребность в рабочей силе была не одинаковой в различных районах страны. В Словакии не ощущалось такой острой нужды в ней, как в Чешских землях и особенно в пограничных районах страны. Во внутренних районах Чешских земель рабочих рук не хватало прежде всего в крупных хозяйствах. Что касается одного из основных элементов производительных сил сельского хозяйства — земли, то количество ее продолжало сокращаться и в послевоенные годы, а плодородие поднималось крайне медленно. К 1948 г. по сравнению с 1936 г. это сокращение в целом по стране составляло 3,6%, а в Чешских землях, где хозяйство велось наиболее интенсивно, 5,2%³⁷.

Треть всей сельскохозяйственной земли Чешских областей приходилась на районы Пограничья. Одна часть этих земель после войны обрабатывалась новыми хозяевами³⁸, а другая оставалась вообще неиспользованной. Характерным для чехословацкого сельскохозяйственного земельного фонда была его чрезвычайная дробность. Каждое хозяйство состояло из нескольких парцелл, размер которых был тем меньше, чем мельче было хозяйство. В сельском хозяйстве страны насчитывалось 33 млн парцелл. Особой раздробленностью земли отличалась словацкая деревня, где в 1948 г. было 12 млн парцелл примерно по 0,25 га. На одно хозяйство приходилось в среднем 32 парцеллы³⁹.

³⁴ «Vývoj československého zemědělství v období 20 let...», s. 71.

³⁵ К 1948 г. по сравнению с 1936 г. число рабочих рук в Чешских землях сократилось на 40,6%, а в Словакии — на 19,2%. См.: А. В а с л а в ъ. Ibid., s. 143.

³⁶ ASPK. Dokumentace, č. 125, s. 21.

³⁷ «Ekonomický časopis», 1965, č. 3, s. 303.

³⁸ В процессе заселения в Пограничье возникло около 130 000 новых хозяйств. Только 30 000 владельцев имели в прошлом свою землю и то, чаще всего, не более 2 га. Члены остальных 100 000 семей работали на чужой земле и не имели, следовательно, навыков ведения собственного хозяйства, средние размеры которого в Пограничье были довольно крупные и достигали 13 га. «Zemědělské noviny», 1 IV 1948.

³⁹ «Zemědělské noviny», 29 I 1949.

Нехватка рабочих рук в условиях недостаточной механизации приводила к тому, что земля обрабатывалась не столь тщательно, как до войны. Плодородие ее повышалось крайне медленно, хотя потребление минеральных удобрений в конце двухлетки превысило довоенное и достигло 18,4 кг чистого вещества на 1 га⁴⁰. Значительно опередив по потреблению минеральных удобрений Советский Союз и другие европейские социалистические страны (кроме ГДР), Чехословакия, однако, не достигла в этом отношении даже довоенного уровня развитых капиталистических стран⁴¹.

Таким образом, производительные силы сельского хозяйства Чехословакии к концу восстановительного периода не только не достигли довоенного уровня развития, но были значительно ослаблены по сравнению с ним. Это было одной из причин того, что сельское хозяйство страны не было восстановлено к концу двухлетки. Большой ущерб сельскохозяйственному производству нанесла сильная засуха 1947 г. Двухлетний план развития сельского хозяйства был выполнен на 80%, в том числе по растениеводству — на 73%, по животноводству — на 83%⁴². К концу двухлетки сельскохозяйственное производство достигло лишь 74,8% довоенного уровня. Товарная его продукция составляла 69,3% довоенной, а интенсивность была на 21,7% ниже, чем в 1936 г., несмотря на рост производительности труда по сравнению с довоенным на 9%⁴³. В Чешских землях, где сельское хозяйство было более развитым, а отлив рабочей силы из деревни выше, чем в Словакии, объем и интенсивность сельскохозяйственного производства по сравнению с довоенным уровнем упали гораздо сильнее⁴⁴. Несмотря на то, что двухлетний план ориентировал сельское хозяйство на преимущественное развитие животноводства, оно развивалось гораздо медленнее⁴⁵ и, если продукция растениеводства по стране в целом достигла 79,6% довоенного уровня (а в Словакии 100,2%), то продукция животноводства — лишь 68,1%⁴⁶. Еще хуже было положение с товарной продукцией животноводства, которое в 1948 г. составляло лишь половину довоенной, в то время как товарная продукция растениеводства почти достигла довоенного уровня (95%), а в Словакии даже превысило его (107,7%)⁴⁷. Снижение товарности сельского хозяйства было следствием ряда причин и в первую очередь, конечно, следствием сокращения его валовой продукции. Другой причиной было усиление мелкотоварного сельскохозяйственного производства в результате проведения аграрной реформы. Крупное помещичье землевладение было уничтожено, коренным образом изменилось соотношение различных социальных групп в деревне.

⁴⁰ «Politická ekonomie», 1965, č. 7. Statistická příloha, s. 25.

⁴¹ В 1934—1938 гг. в Германии на 1 га пахотной земли приходилось 83,1 кг минеральных удобрений (в чистом веществе), в Великобритании в 1938 г. — 58,5 кг, во Франции — 38,9 кг. F. St. o. č. s. Ibid., s. 40.

⁴² «Zemědělské noviny», 2 III 1949.

⁴³ «Statistická ročenka Republiky Československé 1959». Praha, 1960, s. 219—221.

⁴⁴ В 1948 г. по сравнению с 1936 г. в Чешских землях объем сельскохозяйственного производства был ниже на 28,7%, интенсивность — на 23,5%, в Словакии соответственно — на 6,6 и 6,3%. «Ekonomický časopis», 1965, č. 3, s. 303.

⁴⁵ Видимо, здесь сказались падение продуктивности скота вследствие недостатка кормов и менее тщательного ухода за ним, а также сокращение поголовья после засухи 1947 г.

⁴⁶ «Statistická ročenka 1959...», s. 219—221.

⁴⁷ Ibid. Доля продукции животноводства в валовой продукции сельского хозяйства снизилась с 41,7% в 1936 г. до 38% в 1948 г., а в товарной с 60,1 до 45,3%. Интенсивность производства в животноводстве была на 29% ниже довоенной (в растениеводстве — на 17%). «Statistická ročenka 1958». Praha, 1958, s. 190.

В чехословацкой деревне вырос удельный вес крестьянских хозяйств с наделом от 5 до 20 га (на 19,7% по сравнению с 1930 г.) и сократилось число хозяйств с наделом от 2 до 5 га (на 13,1% по сравнению с 1930 г.), которые в период буржуазной республики наиболее сильно эксплуатировались деревенской буржуазией⁴⁸.

К 1949 г. соотношение различных групп хозяйств было следующим: хозяйства с наделом до 2 га составляли 46,4% всех хозяйств, с наделом от 2 до 5 га — 23,3%, от 5 до 10 га — 16,9%, от 10 до 20 га — 2,3% и свыше 50 га — 0,8% всех хозяйств⁴⁹.

Эти цифры прежде всего свидетельствуют о наличии в чехословацкой деревне большого количества карликовых хозяйств. В годы буржуазной республики владельцы мизерных наделов — домкаржи — были основными поставщиками рабочей силы в крупные хозяйства. После победы национально-демократической революции происходит значительная трансформация этой группы населения. Часть домкаржей получает землю в результате аграрной реформы и переходит в другую категорию хозяйств. Часть находит занятие в промышленности, которая развивалась бурными темпами и требовала значительного притока рабочей силы. Бывшие поденщики, сезонные рабочие приобретают квалификацию и вливаются в ряды рабочего класса. Они связывают свою судьбу с социалистическим сектором народного хозяйства. К 1949 г. основную массу хозяйств размером до 2 га стали составлять хозяйства коворольников — рабочих, занятых в промышленности, на транспорте, в строительстве, но проживающих в деревне и сохраняющих свои земельные участки. Об изменении социального лица владельцев карликовых хозяйств Чехословакии в период 1945—1948 гг. свидетельствует тот факт, что в чехословацкой деревне почти полностью исчезла категория наемных сельскохозяйственных рабочих. В 1930 г. в буржуазной республике их насчитывалось 349 795⁵⁰, в 1949 г. эта группа населения составляла лишь 60 000⁵¹.

Рабочие с наделом были не только в Чехословакии, но и в ГДР, Польше, Югославии и других странах. В Чехословакии же следует отметить необычайно высокий удельный вес этой категории сельского населения. Уже в годы буржуазной республики здесь имелись области, где коворольники были преобладающей группой населения деревни. В Чешских землях — это Пльзеньский и Остравский края, в Словакии — районы Рожунберока и Подбрзовой. Ряды коворольников были пополнены и

⁴⁸ Сравнение статистических материалов 1930 и 1948 гг. свидетельствует о коренном изменении соотношения различных групп хозяйств чехословацкой деревни. В 1949 г. хозяйства свыше 50 га были представлены главным образом государственными хозяйствами:

Категория хозяйств, га	Количество хозяйств в стране		Разница, %
	1930	1949	
до 1	439 403	488 724	+11,2
от 1 до 2	240 100	206 636	-13,9
от 1 до 5	403 883	350 904	-13,1
от 5 до 10	239 590	255 293	+6,6
от 10 до 20	140 227	158 847	+13,1
от 20 до 50	50 050	35 159	-38,4
свыше 50	15 081	11 489	-23,8

⁴⁹ Материалы Statního Úřadu Statistického (SÚS).

⁵⁰ Z. Ř i c h t o v á. First Steps towards Coöperativ Farming in Czechoslovakia. «Historica XII», Praha, 1966, s. 188.

⁵¹ Ibid.

в годы аграрной реформы, когда более 50 тыс. га земли были розданы для индивидуальной застройки рабочим и служащим⁵².

Тяга в город, уход на работу в промышленность были характерны не только для домкержей, но и для других групп населения чехословацкой деревни. Среди коворольников (они в 1950 г. составляли около 20% рабочего класса) немало было владельцев и более крупных участков земли. Материалы обследования отдельных деревень в начале 1949 г. показывают, что у значительной части их населения основным источником дохода являлась работа вне сельского хозяйства. Например, в деревне Тельце-Скалы, район Лоуны, край Усти над Лабой, из проживающих 214 семей 65 были семьями рабочих, 75 — семьями коворольников, и лишь 77 семей — крестьянские⁵³. Еще более четко это видно на примере обследования деревень Остравского края. Здесь в деревне Гайов, район Новый Ичин, из 86 семей — 70 владели участками земли до 5 га, а из этих 70 семей для 56 основным источником дохода была работа в промышленности⁵⁴. Наиболее высокий удельный вес коворольников наблюдался в Чешских землях — около 50% всех владельцев земельных наделов, в Словакии несколько ниже и колебался в пределах 42%⁵⁵. Экономический вес этих хозяйств в сельскохозяйственном производстве был очень мал, им принадлежало лишь 6,8% земли⁵⁶. Хозяйства коворольников, как правило, не имели тягловой силы, были слабо оснащены техникой и базировались преимущественно на ручном труде. Производимая продукция в основном потреблялась внутри хозяйств и лишь незначительная ее часть (23,8%) шла на рынок⁵⁷. Здесь занятие сельским хозяйством все более и более превращалось в подсобное. Основным источником дохода становилась работа в промышленности и других отраслях народного хозяйства. В результате всех социальных, экономических и политических перемен в стране в 1945—1948 гг. чехословацкая деревня по своей социальной структуре все меньше и меньше становилась похожей на деревню в традиционном понимании этого слова. Здесь значительно увеличился удельный вес группы населения, прочно связанной с социалистическим сектором промышленности и другими отраслями народного хозяйства.

Одновременно с этим процессом в рассматриваемые годы происходит осереднячивание деревни. Статистические материалы 1949 г. показывают существенное увеличение крестьянских хозяйств с наделом 5—20 га. Они составляли 27,5% всех хозяйств в деревне. Естественно, что не все из них были середнячками. Чехословацкий историк Ж. Рихтова, занимающаяся проблемами кооперирования сельского хозяйства в Чехословакии, считает, что в группе хозяйств с наделом от 10 до 20 га лишь половину можно отнести к середнячкам⁵⁸. Остальную часть составляли хозяйства мелкокапиталистические. Ж. Рихтова приходит к выводу о том, что после проведения аграрной реформы хозяйства середняков в целом по стране составляли около 22% всех хозяйств в деревне. Им принадлежало 37% сельскохозяйственной земли⁵⁹.

⁵² А. И. Недорезов. Там же, стр. 100.

⁵³ AÜD KSC, 0—5—147, 1949, s. 45.

⁵⁴ Ibid., s. 2.

⁵⁵ Подсчитано на основе «Statistický zprávodaj», 1950, č. 2, s. 46.

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ «Zemědělské noviny», 27 VII 1955.

⁵⁸ Z. Ř i c h t o v á. O některých podmínkách přechodu k združstěňování československé vesnice. «Příspěvky k dějinám KSC, 1965, č. 3, s. 385. Этот вывод Рихтовой подтверждается и расчетами Ф. Сточеса, использовавшего материалы переписи Чешских земель 1930 г.

⁵⁹ Подсчитано на основе материалов SÜS.

Что же представлял собой крестьянин середняк в условиях Чехословакии? Какова была основа его хозяйства? Средняк в условиях Чехословакии отличался от крестьянина середняка в советской доколхозной деревне. Это отличие заключалось не только и не столько в количестве принадлежащей ему земли, сколько в способе ведения хозяйства. Хозяйство чешского середняка было прежде всего интенсивным, экономически рентабельным, способным поставлять на рынок значительную часть производимой продукции. Товарность середняцких хозяйств в Чехословакии в 1949 г. колебалась в пределах 40—45,9% производимой продукции⁶⁰. Техническое оснащение было сравнительно высоким. Материалы переписи крестьянских хозяйств в Словакии показывают, что даже в этой отсталой, по сравнению с Чешскими землями, области на долю хозяйств в 5—20 га приходилось около 66% всех электромоторов, более 33% тракторов, 50% тракторных плугов, половина косилок и молотилок⁶¹. В Чешских землях крестьянские хозяйства были оснащены техникой лучше⁶². Нередко крестьянин середняк использовал в своем хозяйстве наемных рабочих. Наем рабочей силы в условиях интенсивного хозяйства не является признаком, позволяющим делать безоговорочный вывод о классовой принадлежности того или иного хозяйства в деревне. В. И. Ленин в статье «Первоначальный набросок тезисов по аграрному вопросу», написанной для II Конгресса Коминтерна, дал классификацию крестьянских хозяйств в промышленно развитых странах. Определяя категорию «среднего крестьянства», он специально подчеркнул, что средние крестьяне «прибегают довольно часто (например, в одном хозяйстве из двух или из трех) к найму чужой рабочей силы»⁶³.

В словацких хозяйствах с наделом от 5 до 10 га наряду с 269 630 владельцами и членами их семей было занято 5672 постоянных и 970 сезонных сельскохозяйственных рабочих⁶⁴. В хозяйствах с наделом от 10 до 20 га наемных рабочих было больше. Здесь вместе с 82 934 хозяевами и членами их семей в производстве было занято 5 535 постоянных и 25 755 сезонных наемных рабочих⁶⁵. В Чешских землях применение наемного труда достигало более широких масштабов. Материалы обследования крестьянских хозяйств в районе Литомышле показывают, что уже в годы буржуазной республики более 24% всех хозяйств 5—10 га, специализировавшихся на производстве сахарной свеклы, использовали наемную рабочую силу. В хозяйствах размером 10—20 га в зависимости от специализации удельный вес хозяйств, прибегавших к найму рабочих рук, составлял 59—75%⁶⁶. Однако главным, ведущим в середняцких хозяйствах оставался труд членов семьи⁶⁷. Это трудовое крестьянское хозяйство в течение 1945—1948 гг. и завоевывает в сельском хозяйстве страны решающие позиции. Но осереднячивание деревни в Чехословакии происходило неравномерно и охватило далеко не все районы республики. Это было в значительной мере связано с особенностями проведения в жизнь аграрной реформы. Наибольшие земельные фонды, подлежащие перераспределению, были сосредоточены в Пограничье: в Карловарском, Либерецком

⁶⁰ См.: «Zemědělské noviny», 27 VII 1955.

⁶¹ См.: «Zprávy Státního Planovacího a Statistického Úřadu...», s. 261—264.

⁶² Если в Словакии в 1949 г. 1 трактор приходился на 132 хозяйства, то в Чешских землях — на 48, электромотор соответственно на 22 и 3 хозяйства, молотилка — на 262 и 9 хозяйств. См.: A. V a s l a v ů. Ibid., s. 213.

⁶³ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 173.

⁶⁴ «Statistická příručka Slovenska 1947», s. 145.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ См. Státní Ústřední Archiv v Praze, f. ZUUS, č. j. 2117.

⁶⁷ До войны в крестьянских хозяйствах, размером от 5 до 10 га, 20% ручной работы выполнялось с помощью наемной рабочей силы.

и Пльзеньском краях. Из 2 600 тыс. га земли, которые были перераспределены в Чешских землях, 2 150 тыс. га находились в Пограничье и только 450 тыс. — во внутренних районах страны⁶⁸. Естественно, что именно в районах Пограничья наиболее интенсивно шел процесс создания новых крестьянских хозяйств. Сюда из деревни было переселено к 1949 г. 157 495 семей чехов и словаков⁶⁹. В основной своей массе — мелкие крестьяне, малоземельные и безземельные сельскохозяйственные рабочие. 109 040 семей получили в Пограничье наделы 12—13 га⁷⁰. Бывшие сельскохозяйственные рабочие и мелкие крестьяне составили основу новой категории сельского населения — группы так называемых новых середняков.

Во внутренних районах Чешских земель рост середняцких хозяйств шел значительно медленнее. Передача земли крестьянам здесь проводилась в виде добавления 1—3 га земли малоземельным хозяйствам. Большую часть середняков во внутренних районах составляли старые середняки. В результате перераспределения земли в Чешских землях на 30% сократилось количество хозяйств с наделом 2—5 га, на 24,5% увеличилось число хозяйств с наделом 10—20 га и только на 3% возросло число хозяйств размером 5—10 га⁷¹. Эти цифры еще раз свидетельствуют, что основной прирост середняцких хозяйств шел за счет районов Пограничья.

По-иному складывалась обстановка в Словакии. Здесь аграрная реформа не привела к сколько-нибудь заметному увеличению количества середняцких хозяйств. Статистические материалы показывают, что по сравнению с 1930 г., в 1949 г. в Словакии прежде всего увеличивается количество мелких хозяйств. Число хозяйств размером 2—5 га возросло на 24,2%. На 12% увеличилось количество хозяйств размером 5—10 га, и в то же время на 11% сократилось число хозяйств с наделом 10—20 га⁷². Причину такой эволюции нужно искать не только в том, что в Словакии из-за ожесточенного сопротивления реакции аграрная реформа осуществлялась медленно и не привела к существенному увеличению земельных наделов крестьян⁷³, но прежде всего в том, что в отличие от Чешских земель здесь интенсивно шел процесс дробления земельных крестьянских наделов. Средняки составляли здесь меньшую, по сравнению с Чешскими землями, группу населения деревни. Основной фигурой словацкой деревни был мелкий крестьянин. И если в целом по Словакии хозяйства размером в 2—5 га составляли 28,6% всех хозяйств, то имелись и такие районы, где удельный вес мелких хозяйств был значительно выше. Мелким крестьянам Чехословакии после проведения аграрной реформы принадлежало 15,8% сельскохозяйственной земли⁷⁴. Они давали на рынок 34,3% производимой в хозяйствах продукции⁷⁵, значительную часть ее составляла продукция животноводства. Техническое оснащение этой группы хозяйств было более низким, чем у середняков, что в значительной мере обуславливало зависимость мелких крестьян от более зажиточных слоев деревни, которые имели тягловую силу и основные сельскохозяйственные машины.

⁶⁸ К. Ј е с h. Ibid., s. 81.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid., s. 83.

⁷¹ Подсчитано по материалам «Statistický zpravodaj», 1950, č. 2. s. 46.

⁷² Ibid.

⁷³ В среднем крестьяне получили по 2—3 га земли. См.: S. C a m b e l. Agrarná otázka na Slovensku a naše revolúcia (1945—1948). Bratislava, 1958, s. 167.

⁷⁴ По данным SÚS.

⁷⁵ «Zemědělské noviny», 27 VII 1955.

В период 1945—1948 гг., когда в стране шло бурное развитие промышленности, среди мелких крестьян усилилась тенденция перехода на работу в город. Они, подобно домкаржам, пополняли ряды коворольников.

К капиталистическим элементам чехословацкой деревни в рассматриваемые годы можно отнести владельцев хозяйств 20—50 га (максимум частного землевладения, определенного законом об аграрной реформе) и частично в 10—20 га. Ж. Рихтова считает, что накануне кооперирования капиталистическим элементам принадлежало 24,3% сельскохозяйственной земли и они составляли 7,3% всех хозяйств деревни⁷⁶.

По сравнению с советской доколхозной деревней удельный вес капиталистических элементов в чехословацкой деревне по отношению к сельскому населению был значительно выше. Но, сравнивая силу и влияние капиталистических элементов в СССР и в Чехословакии накануне социалистической перестройки сельского хозяйства, следует учитывать социальную структуру той и другой страны. И прежде всего соотношение между рабочим классом и крестьянством вообще. В СССР накануне коллективизации рабочий класс составлял 17,6% населения страны, а крестьянство — 77,8%⁷⁷, в Чехословакии в 1950 г. на долю рабочих, значительная часть которых жила в деревне, приходилось 56,6% населения, на долю крестьян — 21,6%⁷⁸. Положения, которые занимал рабочий класс Чехословакии в стране, сильно влияли, с одной стороны, на взаимоотношения между всеми группами деревенского населения, а с другой — на поведение капиталистических элементов в деревне и их отношение к социалистическому переустройству деревни.

Кроме того, необходимо иметь в виду и влияние происходящих в Чехословакии в 1945—1948 гг. экономических преобразований, которые в значительной мере подорвали позиции капиталистических элементов. Аграрная реформа привела к существенному сокращению числа хозяйств размером в 20—50 га. Их число уменьшилось в целом по стране на 35,6%⁷⁹. Чувствительными оказались для этих хозяйств последствия аграрной реформы и быстрого развития промышленности, поскольку в деревне стали исчезать те социальные группы, которые в предшествующие годы были основными поставщиками рабочей силы. Хозяйства, базировавшиеся преимущественно на наемном труде, оказались в значительной степени ослабленными⁸⁰. Об этом свидетельствовало сокращение доли их товарной продукции. В 1930 г. хозяйствам размером свыше 20 га принадлежало 31,5% сельскохозяйственной земли. Доля их товарной продукции была значительно выше доли земли — 42,6%. В 1947 г. по земле они составляли 26,8%, а на долю их товарной продукции приходилось только 16,8%⁸¹. Однако было бы ошибочно считать позиции капиталистических элементов в деревне Чехословакии к началу кооперирования полностью ослабленными. Их сила заключалась не только и, может быть, в конкретных условиях 1945—1948 гг. не столько во владении землей, сколько в том, что

⁷⁶ Z. Ř i c h t o v á. O některých podmínkách..., s. 386.

⁷⁷ Ibid., s. 390.

⁷⁸ Научн. докл. высшей школы. Филос. науки. 1962, № 5, стр. 12.

⁷⁹ «Statistický zprávodaj», 1950, č. 2, s. 46.

⁸⁰ Части капиталистических элементов в деревне, которая не проводила политику коллорабонизма, удалось в определенной мере воспользоваться помощью, оказываемой деревне государством, и укрепить свои позиции. Особенно это касалось Словакии, где Поверенничеством сельского хозяйства в Корпусе уполномоченных руководила Демократическая партия, представляющая интересы словацкой буржуазии.

⁸¹ J. F r a n k. Pětiletka — naše cesta k socializmu. Praha, 1949, s. 7. В конце 1948 г. на долю капиталистических хозяйств приходилось 18,5% товарной продукции зерна, 19% картофеля, 15% ячменя. См.: A. Č e r v e n k a a kol. Ekonomika socialistického poľnohospodarstva. Bratislava, 1961, š. 36.

они держали в своих руках основную массу средств механизации, недоступных мелким и средним крестьянам. Накануне кооперирования в руках капиталистических элементов было сосредоточено 55% всех тракторов и свыше 57% других сельскохозяйственных орудий⁸². Владение средствами механизации в значительной степени обуславливало экономическое влияние сельской буржуазии на трудовые слои деревни. Политическое влияние эксплуататорских элементов деревни базировалось прежде всего на еще далеко не искорененной идеологии аграризма, существо которой определялось лозунгом «Деревня — одна семья».

Позиции отдельных слоев крестьянства и политика КПЧ по отношению к различным группам сельского населения не оставались неизменными в ходе развития и углубления национальной и демократической революции. В 1945—1948 гг. крестьянство принимало активное участие в политической борьбе и сыграло важную роль в достижении победы над буржуазией в феврале 1948 г. Переход крестьянства на сторону рабочего класса не был единовременным и простым актом. Он происходил постепенно по мере развития революции и обострения классовой борьбы в стране. С разной степенью активности участвовали в этом процессе отдельные слои деревни. К середине 1947 г. на сторону политики КПЧ были привлечены главным образом мелкие крестьяне. И только после этого была поставлена задача завоевания на сторону рабочего класса и компартии среднего крестьянства, большая часть которого, прежде всего во внутренних районах страны, находилась под влиянием буржуазии. Коммунистическая партия Чехословакии блестяще справилась с этой задачей, выдвинув в апреле 1947 г. так называемую «Градецкую программу». Основным требованием ее было проведение новой земельной реформы, т. е. экспроприации земельладений размером более 50 га и передачи их трудящемуся крестьянству. Это требование сразу отделило трудовую деревню от ее эксплуататорской части. Основная масса мелких и средних крестьян поддержала «Градецкую программу», буржуазия, в том числе и сельская, выступила против нее, всячески препятствуя ее реализации. В феврале 1948 г. большинство средних крестьян оказало активную поддержку рабочему классу и компартии.

Аграрная программа КПЧ накануне 1948 г. носила общедемократический характер, однако, это не исключало дифференцированного подхода к отдельным слоям крестьянства при ее реализации. Хотя ограничение и вытеснение капиталистических элементов деревни не ставилось еще как важнейшая задача, однако элементы этой политики были уже налицо. Основным критерием разграничения трудового крестьянства от сельской буржуазии был в тот период размер земельладения — 20 га. Конечно, этот критерий не был в экономическом смысле достаточно точным, так как и среди собственников участков менее 20 га было немало капиталистических элементов, особенно в свекловодческих и зерновых районах. Однако с политической точки зрения этот критерий был приемлем, так как исключал возможность причисления к буржуазии среднего крестьянства. Провозглашенная компартией «Градецкая программа», направленная против крупных земельладельцев, преследовала цель подрыва влияния и позиций капиталистических слоев деревни. Введение дифференцированных закупочных цен, более высоких для мелких и средних крестьян и низких для зажиточных слоев деревни, освобождение мелких и средних крестьян от налогов, закон об аренде земли, органичивающий спекуляцию землей, закон о соседской взаимопомощи, дающий право использовать в хозяйствах мелких и средних крестьян средства механизации, принадлежащие

⁸² Z. Ř i c h t o v á. First steps..., s. 190.

отдельным лицам, запрещение весной 1948 г. продажи тяжелых сельскохозяйственных машин в частные руки — все это меры, направленные на ограничение эксплуататорских тенденций сельской буржуазии и подрыв ее позиций.

Итак, в 1945—1948 гг. в чехословацкой деревне соотношение сил изменилось коренным образом. Было ликвидировано крупное землевладение и существенно ослаблены позиции капиталистических элементов. Центральное место в сельскохозяйственном производстве занял середняк. Резко сократилась категория деревенской бедноты в ее традиционном понимании. Мелкий землевладелец, ранее вынужденный продавать свою рабочую силу богатому соседу, все в большей и большей степени видел основной источник дохода в работе на заводе и фабрике, в строительстве и на транспорте, все чаще он связывал свою судьбу с социалистическим сектором народного хозяйства. В политическом отношении аграрная реформа способствовала укреплению союза рабочего класса и крестьянства.

Важнейшим же ее экономическим итогом явилось измельчание сельскохозяйственного производства. Государственные хозяйства, создаваемые на базе ряда крупных помещичьих имений, находились в стадии становления. Господствующее положение в этой отрасли экономики занял мелкотоварный сектор, основную роль в нем играли середняцкие хозяйства.

Перед страной в рассматриваемые годы стояла задача поднять сельскохозяйственное производство, чтобы улучшить снабжение населения продовольствием и обеспечить промышленность сырьем. Как показывает весь выше приведенный материал, КПЧ должна была решать эту задачу в условиях подавляющего господства в сельском хозяйстве республики мелкотоварного сектора и на основе в общем-то ослабленных по сравнению с довоенным временем производительных сил.

ЯН ПИВОЛУСКА

СЛОВАЦКОЕ ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ (1939—1945)

Чехословацко-советские отношения занимали важное место в развитии движения Сопротивления в Словакии в годы второй мировой войны. По сравнению с предшествующим (домюнхенским) периодом эти отношения имеют ряд новых черт. Это обстоятельство было связано как с ходом второй мировой войны, так и с развитием национально-освободительного движения в Словакии. Само собой разумеется, что в этот период чехословацко-советские отношения должны были содействовать достижению главной цели — завоевания победы над фашизмом и способствовать решению задач движения Сопротивления в самой стране; поэтому объективно они должны были носить преимущественно военно-политический характер. Однако этим не исчерпывается значение чехословацко-советских отношений для словацкого движения Сопротивления.

В ходе движения Сопротивления выкристаллизовывалась основная концепция советско-чехословацких отношений, а на его заключительном этапе решались принципиальные вопросы внешней политики послевоенной Чехословакии, в первую очередь союза с СССР.

В жизни словацкого и чешского народов в годы фашистской оккупации произошли важные исторические перемены: изменилось международное положение Чехословакии, изменилась ее внешнеполитическая ориентация. Это находило свое отражение в настроениях самых широких масс: в отходе от ориентации на союз с западными державами и в росте симпатий и дружбы обоих наших народов к народам СССР, в сознании необходимости тесного союза Чехословакии с Советским Союзом. Новое отношение к Советскому Союзу в период второй мировой войны было не только вопросом внешнеполитической ориентации сил движения Сопротивления, но и важным фактором при разработке внешней политики Чехословацкой республики после ее освобождения.

Нелегко был путь, пройденный национальным сознанием обоих наших народов в период второй мировой войны и приведший к утверждению мысли о том, что залогом нашей национальной безопасности является опора на СССР. Это был сложный процесс, на который наряду с осмыслением исторического опыта, приобретенного в дни Мюнхена и в последующий период, оказывали также влияние такие факторы, как развитие второй мировой войны, руководящая роль СССР во всемирной освободительной борьбе против фашизма, помощь Советского Союза чехословацкому движению Сопротивления и, наконец, освобождение Чехословакии Советской Армией. Значительную роль в переходе к просоветской ориентации сыграли традиционные народные симпатии к России и славянам, особенно распространенные в словацком обществе. Важным фактором была также единая и последовательная позиция КПС и КПЧ в этом вопросе как в самой стране, так и в их зарубежных органах, для которых отноше-

ние к Советскому Союзу было решенным вопросом, хотя в период войны они должны были принимать во внимание существование антигитлеровской коалиции. Основным фактором было развитие движения Сопротивления внутри страны, в оккупированной Чехословакии. В самом национальном антифашистском фронте этот процесс проявился в борьбе за ориентацию на национальную и демократическую революцию, неотъемлемой частью которой был также вопрос о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом. В связи с рядом объективных условий имелись различия в движении Сопротивления в Чехии и Словакии.

Задача данной статьи — рассмотреть отношение словацкого движения Сопротивления к Советскому Союзу, проследить развитие сотрудничества сил Сопротивления в Словакии с Советским Союзом в специфических условиях политического развития Словакии в период второй мировой войны, показать, какое внимание уделяла и сколько усилий прилагала КПС в своих воззваниях, во всей подпольной политико-воспитательной и идеологической работе в ориентации словацкого движения Сопротивления на Советский Союз. При этом следует сказать, что отношение словацкого движения Сопротивления к Советскому Союзу рассматривается прежде всего во внутриполитическом аспекте, в процессе его развития в самом обществе.

Чехословакия была первой страной после Австрии, оккупированной фашистской Германией. Это произошло при известных всем обстоятельствах, завершившихся разделом Чехословакии. 14 марта 1939 г. под эгидой Гитлера возникло Словацкое государство, а 15 марта фашистская Германия оккупировала Чешские земли и в форме так называемого «протектората» присоединила их непосредственно к империи. С созданием Словацкого государства изменилась общественно-политическая обстановка в стране. Переход власти в руки людаков не был на деле столь однозначным, как это могло показаться; известные позиции, правда не ключевые, сохранили и бывшие другие партии. Это ослабляло изнутри людацкий режим и сдерживало его внедрение во все поры словацкого общества. Противоречивой была и реакция на само возникновение Словацкого государства. В те времена образно говорили, что вряд ли какое-либо государство возникло при столь малом энтузиазме осчастливленных. Словацкое государство было создано не в результате действия внутренних сил, а путем вмешательства извне. Ликвидация привычных для словацкой общественности буржуазно-демократических свобод, при которых она сформировалась в политическом отношении, а также тоталитарный режим глинковской партии оказывали на словацкое общество отрицательное влияние. Позорные условия так называемого «покровительства» со стороны Германии, захват и оккупация Западной Словакии Гитлером, полная неопределенность того, какую роль для судьбы Словакии будет играть Германия как «охраняющее государство» (Schutzstaat), оккупация с согласия германских фашистов части Восточной Словакии Венгрией, последовавшая затем война с Польшей и временная оккупация Словакии немецкими войсками, угроза венгерской оккупации весной 1940 г. — все это усиливало в широких слоях словацкого народа ощущение неустойчивости положения, страх перед угрозой со стороны немецкой и венгерской экспансии, чувство неуверенности в судьбе нового государства. В этой противоречивой обстановке все прогрессивные силы словацкого общества обращали свои взоры и надежды к Советскому Союзу, которой один мог оказать помощь малым народам, защитить их от фашистской Германии. В словацком обществе усилились просоветские симпатии, возросли надежды на Советский Союз.

Что же больше всего способствовало их росту? По нашему мнению, это были следующие факторы: возрождение в словацком обществе идеи славянской взаимности, активная деятельность нелегальной Коммунистической партии Словакии и изменение международной обстановки в Восточной Европе.

Идея славянской взаимности находила отклик как у многочисленной словацкой интеллигенции, воспитанной в таком духе еще в период домюнхенской республики, чему в значительной степени способствовали славянофильские течения в классической словацкой литературе, так и в широких слоях народа. Развитие национального самосознания продолжалось и после возникновения Словацкого государства, и его нельзя было полностью отрывать от той основы, на которой оно формировалось в прошлом и составной частью которой бесспорно была идея славянской взаимности. Целью официальной пропаганды людаков сразу же после создания Словацкого государства, но главным образом после встречи словацких фашистских главарей с Гитлером в Зальцбурге, было добиться изменения внешнеполитической ориентации широких масс словацкого общества, ослабить чувства славянской взаимности и любовь к России путем восхваления Гитлера и фашистской Германии. Широко пропагандировалась идея союза с Германской империей, идея «вековой дружбы с Германией». Однако теория «дружбы и союза с Германией» была совершенно чужда народным массам и прогрессивным силам народа. Национальные и общеславянские традиции способствовали тому, что народ все яснее понимал, в каком униженном положении находится так называемое самостоятельное государство «под защитой» Германии.

Это своеобразное усиление национального самосознания, наблюдавшееся после возникновения Словацкого государства, в конце концов обратилось против политической ориентации руководства глинковской партии и в первую очередь против фашистской Германии. Возросшее славянское сознание широких масс словацкого общества требовало ориентации не на фашистскую Германию, а на славянские народы Советского Союза.

Международные политические события в Восточной Европе после начала второй мировой войны и прежде всего воссоединение некоторых земель Восточной Европы с Советским Союзом, выдвигание советских границ на Карпаты, в непосредственной близости от Словакии, рост влияния Советского Союза в Центральной и Юго-Восточной Европе в значительной степени возродили славянские настроения в словацком обществе. Появление Красной Армии вблизи границ Словакии убеждало широкие массы словацкого народа в том, что они не оставлены на милость фашистской Германии и хоргистской Венгрии. На Карпатах теперь стоит держава, которая будет сдерживать захватнические и великодержавные аппетиты немецких и венгерских имущих классов.

В конце 1939—1940 гг. в Словакии усилились прорусские, просоветские симпатии, которые распространялись не только в рабочем классе, но и среди широких непролетарских слоев словацкого общества. Таковы события и факторы, положительно влиявшие на просоветскую внешнеполитическую ориентацию словацкого движения Сопротивления, выдвинутую подпольной КПС еще в октябре 1939 г.

Условия для формирования фронта Сопротивления в Словакии во многих отношениях существенно отличались от условий в Чешских землях: наряду с национальным фактором здесь играли важную роль и факторы социальные, классовые, антифашистские. В то время как в Чешских землях идея восстановления независимости Чехословакии была главным стимулом зарождавшегося движения Сопротивления, в Словакии даже в тех кругах словацкой общественности, которые были недовольны сосредоточением власти в руках людаков, идея возрождения прежней Че-

хословакии не пользовалась популярностью. Этому, несомненно, способствовало и нежелание заграничного руководства чешского движения Сопротивления, особенно Бенеша, считаться с фактом именно словацкой национальной самобытности и отказаться от фикции чехословакизма. Это, однако, существенно суживало возможности создания альтернативной платформы движения Сопротивления, направленной против Словацкого государства, а также замедляло политическую кристаллизацию словацкого буржуазного сопротивления вообще. В этой обстановке КПС, относительно быстро создав сеть нелегальной связи, стала наиболее активной и значительной силой движения Сопротивления; она разработала политическую программу на классовой основе и посредством этой программы привлекала на свою сторону и массы беспартийных, ориентируя движение Сопротивления исключительно на СССР.

Уже в первый период движения Сопротивления в Словакии, сразу же после раздела Чехословакии и до нападения Германии на СССР, КПС в своих воззваниях и во всей своей нелегальной политико-воспитательной работе выступала за дружбу, союз и сотрудничество словацкого антифашистского движения с Советским Союзом. В период общественной депрессии и политического хаоса, наступивших в Чехословакии после Мюнхена, в период неудержимого наступления фашизма, когда международная обстановка была крайне сложной и очень быстро менялась, КПС, не колеблясь, твердо придерживалась ориентации на Советский Союз.

В период разгула антисоветской кампании на Западе и в рядах чехословацкой буржуазной эмиграции, особенно после заключения германосоветского пакта, партия отражала антисоветские выпады и поддерживала все шаги и решения Советского правительства. Находясь в подполье, партия вела всестороннюю политико-воспитательную и идеологическую работу, она разъясняла историческую роль Советского Союза и его миролюбивую политику. При этом она обращалась к славянскому сознанию и исконным симпатиям к России среди широких народных масс словацкого общества. Правильной ориентацией борьбы за свободу на Советский Союз и всей своей нелегальной деятельностью КПС укрепляла в сознании народа веру в силу Советского Союза и в его собственные силы. Этим она оказывала существенное влияние на формирование общественного сознания отдельных слоев народа, а также способствовала тому, что людацкому режиму не удалось политически и идеологически овладеть сознанием и совестью всего словацкого общества. Прогрессивный характер словацкого движения Сопротивления и его ориентация на Советский Союз, рост славянских настроений и стихийных симпатий к русскому народу у основной массы народа Словакии способствовали активизации движения Сопротивления и консолидации рабочего класса Словакии. Эти обстоятельства имели далеко идущие последствия для дальнейшего развития движения Сопротивления в Словакии.

Словацкие коммунисты еще весной 1941 г. предвидели, что произойдет нападение фашистской Германии на Советский Союз. Об этом свидетельствовали всевозможные приготовления в Словакии, форсированное строительство дорог и различных военных объектов. Партия указывала на это в своей подпольной печати: «Мы, коммунисты, как авангард всех трудящихся, обращаем внимание военных авантюристов на то, что война против СССР навсегда похоронит фашизм»¹. Одновременно партия призвала народ к боевой готовности: «Будьте готовы ответить революционной

¹ A. H u ě k o w á - Š t v r t e c k á. Činnosť prvého ilegálneho Ústredného výboru KSS. Bratislava, 1959, s. 47.

борьбой за свое освобождение на попытку развязать войну против вашего Советского Союза»². Благодаря нелегальной политико-воспитательной деятельности партии, особенно разъяснению ею исторического значения Советского Союза для нашей борьбы против фашизма, нападение фашистской Германии на Советский Союз не застало врасплох широкие массы словацкого народа. Вступление СССР в войну против фашистской Германии показало правильность и необходимость ориентации национально-освободительной борьбы на Советский Союз.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз КПС сразу же мобилизовала широкие массы трудящихся на помощь Советскому Союзу, на поддержку его героической борьбы. Она укрепляла веру в силу Советского Союза, в непобедимость Советской Армии и в неизбежность ее победы. Как единственная организованная сила словацкого общества, она призывала трудящихся Словакии, словацких солдат и весь народ выступать против правительства Тисо, предавшего народ, призывала их отказаться от участия в преступной войне на стороне гитлеровских аггессоров против братского советского народа. КПС провозгласила революционную борьбу с фашизмом. Она объявила войну Гитлеру, Тисо, Туке, немецким фашистским захватчикам, людацкому режиму. Она указывала словацкому народу на то, что его место в мировой борьбе против фашизма на стороне Советского Союза. Партия разъясняла, что единственным и подлинным другом и союзником словацкого народа является Советский Союз и, только идя плечом к плечу с ним, словацкий народ завоеует себе подлинную свободу и счастливую жизнь. Поэтому партия призывала широкие массы к сопротивлению и саботажу, а также к защите Советского Союза. Широчайшие слои словацкого общества начинали осознавать, сколь губительным для словацкого народа было бы его участие в антисоветской войне на стороне гитлеровцев. Результаты политико-воспитательной работы партии и ориентации антифашистской борьбы на Советский Союз проявились в растущем сопротивлении войне, гитлеровскому господству, людацкому режиму, а также в росте симпатий к Советскому Союзу.

Предательское нападение фашистской Германии на Советский Союз, патриотическая война советского народа, его героическое сопротивление оккупантам вызвали дальнейший рост в Словакии общеславянского сознания и традиционных симпатий к русскому народу. Большая часть словацкого населения видела в Советском Союзе великое славянское государство, государство братских русского, украинского и белорусского народов. Распространению идеи славянской взаимности способствовало объявление словацким государством войны Советскому Союзу, отправка словацких солдат на советско-германский фронт. Этот акт правительства Тисо словацкой общественностью был расценен как измена славянству и словацкой национальной истории. Осуждению подверглась братоубийственная война за чуждые интересы. Хотела она того или нет, это вынуждена была признать и газета «Гардиста»: «Много говорили о нашем славянстве, особенно в независимом словацком государстве, ибо нашлись люди, которые стремились истолковать наше присоединение к великогерманской империи как измену славянству и существующей у нас славянской традиции. После объявления войны большевикам вновь начались разговоры о нашем славянстве, хотя они велись больше по углам, чем открыто. Говорят, что-де словаки идут против славян, а это-де противоречит тому, за что выступали и что завещали нам наши предки. Что-де Ваянский должен перевернуться в гробу, увидев, как сегодня словаки сражаются против славянских брать-

² «Hlas ľudu», február 1941.

ев, против русских, от которых наш отец ждал спасения...»³. Людацкая пропаганда стремилась ослабить все более крепнущее славянское сознание и расгущие симпатии к России. Людацкие пропагандисты прекрасно понимали, что их антисоветские и антиславянские статьи и лозунги не встречали отклика в Словакии, им никак не удавалось оправдать участия Словакии в войне против СССР. Поэтому государственный аппарат людаков не ограничился одной антиславянской агитацией и пропагандой, а стремился силой искоренить любую мысль об общности словаков с другими славянскими народами, особенно со славянскими народами Советского Союза. Активных пропагандистов славянского единства, членов нелегальных всеславянских организаций людацкий режим всячески преследовал: их сажали в тюрьмы и предавали суду.

После нападения фашистской Германии на Советский Союз особенно явно обнаружилась зависимость от Германии правительства людаков, служившего не интересам собственного народа, а являвшегося средством для осуществления захватнических военных планов Гитлера. Все это говорило о том, что людацкий режим в Словакии был антинародным режимом. Это способствовало политическому росту словацких народных масс и освобождению их от нездоровых иллюзий и ложных представлений о словацком государстве как государстве народном, которое будто бы могло обеспечить будущее словацкого национального существования. Немалая роль в этом принадлежала и идеологической и политико-воспитательной работе нелегальной КПС. Немногие народы оказались в столь сложном положении в национально-политическом и идейном отношении в период второй мировой войны, в какое попал словацкий народ. С одной стороны, существовала известная видимость государственности; «и нет ничего страшного в том, что она нам досталась от немцев», — постоянно твердили приспешники людаков. С другой стороны, в Словакии жилось относительно лучше, чем в соседних землях и государствах. Однако широкие массы словацкого общества строили свое отношение к фашистской Германии не по этим относительным и временным выгодам, а в зависимости от того, как немецкие фашисты действовали в славянских странах.

Словацкая общественность внимательно следила за тем, что происходит в СССР, Польше, Чехии и Югославии, что творят там гитлеровцы. И это было не случайно. Развязав вторую мировую войну, гитлеровский фашизм поставил себе цель ликвидировать целые нации, прежде всего славянские. Со словацким народом германский фашизм после своей победы поступил бы так же, как и с другими, хотя, вероятно, и несколько позже. Словакам также угрожало выселение и исчезновение как нации в германском «жизненном пространстве», в которое фашисты включили и территорию Словакии. Подпольный журнал «Справы комунистичке тлачовой канцеларие» писал в марте 1942 г.: «Если мы возьмем в руки книгу Гитлера „Mein Kampf“, то увидим, что целью германского империализма является уничтожение не только евреев, но и славян. Теперь мы можем сделать вывод о том, какая судьба ожидает словацкий народ, как народ славянский, в случае победы Гитлера...». О том, что такая угроза была реальной, свидетельствуют планы германизации и выселения словацкого народа, а тем самым и его ликвидации, разрабатывавшиеся гитлеровцами, несмотря на существование Словацкого государства уже в 1940 г., за спиной этого вассального государства. Это видно из сообщения Панке после его визита в Словакию в 1940 г. Он предлагал начать переселение в Словакию еще ста тысяч немецких семей и выселение оттуда пятисот тысяч «в равном отношении неполноценных» элементов. Согласно Панке, ста тысяч

³ «Gardista», 1 II 1941.

немецких семей было довольно для того, чтобы словаки получили «правящий класс», который окончательно свяжет их с немецкой нацией⁴. После своей победы гитлеровские фашисты планировали создать из самой империи и близлежащих соседних территорий и государств, прежде всего в Центральной Европе, так называемое немецкое основное пространство. В восточную часть «германского жизненного пространства» вместе с Чехией и Польшей входила и Словакия.

Это пространство должно было стать областью германской колонизации и насильственной германизации. Нацисты начали осуществлять свои планы создания «немецкого жизненного пространства» практически уже в ходе войны. Правда, проводилось это в различных областях различными методами. В Польше и в Чехии с большой жестокостью. Была начата германизация и Словакии, правда, более умеренными методами. Германские специалисты по Словакии весьма интенсивно занялись разработкой планов германизации словацкого народа уже в 1942 г. Они даже начали подготовку так называемого расового обследования населения в Словакии. Людацкий режим волей-неволей становится пособником германизаторских и захватнических планов Гитлера относительно Словакии. Широкие массы словацкого народа понимали, что людацкий режим из-за его вассального положения по отношению к «рейху» является петлей на шею народа. Они же не хотели добровольно лезть в нее. Самые широкие массы словацкого народа уже имели возможность оценить силу и героическую борьбу народов Советского Союза. Их героическое сопротивление поставило под угрозу захватнические планы гитлеровских крестоносцев. Доблестные советские войска должны были спасти и словацкий народ от грозившей ему национальной катастрофы и уничтожения. В Словакии усиливались антигерманские настроения и возросло активное сопротивление режиму, установленному в стране, нарастала борьба против войны с Советским Союзом. Это сопротивление захватило и словацкую армию.

Победы советских войск над гитлеровскими армиями, в первую очередь, под Сталинградом, ознаменовали поворот в ходе войны и возвестили приближение конца немецкого господства в Европе, наступление решающего этапа войны, на котором должен был решаться вопрос о новом послевоенном устройстве мира. В результате этого изменения обстановки началось разложение государственного аппарата словацкого государства, ясно обозначился кризис людацкого режима. Людацкие правящие круги оказались в изоляции от широких народных масс, активизировалось движение Сопротивления, усилились симпатии к Советскому Союзу, к славянским народам, возросли антинемецкие настроения. В недрах словацкого общества наметились революционные сдвиги. Развитие внутренних и международных отношений в период 1943 г. открывало новые возможности для решения проблемы национального развития Словакии, а также вопроса возрождения послевоенной Чехословакии и ее внешнеполитической ориентации, создавало предпосылки для оформления словацко-чешского союза по-новому. Все эти вопросы в значительной степени решались в ходе словацкого движения Сопротивления. Будущее словацкого народа зависело от активности его антифашистской борьбы. В связи с этим возникла необходимость сформулировать широкую национально-демократическую антифашистскую программу движения Сопротивления в Словакии, которая указала бы пути выхода Словакии из той системы политических отношений, в которых она оказалась в период войны, опередила бы новые перспективы для народа, стала бы исходным пунктом для построения

⁴ Подробнее см.: Ľ. L i p t á k. Fašizácia nemeckej menšiny na Slovensku. «Nemecká otázka a Československo», Bratislava, 1962, s. 51.

новой жизни словацкого народа в послевоенной Чехословакии и которая, наконец, смогла бы объединить антифашистские и демократические силы и течения движения Сопротивления в Словакии. Решающим фактором в разработке и формулировании этой программы национально-освободительной борьбы в Словакии могла стать только коммунистическая партия.

В августе 1943 г. был создан V подпольный ЦК КПС. Его основателем был Карол Шмидке, направленный в июле 1943 г. в Словакию руководством, находившимся в эмиграции. Шмидке имел с собой, в частности, решение Исполкома Коминтерна от 5 января 1943 г., обязательное и для словацких коммунистов. Исходя из этого решения, а также из общей политической обстановки и учитывая состояние организованности, развитие и возможности движения Сопротивления в Словакии V подпольный ЦК КПС постепенно должен был обеспечить выполнение следующих сложных и необходимых политических и организационных задач: восстановить разгромленную подпольную партийную сеть; ознакомить словацких коммунистов с новой концепцией антифашистской борьбы; организовать широкий Национальный фронт борьбы против фашизма с перспективой восстановления новой демократической Чехословацкой республики; создать руководящий орган Национального фронта; мобилизовать партию на развитие партизанского движения, начать подготовку общенациональной вооруженной борьбы.

Сразу же после восстановления связей между партийными организациями и создания нового руководства сверху до низу члены V подпольного ЦК приступили к переговорам с некоммунистическими группами в движении Сопротивления по вопросу о программе действий и создании общего руководства движением Сопротивления в Словакии. Начиная с сентября 1943 г. переговоры велись между V подпольным ЦК и антифашистскими буржуазными элементами, группировавшимися вокруг Леттриха и Урсини. Переговоры велись по различным вопросам движения Сопротивления в самой стране и в эмиграции, о принципах построения и задачах Словацкого национального совета (СНС), о развитии внутривнутриполитической, международной и военной обстановки, программе восстановления Чехословацкой республики, о принципах содружества словаков и чехов в будущей Чехословацкой республике и о ее внешнеполитической ориентации. В результате затянувшихся четырехмесячных переговоров между КПС и некоторыми группами в середине декабря 1943 г. было достигнуто политическое соглашение о создании центрального органа движения Сопротивления — Словацкого национального совета, о политической платформе движения Сопротивления, в которой были сформулированы главные принципы и цели антифашистской борьбы. Окончательный текст соглашения был подписан и одобрен незадолго перед рождеством 1943 г., оно вошло в историю как Рождественское соглашение о Словацком национальном совете. В СНС, находившемся в подполье, кроме КПС и буржуазных групп, участвовавших в движении Сопротивления, были представлены также и левые социал-демократы.

Новый орган движения Сопротивления был полон решимости в благоприятный момент свергнуть людацкий режим, взять в свои руки всю политическую, законодательную, военную и административную исполнительную власть в Словакии и осуществлять ее до того времени, пока словацкий народ свободно не изберет своих представителей. СНС ясно заявил, что он готов сам решать политические и военные вопросы движения Сопротивления в стране, вести подготовку к вооруженной борьбе в стране и руководить ею; что он выступает против вмешательства со стороны лондонского правительства. При этом СНС обязывался действовать в согла-

сии с чехословацким правительством. Тем самым Рождественское соглашение признавало полномочия лондонского правительства и Бенеша только за границей, но не в стране. Заключительная часть Рождественского соглашения носила программный характер. В соглашении были сформулированы требования антифашистских сил в Словакии и основные принципы послевоенной внутренней политики, а также государственного устройства Чехословацкой республики после ее возрождения. Рождественское соглашение стояло на платформе чехословацкой государственной идеи и отражало принцип равноправия обоих народов.

Нелегальный СНС в Рождественском соглашении выразил свою точку зрения на новую внешнеполитическую ориентацию Чехословакии после ее возрождения. «Мы за тесное сотрудничество со всеми славянскими государствами и народами, особенно с СССР, в котором мы видим защитника свободной жизни и всестороннего развития малых народов вообще и славянских в особенности. Будущая Чехословацкая республика должна проводить свою внешнюю политику в духе этих принципов и поэтому в области внешнеполитической и внешнеполитической она должна ориентироваться на СССР»⁵. Этот важный пункт Рождественского соглашения, касавшийся новой внешнеполитической ориентации послевоенной Чехословакии на Советский Союз, ничего не говорил о других союзниках по антигитлеровской коалиции. Заслугой словацких коммунистов было то, что подпольный СНС в Рождественском соглашении высоко оценил роль и значение Советского Союза для послевоенной Чехословакии, а также сформулировал внешнеполитическую ориентацию СНС исключительно на Советский Союз. Этой своей позицией подпольный СНС выражал и провозглашал правильную ориентацию словацкой национальной политики, за которую выступали широчайшие массы словацкого народа. Широкие слои словацкого народа считали выработку программы международной политики делом обоих наших народов, а не исключительной сферой деятельности Бенеша и лондонского правительства, занимающихся «высокой политикой». И в этом сказалось влияние политической работы коммунистов, их политическая зрелость, а также зрелость революционных антифашистских сил, руководимых КПС. Широкие народные массы сознавали, что только Советский Союз способен нанести поражение гитлеровскому фашизму и помочь справедливой в национальном и социальном отношении Чехословацкой республике. Тот факт, что борьба против фашизма связывалась с восстановлением Чехословакии, будущая свобода и независимость — с самым тесным союзом с Советским Союзом, свидетельствовал о том, что не только Коммунистическая партия и рабочий класс, но и абсолютное большинство словацкого народа становятся на сторону Советского Союза⁶. Идея чехословацко-советской дружбы и союза приобретала прочную базу в широких массах словацкого народа. Печальный опыт Мюнхена, весь ход национально-освободительной борьбы, помощь Советского Союза нашей борьбе за свободу показали, что союз с Советским Союзом не является и не может быть делом лишь одной партии, отражать лишь одну идеологическую позицию, быть результатом лишь конъюнктурной внешнеполитической ориентации. Союз Чехословакии и Советского Союза должен стать основой всей внешней политики послевоенной Чехословакии, ибо без действенной поддержки Советского Союза послевоенная Чехословакия не сможет завоевать прочное международное положение. Рождественское соглашение явилось

⁵ «Pravda», 12 IX 1944.

⁶ J. H r o z i e n ě i k. K novému obdobiu československo-sovietskych vzťahov. — «Slovanské študie», V. Bratislava, 1962, s. 5.

прежде всего результатом развития самой страны и выражало существовавшие в конце 1943 г. прогрессивные настроения и взгляды движения Сопротивления в Словакии по вопросу о целях и программе национально-освободительной борьбы и о его внешнеполитической ориентации. Это выражалось в конце 1943 г. в симпатиях самых широких слоев словацкого общества к Советскому Союзу и в распространении идеи славянской взаимности. Об этом свидетельствуют сообщения районных полицейских органов и органов государственной безопасности, посылавшиеся буржуазным группам движения Сопротивления в Лондоне, а также материалы из нелегальной печати.

Антифашистская активность широких народных масс, готовность их к вооруженной борьбе переросли в общенациональное восстание. Словацкое национальное восстание является кульминационным событием в словацкой истории, оно возникло по внутренним причинам как непосредственный результат развития словацкого общества в период второй мировой войны. Причины восстания и повод к нему носили национальный, социальный, демократический, антифашистский, освободительный характер. Они были тесно связаны с традициями и наследием словацкой национальной истории. Словацкое национальное восстание было поистине массовым национальным сражением. Оно имело собственную армию и командиров, повстанческое самоуправление, собственные политические и национальные органы. Его главными целями были: освобождение Словакии из-под господства гитлеровцев, свержение людацкого режима в стране, участие в вооруженной борьбе и содействие поражению гитлеровских армий, а также освобождению славянских и других народов Европы от фашизма. С помощью восстания силы движения Сопротивления стремились доказать, что словаки не имели ничего общего с братоубийственной войной против Советского Союза, и таким образом смыть пятно позора, которым покрыл словацкий народ и Словакию людацкий режим; после войны занять рядом с Советским Союзом почетное место среди свободных славянских и других европейских народов.

Значение и место восстания в общем процессе антифашистской борьбы в период второй мировой войны подчеркивали все важнейшие документы и воззвания периода восстания, а также повстанческая печать этого времени.

Организаторы и руководители Словацкого национального восстания уже в подготовительный период стремились к тому, чтобы словацкий народ, армия и партизаны начали вооруженное выступление согласованно с действиями и наступлением Советской Армии. Несмотря на их усилия, вооруженное выступление 29 августа 1944 г. началось без согласования с планами Советского верховного главнокомандования. Когда Германия решила оккупировать Словакию, словацкие антифашисты, патриоты, рядовые граждане, партизаны и солдаты, проявляя мужество и революционный энтузиазм, оказали сопротивление немецким оккупационным войскам, вторгшимся в Словакию. С оружием в руках они защищали родную землю, пока не пришла помощь с Востока. Восстание вспыхнуло в глубоком тылу гитлеровского фронта, в окружении германских армий, в такой обстановке, когда части Советской Армии, были хотя и не далеко, но и не так еще близко. Руководящие органы вооруженного восстания сориентировались в новых условиях и обстановке. Они не отступили, не покорились, они выдержали до конца. Германские войска напали на восставшую Словакию со всех сторон, и хотя гитлеровская армия терпела поражение за поражением, в тот период она представляла собой весьма опытную и значительную военную силу. Повстанцы в силу сложившихся обстоятельств вынуждены были собственными силами отражать

атаки более многочисленного, лучше вооруженного и более опытного врага. Главной задачей в первые дни восстания была необходимость поддержания боевого духа восставших, придания им уверенности в том, что в начавшейся борьбе они не одиноки, что они не забыты, что они получают помощь от Советского Союза.

30 августа 1944 г. в 17 час. 15 мин. Свободная словацкая радиостанция выступила с ободряющим повстанцев призывом: «Не будем бояться жертв, будем смелыми, будем героями, как подобает народу, претендующему на то, чтобы называться нацией. Не бойтесь, мы не одни, надо только выдержать, выстоять, с нами в этом бою почти весь мир, о нас не забыли! Не забудет о нас прежде всего наш самый большой и самый сильный брат, который, сознавая свою огромную материальную и моральную силу, находится сегодня впереди всех — наш русский славянский брат — Союз Советских Социалистических Республик»⁷. Такими же словами вселяло в сердца словацких повстанцев, солдат и партизан надежду на помощь Советского Союза воззвание «Словаки к оружию», опубликованное в журнале «Уток» от субботы 2 сентября 1944 г. Уверенность в том, что Красная Армия придет на помощь охваченной восстанием Словакии, была огромной моральной силой, укрепившей боевую решимость восставших борцов. На это справедливо указывал и К. Готвальд в письме к Советскому правительству от 2 сентября 1944 г., в котором он просил об оказании срочной помощи борющейся Словакии: «Решающим фактором, обусловившим высокий боевой дух словаков, является близость Красной Армии и надежда на то, что сражающемуся словацкому народу будет оказана помощь с ее стороны. Во всех городах, охваченных движением Сопротивления, происходят стихийные манифестации словацкого народа, который с энтузиазмом выражает свои братские чувства к русскому народу... Помощь Красной Армии, оказанная в любых формах, будет служить огромной моральной поддержкой в этой борьбе, являющейся важнейшим очагом борьбы за освобождение всей Чехословакии»⁸. И Советский Союз действительно начал немедленно оказывать помощь восставшей Словакии. Первый воздушный транспорт из Советского Союза прибыл в ночь с 4 на 5 сентября 1944 г. Самолеты доставили на аэродром «У трех дубов» советское противотанковое оружие и боеприпасы к нему⁹. На следующий день повстанцы применили его в боях за Врутки. В отчете от 5 сентября о положении в стране Голиан сообщал в Лондон, что «в ходе боев боевой дух поднялся на 50% в результате русской помощи»¹⁰. О том, что Советский Союз предоставил помощь восставшей Словакии, узнали прежде всего из ежедневной печати. И в последующие дни в ходе восстания Советский Союз оказывал сражающейся повстанческой Словакии неоценимую политическую, военную и моральную помощь.

Чехословацко-советская боевая дружба и сотрудничество развивались по нескольким направлениям. Это было прежде всего непосредственное участие в восстании советских людей, советских партизан. Затем это была материально-техническая и боевая помощь. Пока позволяла погода, советские самолеты каждую ночь прилетали на освобожденную повстанческую территорию. Они доставляли оружие, продовольствие и всевозможные другие материалы для сражающихся партизан и восставших словацких солдат. Советская авиация перебросила на территорию восстав-

⁷ O. L a c i a k. Slobodný slovenský vysielateľ. Bratislava, 1961, s. 39.

⁸ V. P r e č a n. Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Bratislava, 1965, s. 404.

⁹ Ibid., s. 430.

¹⁰ Ibid., s. 431.

шей Словакии также 2-ю парашютно-десантную бригаду с полным военным снаряжением, т. е. 1739 человек и 248 тонн грузов. Кроме того, из Советского Союза в Словакию был переброшен чехословацкий истребительный полк, который приземлился на полевом аэродроме около Золны и уже с 17 сентября 1944 г. начал боевые действия¹¹. Непосредственной помощью Словацкому национальному восстанию явилась Дукельская операция Советской Армии, начавшаяся 9 сентября 1944 г.¹² Советский Союз оказывал всестороннюю помощь восставшей Словакии на основе чехословацко-советского договора о дружбе, заключенного в декабре 1943 г. Он с честью выполнил обязательства, вытекающие из договора. Тем самым чехословацко-советский договор тотчас же после его подписания принес первые конкретные плоды и для чехословацкого движения Сопротивления в самой стране. Материальная помощь Советского Союза восставшей Словакии была наибольшей за весь период чехословацкого движения Сопротивления внутри страны в период второй мировой войны. Оказание Советским Союзом помощи в таком объеме было возможным и потому, что Словацкое национальное восстание с самого начала всей своей концепцией, подготовкой и практическим осуществлением было тесно связано с Советским Союзом, с борьбой советского народа и было самым крупным антифашистским актом чехословацкого движения Сопротивления в самой стране.

Словацкие революционные антифашистские силы, еще находясь в подполье, сформулировали свою прогрессивную национальную программу, которую Словацкое национальное восстание не только открыто провозгласило, но и начало проводить в жизнь. В ходе восстания революционные антифашистские силы, прежде всего благодаря усилиям словацких коммунистов, расширили эту программу и более точно сформулировали ее как программу начала национальной и демократической революции. Она содержала следующие главные положения. Словацкое национальное восстание было первым шагом к восстановлению Чехословакии. В его программе четко провозглашалось возрождение новой, народно-демократической Чехословакии: «Словацкий народ вместе с чешским народом и закарпатскими украинцами создадут общее славянское государство, новую Чехословацкую республику»¹³. В программе восстания ясно говорилось о самобытности словацкого народа: «Словаки являются самобытной нацией, как всякая другая нация, и имеют те же права, которые признаются за другими нациями»¹⁴. В ней предусматривалось установление отношений между словаками и чехами по принципу равного с равным; была провозглашена перестройка всех областей жизни общества. Программа содержала принципы революционных изменений внутреннего устройства послевоенной Чехословакии в национальной, политической, государственной, социальной, экономической, общественной и культурной областях. В ней подчеркивалось, что новой Чехословакией будут править демократические народные органы — национальные комитеты — и что новая народная демократия должна стать принципом управления государством; выдвигалось требование предоставления руководящей роли широким народным массам в новом государстве, национализации решающих отраслей производства и установления такого порядка землевладения, при котором земля становилась бы собственностью тех, кто ее

¹¹ Ibid., s. 833.

¹² Значение и объем помощи Советского Союза Словацкому национальному восстанию всесторонне оценены в историографии. Подробнее об этом см. работы Й. Грозненчика и военных историков.

¹³ «Nové slovo», 1944, č. 4.

¹⁴ Ibid.

обрабатывает. Не был обойден и вопрос о внешней политике новой Чехословакии. В ней выражена мысль о том, что словацкий народ как славянская нация является решительным сторонником сотрудничества всех славянских народов. Защиту интересов словацкой нации и защиту новой Чехословакии программа связывала с необходимостью сотрудничества с другими славянскими народами и прежде всего с Советским Союзом. Программа определяла внешнюю политику Словакии в послевоенной Чехословакии на основе нового понимания идеи славянской взаимности.

В совместных боях на фронтах Словацкого национального восстания родились нерушимые братство и союз наших народов с народами Советского Союза. Своими революционными действиями и активной борьбой в ходе восстания словацкие повстанческие антифашистские силы с честью выполнили боевые договорные обязательства по отношению к Советскому Союзу, вытекающие из союзнического чехословацко-советского договора от декабря 1943 г. Восстание в значительной степени способствовало дальнейшему расширению чехословацко-советских отношений, укреплению боевого братства и упрочению чехословацко-советского союза.

В заключение следует сказать, что послевоенная новая народно-демократическая Чехословакия и ее новая внешняя политика, ориентированная на дружбу с Советским Союзом и славянскими странами, органически выросли из исторического опыта словацкого и чешского народов, из их страданий и активной борьбы против фашизма. В значительной мере этому способствовали и словацкие революционные антифашистские силы. Все развитие в Словакии, начиная с конца 1943 г., проходило под знаком стремления к установлению в послевоенный период тесных связей Чехословакии со всеми славянскими странами, стремления к приобретению твердых гарантий государственной и национальной независимости, опираясь на Советский Союз и славянские народы. С этим развитием волей-неволей должна была считаться и бенешевская буржуазия, принимавшая участие в движении Сопротивления. Так она поступила, подписав Кошицкую правительственную программу. Все революционное развитие в Словакии, особенно с момента Словацкого национального восстания и до московских переговоров в марте 1945 г., в значительной мере способствовало осуществлению в Кошицкой правительственной программе новой внешнеполитической ориентации на Советский Союз.

Г. Е. ЗЮЗЮКИНА

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЕРБИИ НАКАНУНЕ БАЛКАНСКИХ ВОЙН

История рабочего движения Сербии привлекает в последнее время внимание советских и югославских историков, ибо многие как сильные, так и слабые стороны сербского рабочего движения оказали впоследствии влияние на борьбу рабочего класса Югославии. Непосредственно вопросы забастовочного движения нашли отражение в работах В. А. Упеника, Н. В. Бошковица, А. З. Нюркаевой, Вука Винавера¹. Однако в этих работах история забастовочного движения либо не доведена до балканских войн (Н. В. Бошковиц и В. Винавер, в исследованиях которых соответственно рассматриваются периоды 1901—1905 и 1903—1910 гг.), либо ограничен круг источников: в работах В. А. Упеника, опубликованных в 50-х годах, не были и не могли быть использованы многие документы по истории профсоюзного движения Сербии и материалы социал-демократической печати. Частично это можно отнести и к статьям А. З. Нюркаевой.

Настоящая статья представляет собой попытку показать развитие и некоторые характерные черты забастовочной борьбы сербских рабочих в период, предшествовавший балканским войнам.

Забастовочная борьба начала XX в. тесно связана с деятельностью Сербской социал-демократической партии (ССДП) и Главного Рабочего Союза (ГРС), основанных в 1903 г. Создание ССДП, ГРС и их низовых организаций способствовало активизации забастовочной борьбы, в первую очередь рабочих ремесленных мастерских, за улучшение их положения, которое в ту пору в Сербии действительно было тяжелым: рабочий день составлял 13—18 часов, заработная плата была мизерной, для большинства отраслей ремесла характерна была сезонная безработица².

Несомненное влияние на рост политического сознания трудящихся масс и развитие забастовочного движения в Сербии оказала первая русская революция. В 1904—1906 гг. рабочие многих предприятий добились некоторого улучшения своего положения. Эти успехи сербских рабочих нашли отражение в тарифных договорах, заключенных между профсоюзными организациями и владельцами предприятий, в которых предусматривалось сокращение рабочего дня, повышение расценок; во многих договорах специально оговаривалось право рабочих на создание профсоюз-

¹ Н. В. Бошковиц. Рабочее и профсоюзное движение в Сербии в начале XX века. Канд. дисс. М., 1959; В. А. Упеник. Рабочее движение в Сербии накануне первой мировой войны. Канд. дисс.; М., 1951; А. З. Нюркаева. Рабочее движение 1905—1907 гг. в Сербии; Рабочее движение в Сербии накануне балканских войн. Уч. зап. Пермского ун-та, 1963, № 113, стр. 99—110, 111—112; V. V i n a v e r. Sindikalno-štrajkački pokret u Srbiji 1903—1910. «Istorija XX veka», kn. VI, Beograd, 1964 s. 5—66.

² Н. В. У ч о. Привредна историја Србије. Београд, 1955, стр. 212, 252.

ной организации, на празднование 1 Мая. Это значительное по тому времени наступление рабочих уже в 1906 г. встретило организованное сопротивление предпринимателей, стремившихся отказаться от выполнения тарифных договоров, нанести удар профсоюзам. Последующие два года характеризуются дальнейшим обострением классовой борьбы.

Существенной, можно сказать, определяющей чертой забастовок 1907—1908 гг. явилась борьба рабочих за право создания и существования профсоюзных организаций, вследствие чего забастовочное движение приобрело и политический характер; экономические и политические требования, выдвигаемые рабочими в ходе забастовок, органически переплетались. В эти годы рабочие вели борьбу в неблагоприятных условиях экономического кризиса, обостренного политическим кризисом 1908 г., возникшим в связи с аннексией Боснии и Герцеговины. Безработица достигла небывалых до того времени в Сербии размеров³.

Начало 1907 г. ознаменовалось забастовками на сахарной, кожевенной и обувной фабриках Чукарицы, рабочего предместья Белграда, которые возникли из-за нарушения предпринимателями тарифного договора и увольнения наиболее активных членов профсоюза⁴. В борьбе приняло участие подавляющее большинство рабочих этих фабрик; по данным управления ГРС, на сахарной фабрике бастовало 380 рабочих, на обувной и кожевенной — 85 человек⁵. Благодаря кампании солидарности с бастующими, организованной ССДП и ГРС, попытки предпринимателей найти штрейкбрехеров среди рабочих Белграда и других городов Сербии оказались безуспешными. Но все же администрации сахарной фабрики удалось завербовать необходимое количество штрейкбрехеров из крестьян-отходников.

Учитывая это обстоятельство, стачечный комитет фабрики, находившийся под влиянием ССДП и ГРС, предложил рабочим прекратить забастовку. Однако забастовщики, среди которых усилилось влияние анархистов, были полны решимости любой ценой воспрепятствовать проникновению штрейкбрехеров на территорию фабрики. Когда в ночь на 1 марта под охраной полиции на фабрику пришли штрейкбрехеры, забастовщики оказали сопротивление, полиция открыла огонь, четверо рабочих были убиты, несколько человек ранены⁶. ССДП и ГРС, руководившие забастовкой, в самый ответственный и трудный момент не смогли сохранить руководство ею, а в значительной мере и утратили влияние среди бастующих. Во многом это объясняется тем, что ССДП и профсоюзы, так же как и рабочий класс Сербии, не имели необходимого опыта классовой борьбы, не овладели искусством не только наступать, но и организованно отступать. Нельзя не учитывать и той отрицательной роли, которую сыграли в период забастовки анархистские группы, пользовавшиеся влиянием именно на Чукарице⁷. Следует отметить, что руководители сербского рабочего движения были озабочены обстановкой, создавшейся в результате трагических событий 1 марта 1907 г., когда вполне вероят-

³ Кроме того, положение осложнялось обострением внутрипартийных противоречий. Вопрос о причинах и характере этой внутрипартийной борьбы может и должен служить темой специального исследования. В настоящей статье хотелось бы лишь отметить, что эта борьба была следствием прежде всего кризиса руководства ССДП и ГРС. Положение в руководящих органах ССДП накануне VI съезда (апрель 1908 г.) было таково, что вполне вероятным казалось предположение о роспуске партии. От активного участия в рабочем движении временно отошли некоторые видные деятели ССДП и ГРС, в частности Д. Попович, Д. Лапчевич, Л. Павичевич. Эти обстоятельства несомненно отрицательно отразились на забастовочном движении сербских рабочих.

⁴ «Радничке новине», 17 II 1907.

⁵ «Синдикални покрет у Србији», кн. 2, Београд, 1958—1964, стр. 298.

⁶ «Радничке новине», 3 III 1907.

⁷ Там же, 6 III, 23 VI 1907.

ным было, с одной стороны, усиление полицейских провокаций, а с другой — безответственные авантюристические выступления анархистских групп.

На состоявшемся 1 марта совместном заседании правлений ССДП и ГРС было принято обращение ко всем социал-демократам и профсоюзным организациям, в котором говорилось: «Ни один наш товарищ не должен ничего предпринимать без одобрения и указания нашего и наших организаций. Это заявление партия и союз делают вследствие того, что различные темные типы начали провоцировать рабочих, призывать их к мщению и беспорядкам. В этом отношении особо отличаются анархисты из „Радничкой борьбы“⁸. Похороны рабочих, погибших на Чукарице, превратились по инициативе правления ГРС в массовую рабочую демонстрацию, в которой участвовали все профсоюзные организации Белграда⁹.

Продолжавшиеся и после 1 марта забастовки на кожевенной и обувной фабриках также завершились поражением рабочих. Забастовка на Чукарице наглядно продемонстрировала, сколь серьезную опасность представляют для рабочего движения анархисты различного толка. Впоследствии ССДП и ГРС вели решительную борьбу со всеми анархистскими группами вне ССДП и анархо-синдикалистскими течениями в партии. Опыт, полученный на Чукарице, был использован Сербской социал-демократической партией и профсоюзами при руководстве забастовочным движением горняков, которое в 1907—1908 гг. приобрело широкий размах.

Продолжительный рабочий день, низкая заработная плата, бесконечные обшеты и штрафы, отсутствие техники безопасности на шахтах и рудниках — таково было положение сербских горняков¹⁰. Согласно данным, опубликованным правлением ГРС, заработная плата горняков составляла в день 0,8—2,5 динара¹¹ при одиннадцатичасовом рабочем дне¹², а цены на продукты питания в поселках горняков были выше, нежели в большинстве городов страны. Во время всех забастовок на шахтах и рудниках горняки особенно настойчиво требовали отмены системы штрафов и улучшения санитарного состояния и техники безопасности, что свидетельствует о том, сколь тягостными для рабочих были эти условия. Сведения об этом мы находим в материалах, опубликованных в «Радничких новинах» и в воспоминаниях современников. Попытки рабочих создать на шахтах и рудниках профсоюзные организации или хотя бы установить контакты с социал-демократическими организациями ближайших городов встречали упорное сопротивление со стороны дирекции рудников, полиции, местных властей¹³. Однако стремление горняков к борьбе за улучшение своего положения, к созданию профсоюзных организаций росло несмотря на все препятствия. В июне 1907 г. на руднике Майданек под непосредственным руководством ГРС была основана профсоюзная организация, в которую за несколько дней вступило большинство рабочих¹⁴. Вскоре последовала наступательная забастовка, руководство которой осуществлял стачечный комитет, возглавляемый представителем ГРС¹⁵. В ней приняли участие 550 человек — все рабочие рудника

⁸ Там же, 3 III 1907.

⁹ Там же, 5 и 17 III 1907.

¹⁰ «Синдикални покрет у Србији», кн. 2 стр. 261, 263.

¹¹ Там же, стр. 293.

¹² Там же, стр. 291.

¹³ J. П е т а к о в и ћ. Прве рударске организацији у Србији, Београд, 1956, стр. 52—53.

¹⁴ «Синдикални покрет у Србији», кн. 4, стр. 440.

¹⁵ Там же, стр. 140.

и вспомогательных предприятий¹⁶. Забастовщики настаивали на ликвидации системы штрафов и повышении расценок. Попытка полицейских властей повторить Чукарицу — спровоцировать столкновение бастующих с усиленными полицейскими нарядами, прибывшими в район забастовки, не удалась. Трехнедельная забастовка горняков Майданпека завершилась их полной победой, но затем проявилась одна из слабых сторон сербского рабочего движения — к декабрю 1907 г. численность профсоюзной организации сократилась до 40 человек: рабочие, добившись определенных успехов в результате забастовки, но не имея опыта классово-борьбы, постепенно покинули свою организацию, что позволило предпринимателям отказаться от выполнения условий тарифного договора, завоеванного рабочими в июле. Тем не менее забастовка оказала благотворное воздействие на развитие борьбы сербских горняков.

Несколько раз на протяжении 1907 г. бастовали рабочие Бора¹⁷, но неизменно терпели поражение. Во многом это было обусловлено слабостью профсоюзной организации и ошибочной позицией руководства ГРС. Когда в начале 1907 г. в Боре возникла массовая профсоюзная организация, дирекция рудника уволила двадцать рабочих — основателей и наиболее активных членов профсоюза¹⁸. Организации рабочих был нанесен тяжелый удар, и вскоре она перестала существовать.

Упорно боролись за создание профсоюзной организации шахтеры рудника Вршка Чука, где в забастовках (сентябрь 1907 г. и январь 1908 г.) приняло участие значительное число рабочих. Непосредственным поводом для них послужили массовые увольнения членов профсоюза¹⁹. Руководители ССДП и ГРС в полной мере оценили значение этой борьбы для рабочего движения страны. Для оказания помощи забастовщикам на Вршку Чуку были направлены видные деятели сербского рабочего движения Д. Лапчевич, И. Милкич, М. Лазич²⁰. Согласно сообщениям «Радничких новин», на совместных расширенных заседаниях правлений ССДП и ГРС обсуждались вопросы, касающиеся забастовок на Вршкой Чуке²¹. Социал-демократические и профсоюзные организации многих городов, в том числе и Белграда, провели митинги и собрания солидарности с бастующими, собрали средства для оказания им помощи. Газета «Радничке новине» в период забастовки давала подробную информацию о положении на Вршкой Чуке. Сентябрьская забастовка 1907 г., в которой участвовало около 200 рабочих, была подавлена с помощью полиции²². В январской забастовке 1908 г. бастовало, по сведениям ГРС, 318 шахтеров, и продолжалась она 26 дней²³. Дирекции шахты, несмотря на рост в стране безработицы, не удалось завербовать ни одного штрейкбрехера. Но средства шахтеров и профсоюза горняков были на исходе — фонды профсоюзов были исчерпаны в ходе забастовок 1907 г. Правление ГРС и отраслевые профсоюзы не могли оказать забастовщикам сколько-нибудь существенную материальную помощь, поскольку в стране господствовала безработица. Из-за отсутствия средств шахтеры Вршкой Чуки вынуждены были разъехаться в поисках работы, объявив вместе с тем о продолжении забастовки. Только спустя несколько месяцев предприниматели смогли нанять новых рабочих²⁴.

¹⁶ «Радничке новине», 19 VII 1907.

¹⁷ «Синдикални покрет у Србији», књ. 4, стр. 440.

¹⁸ «Радничке новине», 4 I 1907.

¹⁹ «Синдикални покрет у Србији», књ. 4, стр. 442.

²⁰ «Радничке новине», 15 IX 1907, 22 I 1908.

²¹ Там же, 15 I 1908.

²² «Синдикални покрет у Србији», књ. 4, стр. 443.

²³ «Радничке новине», 2 II 1908.

²⁴ Там же, 30 IX 1908.

Забастовки на Вршкой Чуке продемонстрировали единство, солидарность сербских рабочих, их организованность, сплоченность, выдержку. Стачки сербских горняков, в которых, по данным ГРС, в 1907—1908 гг. участвовало 1930 рабочих²⁵, свидетельствовали о том, что рабочие шахт и рудников становятся активными участниками забастовочного движения, проходившего под руководством ССДП и ГРС. Забастовки горняков оказывали²⁶ и в дальнейшем несомненно оказали бы еще более существенное воздействие на развитие сербского рабочего движения в целом. Опасаясь усиления профсоюзных организаций и роста забастовок, Министерство народного хозяйства под давлением иностранных компаний, эксплуатировавших рудники, издало в 1908 г. постановление «О порядке на рудниках», которое запрещало создание профсоюзных организаций горняков и проведение забастовок. Забастовка 400 горняков Майданпека в июне 1908 г. была подавлена при содействии полиции и местных властей, потребовавших в соответствии с этим постановлением выселения бастующих с территории рудника²⁷. В дальнейшем дирекции компаний с помощью полиции и местных властей пресекали, опираясь на это постановление, любые попытки воссоздать профсоюзные организации на шахтах и рудниках.

Руководители ССДП и ГРС, понимая сколь серьезный ущерб рабочему движению наносит запрещение забастовок и других форм борьбы рабочих-горняков, добивались отмены этого постановления, но правления ССДП и ГРС использовали преимущественно легальные парламентские формы борьбы. Однако эти меры не дали положительных результатов.

В 1907—1908 гг. развернулась упорная, продолжительная борьба между профсоюзами рабочих ремесленных предприятий и объединениями владельцев мастерских — «картелями». Возникновение многочисленных «картелей», как правило, предшествовало наступлению предпринимателей на профсоюзные организации. Хозяева ремесленных мастерских особо настаивали на роспуске организаций рабочих и отмене тарифных договоров, заключенных ранее под давлением профсоюзов (или замене их соответствующими договорами, составленными предпринимателями). Создание «картелей» облегчалось тем, что в Сербии были широко распространены цехи-снафы, которые и послужили основой для образования объединений владельцев ремесленных мастерских. Солидарность предпринимателей, вступивших в борьбу с профсоюзом, нередко гарантировалась векселями, которые «картели» могли предъявить к оплате владельцам предприятий, отказавшимся по тем или иным соображениям от продолжения борьбы с забастовщиками. Имеются сведения о том, что владельцы более крупных мастерских и оптовые торговцы оказывали давление на мелких хозяйчиков, заставляя их вступать в борьбу с профсоюзными организациями²⁸. Были попытки создать «картели», объединявшие владельцев мастерских нескольких городов. В большинстве случаев предприниматели начинали наступление на права рабочих в такие моменты, когда рабочие находились в невыгодном положении (например, в период сезонной безработицы или когда материальные ресурсы профсоюза были истощены). В этом отношении отличалась особым своеобразием забастовочная борьба кожевников. В январе-феврале 1907 г. бастовали в защиту своей организации 62 рабочих сапожных мастерских Пирота²⁹. Учиты-

²⁵ «Синдикални покрет у Србији», књ. 2, стр. 298.

²⁶ «Радничке новине», 11 III 1908.

²⁷ Там же, 29 VI 1908.

²⁸ Там же, 4 III 1908.

²⁹ «Синдикални покрет у Србији», књ. 4, стр. 105.

вая, что средства профсоюза истощены в результате этой и Чукарицкой забастовок, хозяева сапожных мастерских Белграда создали «картель» и, намереваясь добиться роспуска профсоюзной организации и отмены тарифного договора, предложили своим коллегам из Валева последовать их примеру³⁰.

Начавшаяся в связи с этим забастовка рабочих сапожных мастерских Белграда, в которой участвовало свыше 200 человек, продолжалась три месяца; забастовщики сумели отстоять организацию³¹. Забастовка сапожников Валева продолжалась около месяца и завершилась так же, как и в Белграде: владельцы мастерских вынуждены были отказаться от роспуска профсоюза, но рабочие не смогли добиться заключения нового тарифного договора (это было контртребование, выдвинутое забастовщиками в ходе забастовки). Спустя полгода, после новой забастовки, сапожники Валева настояли на подписании тарифного договора, улучшавшего условия их труда³².

В 1906 г. почти два месяца бастовали опанчары³³ Белграда. Забастовка возникла в ответ на требование владельцев мастерских распустить профсоюз и завершилась победой рабочих³⁴. Аналогичная по характеру забастовка опанчаров Шабача продолжалась пять месяцев. Бастующие, настаивавшие на заключении нового тарифного договора, добились лишь частичного успеха: они отстояли свою организацию, но тарифный договор не был подписан³⁵. Точно так же протекала и завершилась стачка рабочих швейных мастерских Лесковаца³⁶. Выдвижение контртребований в ходе оборонительных забастовок было типичным явлением для сербского рабочего движения, что, как справедливо отмечали руководители ГРС, в условиях 1907—1908 гг. осложняло забастовочную борьбу, ибо удлинение срока забастовок приводило к истощению денежных средств профсоюзов, недостаток которых постоянно ощущался и отражался на борьбе профсоюзов с «картелями».

Между тем предприниматели, пользуясь тяжелым материальным положением рабочих и их организаций, не всегда соглашались удовлетворять требования бастующих, касающиеся улучшения условий труда. Продолжительность оборонительных забастовок 1907—1908 гг. составляла в среднем 1—1,5 месяца, достигая иногда 2—5 месяцев³⁷.

Руководители сербского рабочего движения поняли, какая опасность угрожает молодым профсоюзным организациям со стороны объединений предпринимателей. Уже в начале 1907 г., когда возникли первые «картели», газета «Радничке новине» в редакционной статье предупреждала: «Рабочее движение и в особенности наши профсоюзные организации находятся перед серьезным периодом, из которого они могут выйти повзрослевшими и окрепшими, но могут и оказаться разгромленными. Наступление хозяев, создавших объединения, направлено теперь не на сокращение заработной платы и удлинение рабочего времени, а на уничтожение самих организаций рабочих»³⁸. В выступлениях видных деятелей ССДП и ГРС на страницах «Радничких новин» неоднократно подчеркивалось, что основной характерной чертой забастовочного движения этих лет явля-

³⁰ «Радничке новине», 10 III 1907.

³¹ Там же, 26 VII 1907.

³² Там же, 24 XI 1907.

³³ Опанчары — сапожники, занятые изготовлением опанок, крестьянской национальной обуви.

³⁴ «Радничке новине», 19 IV 1907.

³⁵ Там же.

³⁶ «Синдикални покрет у Србији», кн. 2, стр. 298.

³⁷ Там же, кн. 3, стр. 287.

³⁸ «Радничке новине», 15 II 1907.

лась борьба рабочих за самое существование профсоюзных организаций. Правда, отдельные наступательные забастовки имели место и в этот период, но не они определяли характер борьбы, ибо забастовки, которые велись в защиту организаций рабочих, значительно превосходили наступательные по продолжительности, числу участников и по своему значению для дальнейшего развития сербского рабочего движения. В этой связи следует обратить внимание на те противоречия при оценке результатов характера забастовочной борьбы 1907—1908 гг., которые мы встречаем в документах и материалах, относящихся к рассматриваемому периоду, и которые нашли отражение в литературе.

В интересной работе В. Винавера³⁹ стачечная борьба 1907—1908 гг. оценивается как период кризиса и неудач в забастовочном движении сербских рабочих. А. З. Нюркаева⁴⁰, которая дает несколько иную периодизацию забастовочного движения, рассматривает 1905—1907 гг. как время подъема, а 1908—1909 гг. считает периодом спада в стачечной борьбе. Эти авторы учитывают уменьшение числа бастующих в 1908 г., а также неблагоприятные условия, в которых оказалось в этот период рабочее движение Сербии. Я полагаю, однако, что при характеристике результатов забастовочного движения 1907—1908 гг. необходимо исходить из того, что сербские профсоюзы, несмотря на трудности объективного и субъективного порядка, сумели выдержать наступление предпринимателей и сохранить большинство профсоюзных организаций. Выше отмечалось, что оборонительные забастовки нередко перерастали в наступательные, поэтому руководители отраслевых профсоюзов и ГРС считали проигранными такие забастовки, когда рабочим не удавалось добиться заключения тарифного договора, хотя основной вопрос — существование профсоюзных организаций — оказывался решенным в пользу стачечников. Подобная оценка результатов ряда забастовок нашла отражение в публикациях «Радничких новин» и материалах некоторых профсоюзных конференций. Между тем существует иная оценка итогов забастовочной борьбы 1907—1908 гг., которая была дана на съездах ГРС, проходивших позднее, т. е. тогда, когда стало возможным воссоздать полную картину наступления предпринимателей на рабочие организации: «В забастовках 1907—1908 гг. рабочий класс Сербии не утратил ничего, а приобрел многое, ибо сохранил свои организации, укрепил их и заложил основу для будущих побед»⁴¹. Такая оценка представляется мне более правильной.

В ходе забастовок 1907—1908 гг. был нанесен серьезный удар «картелям» предпринимателей. Многие мелкие хозяйчики, положение которых в условиях экономического кризиса было очень тяжелым, не могли выдержать длительной борьбы с профсоюзами и разорились; большинство «картелей» после забастовок распалось. Несмотря на то что борьба между объединениями предпринимателей и профсоюзами в некоторых видах ремесленного производства продолжалась и в последующие годы, исход ее был предрешен в забастовочных боях 1907—1908 гг. Число стачек в 1909 г. резко возрастает (в 1907 г. было 24 стачки, в 1908 — 18, в 1909 — 47), однако большинство их было непродолжительным и проводилось в отдельных мастерских, в основном в целях сохранения прежних завоеваний рабочих или улучшения условий труда. Забастовочное движение 1909 г. характеризуется сочетанием оборонительных и наступательных за-

³⁹ V. V i n a v e r. Ibid., s. 35.

⁴⁰ А. З. Н ю р к а е в а. Рабочее движение в Сербии накануне балканских войн, стр. 113.

⁴¹ «Синдикални покрет у Србији», кн. 2, стр. 272.

бастовок и представляет собой как бы переходный этап от выступлений рабочих преимущественно в защиту профсоюзов к новому подъему рабочего движения. Видимо, на забастовки 1909 г. значительное влияние оказал тот факт, что и профсоюзы и предприниматели были ослаблены в связи с экономическим кризисом и напряженной борьбой предшествующих лет.

Новый подъем стачечной борьбы сербских рабочих, как и рабочего движения в целом, начавшийся в 1910 г., продолжался и в 1911—1912 гг. ССДП, преодолев внутривластный кризис 1907—1908 гг., усилила свое влияние среди трудящихся; повысился, в результате последовательной позиции, занятой ССДП во время боснийского кризиса, ее авторитет в международном рабочем движении. Рабочий класс Сербии добился после нескольких лет упорной борьбы под руководством ССДП и ГРС введения в стране трудового законодательства. В предшествующие годы большинство сербских профсоюзов продемонстрировало свою жизнеспособность, выстояв в тяжелой борьбе с предпринимателями. Согласно данным, которыми располагало Правление ГРС, при одинаковом количестве забастовок (в 1909 и 1910 гг. их было по 47) общее число стачечников в 1910 г. (1012 человек)⁴² было несколько ниже, чем в 1909 г., и значительно сократилось по сравнению с предыдущими годами (в 1907 г. бастовало 3009, в 1908 г. — 1538 человек)⁴³. При этом, однако, не следует забывать, что почти $\frac{2}{3}$ забастовщиков в 1907—1908 гг. составляли рабочие Чукарицы и горняки, в то время как после 1908 г., как подтверждают материалы съездов и конференций профсоюзов, рабочие промышленных предприятий принимали незначительное участие в забастовочной борьбе⁴⁴. Сам факт резкого падения количества забастовок и числа их участников на промышленных предприятиях Сербии после 1907—1908 гг. не вызывает сомнений и подтверждается всеми имеющимися в моем распоряжении источниками. Согласно сведениям, опубликованным Правлением ГРС, рабочие шахт и рудников в 1910—1911 гг. не принимали участия в забастовочной борьбе, а в 1912 г. была проведена всего лишь одна забастовка горняков⁴⁵. Забастовочное движение фабричных рабочих в эти годы было также незначительным⁴⁶. Хотелось бы подчеркнуть, что данные профсоюзной статистики полностью подтверждаются материалами «Радничких новин» и воспоминаниями участников сербского рабочего движения. В этой связи вызывает удивление утверждение А. З. Нюркаевой о том, что начиная с 1907 г. рабочие промышленных предприятий играли ведущую роль в забастовочном движении⁴⁷.

В отличие от А. З. Нюркаевой В. Винавер считает, что после 1907—1908 гг. рабочие промышленных предприятий не принимали активного участия в забастовочной борьбе⁴⁸. Мне представляется, что отход рабочих промышленных предприятий от забастовочного движения в этот период обусловлен рядом факторов. Основную массу фабричных рабочих составляли вчерашние крестьяне, процесс вовлечения которых в промышленное производство особенно усилился в связи с развитием сербской промышленности после 1907—1908 гг. На текстильных предприятиях, занимавших значительное место в сербской промышленности, широко использовался женский и детский труд. Все это позволяло предпринимателям легко заменять неугодных им рабочих разорившимися крестьянами (как это

⁴² Там же, стр. 519.

⁴³ Там же, стр. 298.

⁴⁴ Там же, кн. 4, стр. 368, 370—371.

⁴⁵ Там же кн. 2, стр. 464.

⁴⁶ Там же, стр. 465.

⁴⁷ А. З. Нюркаева. Рабочее движение 1905—1907 гг. в Сербии, стр. 106—107.

⁴⁸ V. V i n a v e r. Ibid., s. 66.

произошло во время забастовки на Чукарице) и создавало благоприятные условия для упорной борьбы владельцев и администрации предприятий, центральных и местных властей против любых форм социалистической агитации и попыток создания профсоюзных организаций. Это нашло отражение в материалах съездов ССДП и ГРС, в выступлениях социал-демократической печати и руководителей сербского рабочего движения, которых очень тревожило создавшееся положение. Вместе с тем я считаю, что сами руководители сербского рабочего движения допустили ошибку, уделяя слишком большое внимание легальным парламентским формам деятельности, надеясь путем выступлений в Скупщине, печати, посредством митингов и собраний сломить сопротивление предпринимателей и властей (в частности, заставить правительство отменить положение о рудниках) и недооценивая значение забастовочной борьбы, в ходе которой, как показала практика, создавались профсоюзные организации и которая способствовала активизации рабочего движения.

Забастовочному движению 1910 г. было присуще сочетание наступательных и оборонительных забастовок, которые, однако, в отличие от стачек 1907—1908 гг. проходили в обстановке начавшегося подъема рабочего движения, в более благоприятных для рабочих условиях. Характерно, что наступление на профсоюзные организации вели преимущественно хозяева ремесленных мастерских отмирающих профессий (опанчары, абаджии, терзии), которые надеялись путем усиления эксплуатации рабочих несколько улучшить свое положение. В связи с этим в забастовочном движении 1910—1911 гг. активное участие приняли рабочие опанчары. Продолжительные забастовки в защиту своих организаций вели в 1910 г. рабочие опанчарских мастерских Валева и Паланки⁴⁹. Борьба «картелей» с профсоюзными организациями опанчаров приобрела еще более широкие размеры летом и осенью 1910 г., когда оборонительные забастовки вели опанчары Крушеваца, Трстеника, Лозницы, Ягодины, Чачака, Кралева; в это же время забастовали опанчары Свилайнаца, создавшие в ходе забастовки профсоюзную организацию⁵⁰. Забастовщикам противостоял «картель», включавший в себя владельцев мастерских Крушеваца, Чачака, Трстеника, Лозницы; предпринимались попытки создания «картеля», который объединил бы хозяев всех опанчарских мастерских Сербии. Приближение сезонной безработицы и недостаток денежных средств усугубляли тяжелое положение забастовщиков. В таких условиях правление профсоюза предложило бастующим тех предприятий, хозяева которых, измотанные длительной забастовкой, готовы были отказаться от намерения разгромить организации рабочих, закончить борьбу, пусть даже с частичным успехом, чтобы иметь возможность оказать помощь забастовщикам Кралева и Крушеваца, где хозяева мастерских упорно настаивали на роспуске профсоюзных организаций⁵¹. Однако обе эти необычайно продолжительные забастовки (опанчары Кралева бастовали семь месяцев, Крушеваца — девять месяцев) были проиграны рабочими, причем их финал был типичным для сербского рабочего движения того времени: в период забастовки стачечники разъехались в поисках работы по другим городам, владельцы же мастерских наняли новых рабочих, так что профсоюзные организации на некоторое время даже перестали существовать⁵².

Хотелось бы обратить внимание на такое обстоятельство: в Крушеваце одновременно с владельцами опанчарных мастерских основали

⁴⁹ «Радничке новине», 18 III, 12 VIII 1910.

⁵⁰ «Синдикални покрет у Србији», књ. 3, стр. 401—404.

⁵¹ Там же, стр. 409, 428.

⁵² Там же, стр. 411.

«картели» и начали борьбу с рабочими хозяева швейных и сапожных мастерских⁵³. Эти забастовки, одна из которых продолжалась месяц, а другая пять месяцев, завершились победой рабочих⁵⁴.

В 1911 г. даже опанчары, после четырех лет оборонительной борьбы, смогли перейти в наступление. Руководство этого профсоюза сочло возможным санкционировать забастовки рабочих опанчарских мастерских Свилайнаце, Лешнице и Лазареваце, несмотря на принятое незадолго до этого ежегодной конференцией профсоюза решение воздержаться от наступательных забастовок из-за тяжелого финансового положения профсоюза⁵⁵. Следует отметить, что наступательные забастовки в большинстве случаев были короче оборонительных, в среднем их продолжительность составляла две-три недели.

Рабочие ряда других профессий уже в 1910 г. перешли от борьбы в защиту своих организаций к наступательным забастовкам. Кроме того, многие оборонительные забастовки перерастали в наступательные, которые в отличие от забастовок предшествующих лет завершались победой рабочих (забастовки ткачей в Валевае, обувщиков в Паланке и Свилайнаце)⁵⁶.

Владельцы швейных мастерских Белграда попытались заключить тарифный договор в отдельности с каждым рабочим, игнорируя организацию, что привело к трехмесячной забастовке, в которой участвовало 240 рабочих⁵⁷. Предприниматели были вынуждены заключить договор с профсоюзной организацией и повысить зарплату рабочим⁵⁸. Значительным было число участников других забастовок ремесленных рабочих Белграда, которые, как правило, завершались победой рабочих⁵⁹.

Характерной особенностью забастовочного движения 1911—1912 гг. явилась борьба за сокращение рабочего дня, что было тесно связано с борьбой за осуществление на практике трудового законодательства, вступившего в силу с июля 1911 г. Интересно отметить, что в первые дни после введения в действие трудового законодательства руководство ССДП и ГРС предлагало рабочим, социал-демократическим и профсоюзным организациям лишь отмечать случаи нарушения предпринимателями трудового законодательства (разумеется, прежде всего имелось в виду невыполнение положения о десятичасовом рабочем дне). Между тем местные социал-демократические и профсоюзные организации действовали более решительно и энергично: уже в начале июля 1911 г. во многих городах Сербии состоялись митинги и демонстрации рабочих, выдвигавших требование десятичасового рабочего дня, нередко они стихийно перерастали в забастовки; социал-демократы и члены профсоюзов принимали в них активное участие, стремясь, как отмечала социал-демократическая печать, придать движению организованный характер⁶⁰.

Известно, что не только в июле, но и в последующие месяцы 1911 г. и даже в 1912 г. только в результате или под угрозой забастовок рабочие могли добиться установления десятичасового рабочего дня, предусмотренного законом⁶¹.

Большинство забастовок подобного рода возникало без предварительного уведомления о них правления ГРС и соответственно без его санкции.

⁵³ «Радничке новине», 9 X 1910.

⁵⁴ Там же, 10 II 1911 г.; «Синдикални покрет у Србији», кн. 3, стр. 303.

⁵⁵ «Синдикални покрет у Србији», кн. 3, стр. 430.

⁵⁶ «Радничке новине», 30 IV, 9 V, 12 VII, 4 IX 1910.

⁵⁷ Там же, 6 I 1911.

⁵⁸ «Синдикални покрет у Србији», кн. 3, стр. 304.

⁵⁹ Там же, стр. 537, 566, 694; «Радничке новине», 25 V, 9 VII 1911.

⁶⁰ «Радничке новине», VII—VIII 1911.

⁶¹ Там же, 29 V 1912.

Мне представляется, что в этот ответственный момент руководство ССДП и ГРС оказалось, хотя и на незначительный отрезок времени, в хвосте движения, что объясняется преувеличением значения парламентской формы борьбы со стороны руководителей сербского рабочего движения. Важным требованием забастовщиков в рассматриваемый период было повышение заработной платы, что во многом было связано с ростом дороговизны и соответственно падением реальной заработной платы.

В отчетном докладе Правления VII съезду ГРС, в частности, отмечалось: «Дороговизна — вот та проблема, от которой во многом зависит практическая деятельность профсоюзов. Рост дороговизны делает иллюзорными и сводит на нет усилия профсоюзов, направленные на то, чтобы посредством повышения зарплаты улучшить материальное положение и повысить культурный уровень рабочего класса. Дороговизна в конце концов побеждает, унося с собой часть наших достижений»⁶².

Вопросы, связанные с забастовочным движением, постоянно обсуждались на съездах ГРС и отраслевых профсоюзов, на страницах социал-демократической печати. Еще на IV съезде ГРС в 1907 г. была принята резолюция «О проведении забастовок»⁶³, которая впоследствии была доработана и получила широкую известность под названием «Правил о забастовках». В соответствии с этими «правилами» объявлению наступательной забастовки должна была предшествовать подготовительная работа с тем, чтобы выяснить, каково положение предпринимателей и профсоюза в моральном и материальном отношении. Предложение местной профсоюзной организации об объявлении наступательной забастовки подлежало утверждению правлениями отраслевого профсоюза и ГРС. Без санкции руководства могли объявляться лишь оборонительные забастовки. Однако эти «правила» нередко нарушались. В тех случаях, когда бастовали рабочие отдельных мастерских, руководители местной организации обычно не запрашивали согласия руководства профсоюза. Когда жетакое забастовки распространялись на многие мастерские города, местные организации стремились представить их как оборонительные, подчеркивая контртребования предпринимателей, возникавшие в подобных случаях. В отчетном докладе Правления VI съезду ГРС в этой связи отмечалось, что, «начиная с Белграда, во всех городах Сербии и всеми профсоюзами забастовки объявляются без предварительного сообщения о них и без чьею-либо одобрения. Члены профсоюза не запрашивают руководство местной организации, а сами на свой страх и риск начинают забастовку и ставят организацию перед совершившимся фактом. Профсоюзная организация пожимает плечами и признает забастовку. Руководство профсоюза делает то же самое. И хотя забастовка представляет собой классовую войну, о чем необходимо ставить в известность центральный орган нашей организации — Главный Рабочий Союз, он, как правило, не извещается о начале забастовки, не говоря уже о том, что не испрашивается его одобрение. Этого дальше терпеть нельзя»⁶⁴.

Подобного рода критика низовых профсоюзных организаций постоянно встречается в материалах съездов и конференций профсоюзов, на страницах рабочей печати. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на бесчисленные требования руководителей сербских профсоюзов о выполнении «Правил о забастовках», нарушения такого рода не прекращались. Это обстоятельство заслуживает внимания, ибо, как известно, после преодоления внутривластного кризиса дисциплина в ССДП и ГРС укрепились,

⁶² «Синдикални покрет у Србији», књ. 2, стр. 453.

⁶³ Там же, стр. 203.

⁶⁴ Там же, стр. 355.

руководители профсоюзов достаточно быстро и решительно реагировали на попытки внести раскол и дезорганизацию в ряды рабочего движения, большинство решений руководящих органов ССДП и ГРС выполнялось. Видимо, постоянное нарушение «Правил о забастовках» в 1910—1912 гг. было вызвано достаточно серьезными причинами и обусловлено противоречием, возникшим между стремлением рабочих бороться за улучшение своего положения и тенденцией руководства ГРС — равно как и руководства ССДП — сдерживать размах забастовочной борьбы, что особенно ярко проявилось в период, непосредственно предшествовавший балканским войнам⁶⁵. Характерным является такое утверждение правления ГРС: «Забастовки и движение за заключение тарифных договоров стали у нас центром всей деятельности профсоюзов. Совершенно очевидно, что подобное развитие борьбы препятствует остальным формам деятельности профсоюзов, жизненно важным и для самих забастовок. Развитие организаций и повышение сознательности членов профсоюзов должно быть на первом плане. Частые забастовки представляют опасность для финансовых резервов, поскольку, с одной стороны, истощают источник доходов, а с другой — поглощают имеющиеся средства»⁶⁶.

Мне представляется, что «Правила о забастовках», принятые в период наступления предпринимателей на профсоюзные организации, свидетельствовали о том, что руководители сербского рабочего движения достаточно серьезно отнеслись к стачечной борьбе, стремились придать ей организованный характер и требовали столь же продуманного и серьезного отношения к забастовкам от местных организаций. Положительное значение этих «правил» для забастовочного движения 1907—1908 гг. несомненно. Однако в условиях нового подъема рабочего движения в 1910—1912 гг. настойчивые рекомендации правлений ССДП и ГРС, «Радничких новин» относительно выполнения «Правил о забастовках» можно рассматривать как попытку сдержать размах забастовочного движения, что определялось ошибочным противопоставлением забастовочного движения агитационно-пропагандистской работе, которую руководители сербского рабочего движения считали основной формой деятельности в социально-экономических условиях Сербии начала XX в.

Все важнейшие принципиальные вопросы, касающиеся забастовочного движения в целом и проведения отдельных крупных забастовок, обсуждались и решались совместно руководством ССДП и ГРС. Единство действительный социал-демократической партии и профсоюзов стало важным положительным явлением в рабочем движении Сербии. Это нашло отражение и в забастовочной борьбе сербских рабочих, которой руководили ССДП и ГРС.

В заключение следует отметить, что, несмотря на некоторые ошибки, допущенные руководителями рабочего движения Сербии и самими рабочими, о чем говорилось выше, забастовочная борьба явилась одной из основных форм сербского рабочего движения, сыграла значительную роль в борьбе за улучшение положения рабочих, за их права, что в ходе ее органически сочетались экономические и политические требования рабочего класса Сербии.

⁶⁵ Там же, стр. 460—461, 512; «Радничке новине», 9 VII 1910, 6 I 1911.

⁶⁶ «Синдикални покрет у Србији», кн. 2, стр. 512.

Д. С. ПРОКОФЬЕВА

ЦАРСКАЯ ЦЕНЗУРА И ПОЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА

Архивные материалы, находящиеся в цензурных комитетах и жандармских управлениях, интересны для историка литературы. Они пополняют и расширяют сведения о художественных произведениях, раскрывают подчас их сложный путь к читателю и нередко предоставляют возможность для текстологических исследований. Знакомство с мнением цензоров отчасти выясняет официальную точку зрения на литературу.

В статье использован ряд архивных материалов, позволяющих в той или иной степени проследить судьбу творений крупных польских писателей. Этих вопросов касался М. Инглот в своей интересной работе «Царская цензура 1831—1850 гг. о шедеврах польской литературы»¹, но он также не исчерпал всей проблематики.

Вторая половина XIX и начало XX в. (как и предшествующий период в истории польской и русской литературы) прошли под гнетом царской цензуры. Правда, в это время вносились различные изменения в организацию цензурного дела, но они не привели к ослаблению цензуры. Так, Главное управление цензуры, находящееся при Министерстве народного просвещения, было упразднено (1862 г.). Обязанности цензоров приняли чиновники особых поручений. Все дела цензуры сосредоточивались в Главном управлении по делам печати при Министерстве внутренних дел — «для более усиленного исполнения постановлений цензурного устава»². А в 1865 г. Александр II, «желая дать отечественной печати возможные облегчения и удобства», отменил предварительную цензуру. Однако на деле стремление «облегчить положение печати» привело к тому, что в 1868 г. министру внутренних дел было предоставлено право не допускать к обращению некоторые издания, запрещать их розничную продажу и т. д. В 1872 г. судебный порядок уничтожения книг, признанных вредными, был заменен административным порядком запрещения через Комитет министров, так как часто прокуратура, не находя соответствующих статей закона, не могла поддерживать обвинений. В 1873 г. было издано постановление, в силу которого те или иные вопросы временно могли быть вовсе изъяты из обсуждения в печати. Бесконечные циркуляры устанавливали особые предписания для цензуры, особенно иностранной. Устав о цензуре и печати предписывал рассмотрение романов и повестей иностранной словесности «с большею против иных книг строгостью». И после

¹ M. Ingłot, Cenzura carska w latach 1831—1850 wobec arcydzieł literatury polskiej. W ks. Ze skarbcza kultury. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, z. 17.

² «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 г.». СПб., 1862, стр. 466—467.

некоторых изменений и нововведений в устав о цензуре — на «иностранные сочинения», как и прежде, обращалось самое серьезное внимание: «При рассмотрении книг иностранных, более еще нежели при дозволении к печати книг, издававшихся в России, надлежит обращать внимание на цель оных, на дух и намерение автора»³.

В Царстве Польском цензура была особенно суровой. Запрещались всевозможные полемические книги по части богословия, сочинения с направлением, «несоответствующим нынешнему состоянию Западного края и Царства Польского, сочинения, возбуждающие подозрения в неблагонадежности по самому заглавию»⁴ и др. В приложениях к временным правилам по цензуре 1862 г. в обязанности цензора вменялась особая строгость по отношению к польским изданиям: «В виду нынешних усилий польской пропаганды... цензура должна с особенным вниманием... вникать как в сущность их, так и в форму... Не дозволять к печатанию статей, в которых доказывается необходимость восстановления независимости и самобытности Польши»⁵.

Предварительная цензура в Царстве Польском не только устраивала из печати критику властей и учреждений, но и вообще затрудняла рассуждения по социальным, экономическим и политическим вопросам. Не дозволялось писать о рабочем вопросе, о жизни гмины, городском хозяйстве, об отношении поляков к России и русским и т. д. Вдавались даже в подробности польского правописания. Одним словом, предварительная цензура сыграла печальную роль как в России, так и в Польше. Она была звеном в общей системе отчуждения Польши, ее культуры и литературы от русского общества.

Известные и популярные писатели, влиявшие на широкие слои общества, представляли серьезную опасность для царского правительства, всей государственной системы. Вот почему жизнь и деятельность каждого из них становились объектом пристального внимания жандармерий.

Из письма киевского генерал-губернатора Д. Бибикова попечителю Санктпетербургского учебного округа М. Н. Мусину-Пушкину становится известным, что выдающийся литературный критик 50-х годов Антонин Марцинковский (выступавший под псевдонимами А. Новосельского и Альберта Грифа) «вследствие заключения Главного управления цензуры о лицах, издававших в Киеве сборники на польском языке, оказавшиеся по духу и направлению вредными, с высшего соизволения в числе прочих издателей сборников подвергнут секретному надзору полиции»⁶.

О поэте Вл. Сырокомле (Людвике Кондратовиче), яростном противнике крепостничества, виленский генерал-губернатор Назимов докладывал начальнику III отделения: «Кондратович как поэт пользуется в польской литературе большой известностью»⁷. Это настораживало власти тем более, что, как сообщалось, «поляки для возбуждения в народе польском патриотизма обратились к содействию одного из тамошних литераторов Сырокомли»⁸. В секретном архиве III отделения в докладе политического отделения 42 сочинения Сырокомли названы сочинениями, направленными к возбуждению религиозного и политического фанатизма⁹.

³ «Устав о цензуре и печати с приложениями 1906 и 1908 гг.» В кн. Справочная книга о печати всей России. СПб., 1911.

⁴ ЦГИА ЛитССР, ф. 1240, оп. 1, ед. хр. 133, л. 7 об.

⁵ «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре...», стр. 473.

⁶ ЦГИА, ф. 777, 1852, оп. 2, д. 91, л. 3 об.

⁷ ЦГАОР, ф. 109, оп. 5, 1 экзп., 1858, д. 187, л. 16.

⁸ Там же, л. 11.

⁹ ЦГАОР, ф. 109, с. а., оп. 1, ед. хр. 1834, л. 30.

Стихотворение Сырокомли «Обывательское надгробие» («Крестьян бил плеткой, поил их водкой...») в переводе Оммулевского было исключено из сборников «Рыдания и хохот» и «Живая струна»¹⁰. По поводу этих сборников в Главное управление печати поступила докладная: «...издатели таких сборников берут стихотворения разных авторов, не заботясь о литературных достоинствах своего издания, а составляя тенденциозный подбор произведений социалистического и эротического характера»¹¹. По поводу стихотворения Сырокомли «Иллюминация» в переводе П. Быкова цензор (вполне в духе постановления 1847 г. о недопущении произведений, в которых сочувственно изображаются крепостные крестьяне и подвергаются критике помещики) писал: «...не может быть дозволено цензурою сопоставление могучего и богатого властелина и бедных, беззащитных подчиненных»¹².

«Социалистический характер», «революционное содержание», «национальный, польский дух» искоренялись из польской литературы. Так, были запрещены (видимо, «безусловно») ¹³ избранные произведения патристическо-демократического характера галицийского поэта Корнелия Уейского. В одном из них очевиден был намек на восстание 1846 года («Слово Иеремии»), в другом — выражались идеи борьбы за свободу, горячий патриотизм («Марафон»). В «Заснеженной хате» отражалась беспросветная жизнь польского крестьянства.

Рассказы популярной польской писательницы Элизы Ожешко, в которых восславляется героизм повстанцев 1863 года, утверждается мысль о том, что идея свободы не может быть подавлена, провозглашается «слава побежденным» («Gloria victis», «Они»), — были уничтожены по решению Московской судебной палаты. В фонде Главного управления печати находятся два заключения об этих произведениях, суть которых сводится к тому, что это — «апофеоз польских повстанцев». Поэтому они не могут быть дозволены для чтения, как произведения, «по духу своему польско-патристические..., могущие сильно возбуждать умы польских читателей в этом направлении»¹⁴.

Цензор Щеглов писал о вредности для народного чтения повести Элизы Ожешко «Колдунья» (в других переводах — «Ведьма»), в которой буквально вся деревня участвует в травле женщины, обвиняемой в колдовстве. По мнению цензора, автор, борясь с суевериями, «легко может подкочнать и испортить и... истинную веру, христианство, как католическую, так и православную»¹⁵.

Наиболее распространенные, типичные формулировки цензоров — «тенденциозность», «польско-патристическая тенденция» и т. п. Так, по поводу произведения М. Кононицкой «Из 1835 года» (лейтмотив рассказа — массовое помешательство ссыльно-каторжных поляков) цензор Кулик-Драгомиров писал: «Книга своей тенденцией способна вызвать громадную сенсацию подобно „Не могу молчать“ Л. Толстого, и со стороны

¹⁰ ЦГИА, ф. 777, оп. 4, 1887, № 99, л. 1—2.

¹¹ Там же.

¹² ЦГАОР, ф. 109, с. а., оп. 1, ед. хр. 1834, л. 30.

¹³ В Сборнике постановлений и распоряжений по цензуре (СПб., 1862) существовало правило: «Иностранные запрещенные книги разделяются на два разряда: одни, не заключающие в себе особенной предосудительности, могут быть выдаваемы, по разрешению Главного управления цензуры и Министра народного просвещения, некоторым известным лицам, с распиской о хранении для собственного употребления; другие же, как совершенно вредные, не должны быть выдаваемы никому без особенного высочайшего повеления. Согласно с тем, в донесениях о первых цензоры полагают запретить их для публики, а о последних — запретить безусловно» (стр. 269).

¹⁴ ЦГИА, ф. 776, 1911, оп. 17, ед. хр. 262.

¹⁵ ЦГИА, ф. 776, 1897, оп. 21, д. 33, л. 72—79.

недовольных элементов может вызвать целую бурю раздражения и взрывы преступной мести. Я полагаю бы книгу запретить...»¹⁶.

Параллель между Я. Толстым и М. Конопницкой представляется очень интересной. Статья, или, как ее называли, «манифест Толстого», в котором выражался протест писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян, имела огромный резонанс. Полностью статья была напечатана за границей, в России она появилась в отрывках, распространялась в списках и в подпольных изданиях. Ложь, клевета, инсинуации — все было пущено в ход, чтобы нейтрализовать ее влияние на общество. По мнению Плеханова, статья «возбудила против правительства общественное мнение и тем несколько увеличила шансы нового подъема у нас революционного движения»¹⁷. Революционизирующая роль произведений Толстого и Конопницкой настораживала царские власти, вызывала страх реакции. Слово подвергалось гонению как бы для того, чтобы еще раз подтвердить старую истину, полюбившуюся Толстому: «Слово — это поступок».

В 1903 г. было «недозволено к печати» стихотворение известного польского поэта В. Гомулицкого, прозаика и историка литературы, фельетониста и критика, переводчика Байрона и Пушкина, Мюссе и Некрасова, человека, не связанного с освободительным движением, но выступавшего с проповедью гуманизма, против национальных распри и т. д. Это стихотворение — «Не забудем». «Не забудем лесных могил, не забудем наших терновых венцов». Цензор Вержбицкий так оценил это произведение: «Название стихотворения, содержащее в себе поэтическое *credo* автора, весьма ясно выражает политические настроения той польской партии, которая теперь не мечтает о вооруженном восстании, тем не менее дорожит прежними польскими традициями... не забывать печальных событий польской истории, как, например, восстания... Вследствие этого стихотворение г. Гомулицкого получает политический характер и при том с польской патриотической окраской»¹⁸.

Цензурный устав царской России к числу запрещенных относил те произведения художественной литературы, в которых содержалось «что либо нарушающее неприкосновенность верховной самодержавной власти». Вот почему сочинения Ю. И. Крашевского, написанные под псевдонимом Болеславита и представляющие собой цикл «картинок» о восстании 1863 года, в которых автор отчетливо выступает на стороне «красных», сочувствует борьбе за национальное освобождение, были, разумеется, запрещены цензурой. По поводу повести «Шпион» в агентурной записке¹⁹ сообщалось, что «рассказ пресыщен польским патриотизмом и наполнен бранью на „москалев»»²⁰. А в деле, заведенном в III отделении в связи с празднованием 50-летнего юбилея Крашевского, в справке о писателе говорилось: «Крашевский издал несколько сочинений... революционного содержания, направленных против русского правительства, а именно „Дитя старого города“, „Красная пара“, „Москаль“, „Жид“, „Скитальцы“, под псевдонимом Болеславита»²¹. В 1888 г. цензор Коссович запретил публиковать в польской газете «Край», издававшейся в Петербурге, сти-

¹⁶ ЦГИА, ф. 779, оп. 4, 1909, № 312, рапорт № 9433, л. 835 об.

¹⁷ Г. В. Плеханов. Искусство и литература. М., 1948, стр. 697.

¹⁸ ЦГИА, ф. 777, 1882, оп. 3, д. 52, л. 601.

¹⁹ ЦГАОР, ф. 109, с. а., оп. 1, д. 2008, л. 1 об.

²⁰ «Главное управление цензуры 25 июля 1853 г. постановило для руководства на будущее время цензуре за правило: название русских москалями допускать в старых сочинениях на польском языке, не распространяя этого снисхождения на новые книги». — «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре...», стр. 290—291.

²¹ ЦГАОР, ф. 109, 3 экзп., 1879, д. 565, л. 96.

хотворение Ю. И. Крашевского (написанное в 1865 г. в альбом Р. К. Хлебницкой-Юзефовичовой) «Кто смеет плакать»:

Кто смеет плакать?
Кто жалуется?
У кого по лицу текут слезы?...

Цензор усмотрел в этом, и не без основания, «сдкую сатиру на безотрадное положение поляков». Вполне в соответствии с уставом он «воспретил к напечатанию» неизвестное широкой общественности поэтическое произведение Крашевского²². Личность писателя привлекала внимание жандармского управления и цензурного комитета и после его смерти. В книге Ч. Кеендерского, посвященной 100-летию Крашевского, были усмотрены «элементы известной политической тенденции», особенно в связи с упоминанием запрещенных цензурой книг, изданных под псевдонимом Болеслава. Эти небольшие материалы по цензуре некоторых произведений Крашевского дополняют верное (как это ни парадоксально) мнение некоторых русских консервативных кругов и прессы о «титане труда». Выступая в 1879 г. против празднования юбилея польского писателя и участия в нем русских, представители этих кругов писали о Крашевском как о человеке, не замыкавшемся лишь в сферу искусства. (Противоположное мнение было достаточно распространенным.) Они выступали против юбилея, так как их не устраивал патриотизм польского писателя, известный демократизм его воззрений, «революционное содержание» ряда его произведений. Кампания вокруг юбилея, как и материалы цензуры, показывает, что Крашевский — политический авторитет, с которым не могли не считаться царские власти.

Лучшие польские писатели поддерживали веру угнетенной нации в будущее, придавали ей мужество. Они верили в возможности народа, его силу «*Zbawienie leży pod siermięgą*», — писал один из крупнейших польских поэтов конца XIX и первых десятилетий XX в. Ян Каспрович, в творчестве которого социальный протест, выразительные картины мужицкой нужды занимали существенное место. Именно поэтому его ранняя поэзия, как и сборник «С крестьянского поля» (1891), была запрещена цензурой. Запрещались и другие стихи Каспровича. Так, цензор Коссович счел неудобным поместить в подцензурной польской газете «Край» стихотворение, написанное поэтом в честь Тараса Шевченко, «пробудившего... в малороссах народное самосознание»²³.

Итак, инкриминировалась вера в будущее, по сути дела оптимизм. В то же время запрещались и произведения, в которых основными настроениями были печаль, скорбь, и т. п., поскольку за этими настроениями угадывалась патристическая тенденция. Вероятно, за пессимизм, так же как и за своего рода «богохульство», цензурой исключались из поэтического сборника Леопольда Стаффа стихи «Небесным птицам», «День сегодняшний»²⁴. Не «богохульство» ли просить бога помочь убежать воришке, а падшей женщине заработать на хлеб ее обычным «трудом»? А не «крамоллой» ли звучат слова поэта о тех, кто слишком беден, чтобы быть добродетельным?

Цензурный устав не допускал «что либо клонящееся к поколебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры», а также те произведения, в которых «оскорбляются добрые нравы и благопристойность». Цензуру весьма занимали

²² ЦГИА, ф. 777, 1882, оп. 3, д. 52.

²³ ЦГИА, ф. 787, 1882, оп. 3, д. 52.

²⁴ Гос. ист. архив. Московской обл., ф. 31, оп. 6, № 221.

антиклерикальные, «оскорбляющие религиозные чувства истинно верующих» сочинения. К числу таких была отнесена книга Г. Даниловского «Мария Магдалина» и статья о ней, опубликованная в «Вестнике иностранной литературы» (№ 1 за 1914 г.). В докладе Вертова на заседании Санкт-петербургского комитета по делам печати утверждалось, что «цель автора произведения и автора статьи о нем... заключается в том, чтобы низвести Иисуса Христа до степени обыкновенного смертного»²⁵. Цензура не могла допустить, чтобы такими «сочными красками» была изображена «распутная жизнь красавицы Магдалины и ее отношение к Иисусу Христу, к которому она становится все более и более равнодушной»²⁶. Усмотрев в этом «богохульство по отношению к Спасителю мира», комитет постановил возбудить уголовное преследование против редактора и уничтожить с 1 по 60 страницы журнала²⁷. Богохульство инкриминировалось рассказу одного из ярчайших поэтов-лириков периода Молодой Польши Казимежа Тетмайера «Музыкант Звиртала». А за «грубые и непристойные выражения» был наложен арест не только на рассказ «Как баба черта извела», описание ночной сцены в котором и послужило предлогом для подобной формулировки, но и на весь сборник «На склонах Татр»²⁸. И дело не в том, что цензура опасалась, как бы ядреный народный юмор не оскорбил добрые нравы и благопристойность (цензоры не могли не понять чувства глубокой любви к родной земле, ее традициям, людям, которое пронизывает весь сборник Тетмайера), а в польско-патриотической (говоря языком цензоров) тенденции, которая всегда инкриминировалась авторам и была едва ли не основной причиной запрета того или иного художественного произведения. Именно поэтому ранее был запрещен сборник «Поэзия»²⁹, в котором патриотическая лирика в лучших традициях романтизма занимает центральное место.

Сочинения эмигрантов и государственных преступников, «какого бы содержания и в каком бы виде они не были»³⁰, также запрещались цензурой. Именно поэтому, например, цензор Коссович отказался дать разрешение на публикацию в журнале «Край» «Автобиографии Ленартовича», «Мазовецкого лирика», воспевающего красоту родной земли, жизнь и обычаи народа. По словам цензора, статья «ничего не представляет предосудительного в цензурном отношении»³¹. Но не может быть допущена статья «политического выходца». Связанный с кругами патриотов-демократов, поэт нередко обращался к героическим традициям польского народа. Ряд патриотических стихотворений Ленартовича направлен против царизма, против жандармерии и полиции, против царских войск. Все это было более чем достаточным основанием для запрета III тома избранной поэзии Ленартовича³². Запрещена была также прекрасная работа о поэте Яна Каспровича — «Мазовецкий лирик»³³, в которой, наряду с тончайшим художественным анализом лирики Ленартовича, речь идет и об общественных и политических воззрениях поэта, о его вере в народ, в лучшее будущее. Так что в этих случаях причиной запрета была и личность «политического выходца» и «предосудительность в цензурном отношении» его произведений и воззрений.

²⁵ ЦГИА, ф. 777, оп. 7, 1906, № 431, л. 22 об.

²⁶ Там же, л. 21.

²⁷ ЦГИА, ф. 776, оп. 16, ч. II, 1910—11, № 721, л. 3.

²⁸ Там же.

²⁹ Гос. ист. архив Московской обл. ф. 31, оп. 6, № 221.

³⁰ «Устав о цензуре и печати», 1890.

³¹ ЦГИА, ф. 777, 1882, оп. 3, д. 52, л. 195.

³² Гос. ист. архив Московской обл., ф. 31, оп. 6, № 221.

³³ Там же.

В списке книг, пропущенных иностранной цензурой «с исключениями», находятся произведения выдающегося поэта, «выходца» Циприана Норвида³⁴. Вероятно, и в этом случае сыграла роль «предосудительность в цензурном отношении». Гуманизм поэта, сочувствие угнетенным, ненависть к несправедливости, культ героев национально-освободительной борьбы — все это не могло не привлечь внимания цензуры. А поэтому можно предположить, что не только сложность интеллектуальной поэзии Норвида, но и цензурная политика гонения на вольную мысль и слово немало способствовали тому, что «открытие» Норвида, его популярность, слава пришли уже после смерти поэта.

Особой цензуре подвергались народные издания, книги, допускаемые для чтения в народных библиотеках. Основные правила для цензора (постановлением 1850 г.) сводились к тому, что «цензор наблюдает с особенною строгостию, чтобы в них не было не только никакого неблагоприятного, но даже и неосторожного прикосновения к православной церкви и установлениям ее, к правительству и ко всем поставленным от него властям и законам. (...)». Цензор не должен допускать описания особенных бедствий или нужд того состояния, к которому принадлежит многочисленный класс читателей этого рода книг... Сочинения, в которых изъясляется сожаление о состоянии крепостных крестьян, описываются злоупотребления помещиков, или доказываются, что перемена в отношениях первых к последним принесла бы пользу, не должны быть вообще разрешены к печатанию, а тем более в книгах, предназначенных для чтения простого народа»³⁵.

Любование прошлым, воспевание «потерянного рая», независимой Польши, шляхетских традиций не могли не послужить причиной запрета изданного для народа и молодежи романа Генрика Сенкевича «Огнем и мечом»³⁶.

Когда спустя более полувека Особое совещание, о котором речь уже шла, составляло новый устав о печати, оно не предполагало послаблений цензуры народных изданий. В числе «мотивов для запрещения» снова были: возбуждение неприязни одного класса населения к другому, отрицательное отношение к государственному строю, нападки на бюрократию, отрицательное отношение к духовенству, военному сословию, восхваление республиканского строя, описание народных бунтов, кощунство и т. п.³⁷

Цензоры в произведениях художественной литературы зачеркивали слова («в Польше», «история Польши», «любовь к отечеству», «наш край», «родина», «народ», «тиран», «оковы» и т. п. А в популярных изданиях и в изданиях для народа цензура нередко доходила до полного абсурда.

Писатели пытались создать язык и стиль, в которых можно было передавать патриотические идеи, мысли и содержание, не используя «подозрительных» слов. Об этом можно написать специальное исследование.

В 1866 г. в «Рахунках» Ю. И. Крашевский писал о том, что «можно было говорить о родине, называя ее краем, прошлое — минувшим веком, о самоотверженности — ловко прикрывая ее религиозным плащом»³⁸. Однако власти и цензура были достаточно бдительными и опытными, чтобы понимать аллегорию, параллели, намеки. Цензорами, как правило, работали чиновники, получившие образование в высших учебных заведениях, либо лица, прошедшие специальную подготовку. Такие требования к цензорам предъявлялись сводом уставов о цензуре. (В западных

³⁴ Там же.

³⁵ «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре...», стр. 264—265.

³⁶ Гос. ист. архив Московской обл., ф. 31, оп. 6, № 221.

³⁷ Устав о цензуре см. в кн.: «Справочная книга о печати всей России». СПб., 1911.

³⁸ Цит. по работе. М. I n g l o t. Cenzura carska..., s. 133.

губерниях было «принято негласным образом за правило, чтобы в цензуре... избираемы были лица русского происхождения, достаточно знающие польский язык и притом особенно известные по своим правилам и благонадежности»³⁹. Тем не менее в поисках крамолы там, где ее не было, цензоры достаточно часто доходили до абсурда. Поэтому нередко возникали серьезные конфликты между авторами, издателями и цензурными комитетами.

Несмотря на свои старания, цензура не могла преградить путь слову. Напротив того, она косвенно поощряла распространение истины, вольнолюбивой, крамольной мысли, придавая словесной пропаганде притягательный вкус запретного плода. На Особом совещании для составления нового устава о цензуре вице-президент императорской Академии наук П. В. Никитин сказал: «Если иностранная цензура при прежних порядках не смогла загородить чужеземным идеям, то ужели она окажется более действительною заставой при новых? И не опаснее ли всяких вредных идей то ложное представление, которое иностранной цензурой, как и всякою цензурою, порождается и развивается — представление будто есть какие-то истины, которых власть боится и которые она потому скрывает, что не в силах опровергнуть?»⁴⁰. Истины, которых власть боится, цензура обнаруживала в произведениях популярных польских писателей, доказывая тем самым, что их творчество объективно служило делу прогресса в Польше и России.

Публиковать можно было лишь сведения о светлых явлениях жизни. Этим правилом руководствовался и Варшавский цензурный комитет, который решил не пропускать переводов на польский язык тех произведений русской литературы, которые рисуют жизнь с одной только мрачной стороны. В их число попали: А. К. Толстой («Князь Серебряный»), Ф. М. Достоевский («Преступление и наказание», «Униженные и оскорбленные», «Записки из мертвого дома»), Ф. Писемский («Взбаламученное море») и др.⁴¹. Но несмотря на все рогатки и препоны цензуры, польские и русские книги в оригиналах, либо в переводах доходили до читателя. Еще в 1864 г. барон М. А. Корф, директор Публичной библиотеки в Петербурге, выступая за отмену иностранной цензуры, говорил: «Всякому известно, что при постоянном у нас существовании иностранной цензуры нет и не было запрещенной книги, которой бы нельзя было достать»⁴².

На рубеже столетий, в период «острой борьбы вокруг так называемого „польского вопроса“, польская литература пользовалась в России большой популярностью»⁴³. Это объясняется не только политическими мотивами. Родственность проблематики, близость литературно-общественных программ, общие проблемы художественного мастерства — вот что способствовало популярности польской литературы в России. И никакие ухищрения цензуры не смогли помешать этому.

³⁹ «Сборник постановлений и распоряжений по цензуре...», стр. 268.

⁴⁰ «Протоколы высочайше учрежденного особого совещания для составления нового устава о печати», [СПб., 1905], № 22, стр. 21.

⁴¹ ЦГИА, ф. 779, рапорты за 1889 г., № 1109.

⁴² «Протоколы высочайше учрежденного особого совещания...», № 22, стр. 7.

⁴³ Z. Wa g a Ń s k i. Literatura polska w Rosji na przełomie XIX i XX wieku. Wrocław, 1962.

Л. Г. ШАХОВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР В РОМАНЕ ДИМИТРА ДИМОВА «ТАБАК»

Роман Димитра Димова «Табак», написанный в начале 50-х годов ¹, когда болгарская литература только еще начинала художественное исследование новой социалистической действительности, с одной стороны, помогает понять многие тенденции болгарской прозы 60-х годов, а с другой — сам обретает сейчас «второе рождение» в критике ².

Причина этого, видимо, в том, что Димов, эстетически осваивая две эпохи (капиталистическую и социалистическую), утверждал в болгарской литературе новый взгляд на человека, новые принципы создания характера. Разрабатываемая в романе вечная проблема «человек и время», «личность и эпоха» вводит его в русло основной проблематики болгарской литературы 60-х годов. И в то же время именно в свете этой проблематики новаторство Димова наиболее ощутимо.

История появления романа и его оценка в 50-х годах болгарской критикой уже достаточно освещены в нашей печати ³. Поэтому мы не будем останавливаться на дискуссии, которая развернулась вокруг него в 1952 г. Отметим лишь, что роман далеко не сразу был оценен по достоинству. «Просчеты» некоторых критиков, по-видимому, объяснялись тем, что они рассматривали роман с позиций, не соответствующих требованиям литературного развития.

При этом больше всего «доставалось» характеру центральной героини романа Ирины. Критики не могли «простить» автору того, что главная героиня романа о революционных преобразованиях в Болгарии — не коммунистка, не строительница новой жизни, а женщина, оторвавшаяся от народной среды и не ставшая своей в мире капитала. Упрекали Димова и за симпатию к Ирине, считая «вредным», что автор до конца повествования не лишает ее обаяния.

Сейчас уже нет необходимости доказывать ценность эстетического сплава, каким является характер героини: критика давно признала его одним из самых сложных и художественно совершенных в болгарской ли-

¹ В 1951 г. вышла первая редакция романа, в 1953 г. — вторая. На русский язык роман переведен в 1956 г.

² Несмотря на то, что о романе и в 50-е годы появилось несколько статей, наиболее глубоко его художественная специфика освещена в литературоведении в 60-е годы. В плане нашей темы наибольший интерес представляют работы: К. К у ю м д ж и е в. Героиня на Димитър Димов (Опит за социална и психологическа характеристика). В кн. Профили с черно и бяло. София, 1966, стр. 77—127; Р. Л и к о в а. Черти от белетристичното майсторство на Д. Димов. В кн. Съвременни автори и проблеми. София, 1968, стр. 102—135; Г. Г а ч е в. Современный роман в условиях ускоренного литературного развития. В сб. «Современная литература за рубежом», М., 1962, стр. 105—131.

³ См.: Н. М и х а л ь с к а я. Роман Димитра Димова «Табак». «Иностранная литература», 1956, № 4, стр. 189—193.

тературе. Обращение к нему в данной статье имеет целью рассмотреть некоторые принципы создания характера в романе Димова, которые соотносят его творчество с художественной проблематикой XX века.

При всем различии характеров представителей уходящего мира (Ирины, табачного магната Бориса Морева, эксперта Костова, немца фон Гайера) и коммунистов (Павла, Лилы, Шишко, Варвары и др.) все они в большей или меньшей степени решают важную для писателя задачу — показать драматизм судьбы личности, ее новое положение в развороченном борьбой народа мире. Решение этой задачи оказалось неразрывно связанным с содержанием общественного и эстетического идеала писателя.

Марксизм, который Димов принимает в середине 40-х годов под влиянием великих свершений болгарского народа, меняет ракурс видения писателем жизни, человека. К утверждению в своем творчестве метода социалистического реализма, новизна которого прежде всего в революционно-действенном отношении к миру, Димов шел сложным путем, постепенно освобождаясь от влияния фрейдизма и буржуазного психологического романа ⁴.

Ко времени выхода в свет романа «Табак» Димов был уже автором романов «Поручик Бенц» (1938 г.) и «Осужденные души» (1945 г.). Главные героини этих романов Елена Петрашева и Фани Хорн — этапы пути к его высшему достижению — характеру Ирины, этапы мужания художественной мысли писателя. В романе «Табак» Димов уже не удовлетворяется созданием образов женщин, вырванных из конкретной социальной среды и данных в основном через сложные любовные отношения и переживания. И в то же время его новая героиня Ирина не является лишь повторением социального характера. Ценность ее художественного характера, его «аромат», думается, состоит в том, что он несет в себе не только осмысление и разоблачение буржуазного мира, который калечит души людей. Одновременно этот характер, больше чем какой-либо другой в романе, говорит о поисках человеком смысла жизни, о красоте жизни. Погубленные возможности богатой натуры Ирины, ее путь «от себя» подчеркивают необходимость для человека быть равновеликим эпохе, необходимость изменить жизнь для человека и человека для жизни.

Характером Ирины Димов в свете нового эстетического идеала решает одну из центральных проблем художественного характера — проблему цельности. На первый взгляд, это может показаться парадоксальным. Ведь Ирина, как и многие другие герои Димова, — натура противоречивая, «разорванная». И, бесспорно, прав К. Куюмджиев, утверждая, что если эпический мир Ивана Вазова «единый, без внутренних конфликтов, завершенная гармоническая сфера», то мир Димова «духовно сокрушен, разрушен... распался, и все его части в полном несогласии между собой» ⁵.

Но речь в данном случае идет о другом. Показ этого «разорванного» мира подводит к мысли о том, что разорванность должна быть преодолена, что мир и человек должны быть воссозданы, но на новой основе.

Димов знает, что есть цельная натура и есть целостный художественный характер. Он не ставит перед собой задачу показать национальный характер в идеальной, первозданной цельности, понимая, что «совсем не легко уловить и претворить художественно, в ярких и сильных образах сложные душевные движения сегодняшнего человека, человека, у кото-

⁴ О творческом пути Димова см.: Д. Ф. Марков. Димитър Димов — романист. В кн. За социалистическия реализъм. История и съвременност. София, 1964, стр. 288—310

⁵ К. Куюмджиев. Там же, стр. 108.

рого совершенно неожиданно и странно иногда переплетается великое и обыкновенное, трагическое и смешное, передовое и отсталое, положительное и отрицательное»⁶.

В романе «Табак», по словам Р. Ликовой, «человеческая сложность становится эстетической основой»⁷. Димов одним из первых болгарских романистов утверждает принцип, который в современном болгарском романе является ведущим. Если цельность в характерах коммунистов романа является содержательным моментом, то для характера Ирины цельность скорее встает как проблема, как потребность, как точка зрения на человека.

Ирина, человек буржуазного мира, с самого начала романа дана во внутреннем раздвоении. Еще до того, как она попала в мир богатых, у нее уже наметился разрыв с родной почвой, который в дальнейшем будет усугубляться. Она в одно и то же время и опустошенная натура и поражает чем-то необычайно здоровым, человеческим.

Для утверждения этого характера автор пользуется художественной антитезой прекрасного и отталкивающего, средствами «полярной» характеристики. Так, острота противоречий характера героини и указание на ее социальную двойственность уже даны в ее портрете. «Ничто так очевидно не выдавало отчужденности Ирины от семьи, как эта изящная, выхоленная рука. И все же это была рука девушки из народа. Об этом напоминали и широкая кисть, и крепкие мускулы предплечья»⁸. И несмотря на то, что ее лицо стало лицом женщины, для которой красота была проклятием, коммунисту Мичкину кажется, что «она отдаленно, какими-то неуловимыми чертами, напоминает красивую женщину из народа, зрелую, как пшеничный колос, колеблемый ветром» (т. II, стр. 367).

Эта же антитеза проходит в сложной соотносительности характера Ирины с образом табака, который получает в романе полифоническое звучание.

В болгарской критике высказано немало интересных соображений относительно понимания емкого образа табака, который не случайно вынесен в название романа. Этому вопроса касался критик А. Пешев: «...табак, это наше богатство, в условиях капитализма превращается в настоящее бедствие...»⁹. К. Куюмджиев акцентирует внимание на «гибельном магнетизме» табака, в основе которого лежит отрава¹⁰.

Соотнесенность же образа табака с характером Ирины осталась не замеченной критикой, между тем как она подчеркивает противоречивость последнего. Уборка табака — неотъемлемая часть патриархальной идиллии семьи Ирины; город, в котором прошла юность героини, с которым связано лучшее в ее душе, овеян «благоуханием сохнувшего табака» (т. I, стр. 43). Это как бы один «ключ» к характеру Ирины — поэтический. Он высвечивает ее причастность к земле, к радостям простых людей. Но есть и другой «ключ» к этому характеру — «ядовито-зеленый» цвет табака, который открывает новое в Ирине, живущей в мире акционерного общества «Никотиана». Как в пейзаже (по мере приближения к городу «хлеба уступили место ядовито-зеленым табачным полям» — эту деталь Димов роняет как бы без особой смысловой нагрузки), так и в характере героини «хлеба», которые вскормили ее натуру, — родная почва, душевное здоровье — постепенно уступают место, не исчезая совсем, привычке к

⁶ Д. Димов. Собр. съч., т. 5. София, 1967, стр. 434.

⁷ Р. Ликова. Там же, стр. 105.

⁸ Д. Димов. Табак, т. I. М., 1961, стр. 484. (Все ссылки на роман даются по этому изданию).

⁹ Ал. Пешев. «Тютюн», Септември, 1955, № 6, стр. 174.

¹⁰ К. Куюмджиев. Там же, стр. 93—94.

паразитическому существованию, эгоизму, стремлению лишь к чувственным наслаждениям.

Так же сложно и неоднозначно отношение многих героев, в том числе коммунистов, к Ирине. Павел и Мичкин, хотя и понимают, что перед ними — опустошенная душа, женщина из враждебного мира, относятся к ней с уважением, чувствуя в ней «что-то бесстрашное», то здоровое начало, которое она не утрачивает до конца, даже намеренно сжигая лучшее в себе. В ее лице окружающие видят «что-то одухотворенное и прекрасное, что глубоко задевало душу и навсегда запечатлевалось в сознании...» (т. I, стр. 172).

На вопрос Ирины, обращенный к коммунистке Лиле, которую она лечила с риском для себя: «Ты меня ненавидишь, Лиля?» — та отвечает: «Ненавижу! Иначе и быть не может... Ты наш враг!.. Но я люблю то человеческое, что есть в тебе и что привело тебя сюда» (т. I, стр. 505).

Видимо, сам Димов, как когда-то Флобер о мадам Бовари, так же ни в коей мере не отождествляя себя с героиней, мог бы сказать: «Ирина — это я». И чем больше любит свою героиню автор, тем более строг и горек суд, которым он ее судит. Но судит, в отличие от Флобера, не за попытку Ирины искать реальное осуществление своих мечтаний. Димов далек от требований Флобера гордо замкнуться в мечтах и переживать жизнь только во внутреннем мире, вдали от людей. Он знает, что человек призван жить большими проблемами века. «Настоящее счастье приходит, когда душа начинает трепетать в созвучии с внешним миром», — скажет Димов в другом романе¹¹.

Время, в которое живет героиня, требует от нее шагать с ним в ногу. Его веление как бы выражает один из коммунистов, который во время первомайской демонстрации в Софии, пытаясь привлечь Ирину на свою сторону, кричит: «Ирина, твое место с нами!...» (т. I, стр. 307). Но... люди эти кажутся ей безумцами, смелость их — «безрассудной и драматичной». В этот майский день, казалось, еще можно уйти от необходимости решать — с кем быть; казалось, можно погрузиться в свой мир, в чтение, в мысли о Борисе. Иллюзию жизни вне общественных событий на некоторое время Ирине удается создать.

Но вот во время подавления забастовки голодными табачниками убит отец Ирины — полицейский Чакыр, и Динко открывает ей истину: Борис Морев и «Никотиана» виновны в его смерти, они послали его защищать неправое дело. Встречи с коммунистами, дыхание больших тревожных событий, происходящих в Болгарии в 30—40-е годы, заставляют Ирину, подчас помимо ее желания, сопоставлять факты, сравнивать, делать выводы, от которых ей становится страшно.

Народ, поднявшийся на борьбу за свои права, становится в романе «типическими обстоятельствами», и от них героине не уйти. Мало того, что в своей комнате Ирина как бы видит, что «... в этой подавляющей, поглотившей миллионы роскоши, по этим коврам, вазам и мебели из красного дерева, по бархату и шелкам струится пот нищих крестьян и туберкулезных рабочих...», — история дает возможность Ирине увидеть этих крестьян и рабочих выпрямленными во весь рост, оценить их мужество, самоотверженность, человечность.

Димов, большой художник, не мог не учитывать то новое, что отличает структуру художественных характеров, созданных Горьким и Шолоховым, утверждающих бытие человека как деяние. В романе «Табак», который творчески наследует традиции крупнейших советских писателей, мерилом личности становится «диалектика деяния». Этот критерий яв-

¹¹ Д. Димов. Ахилесова пета. «Пламя», 1966, № 10, стр. 9.

ляется основным при создании как образов коммунистов, так и образов представителей уходящего мира. Продолжая традиции Горького, Димов решает проблему активности человека не только как проблему его непосредственного участия в жизни. Ему важно, насколько активно сознание героини, как оно реагирует на требования эпохи.

Все душевные состояния Ирины отличаются большой напряженностью. И это, как не раз отмечала критика, показательно для метода психологического анализа Димова. Героиня дается писателем в решающие, драматические моменты ее судьбы. Вспомним первую встречу с Борисом, перевернувшую ее представление о жизни, тяжелый разрыв с ним, одиночество, новую встречу с Борисом, уже ставшим миллионером, блеск «Никотианы», смерть отца, встречу с Павлом, вспыхнувший интерес к нему и в то же время горькое сознание того, что «нет ничего безнадежней... нового чувства, которое все сильнее разгоралось в ее сердце» (т. II, стр. 70).

Внутренний мир Ирины раздрается противоречиями, отражающими ее социальную двойственность. Она чувствует, что «ее эгоизм зашел слишком далеко, что она беззастенчиво распоряжается людьми и холодной жестокостью уже напоминает Бориса... На нее нахлынуло глубокое отвращение к самой себе и к миру, в котором она жила... Все окружающее стало вдруг грязным и противным. Ирину охватила тоска о прошлом, о тех чистых и свежих днях, когда она, бывало, в сумерки, после захода солнца помогала отцу убирать длинные низки табака, чтобы их не тронула ночная роса. И ей захотелось вернуть себе душевный покой прежних дней, захотелось смыть налипшую грязь» (т. II, стр. 21, 22).

Для Ирины, как и для многих других героев Димова, жизнь — это «лихорадочное напряжение», обжигающий огонь. Но как бы изнурительна ни была ее внутренняя борьба, сознание ее не может выйти из кризиса. Все вокруг для нее — «какая-то страшная бессмыслица, концы которой терялись во мгле, в хаосе, в тревожной неизвестности и за которой смутно маячил призрак гибели и всеобщего разрушения» (т. I, стр. 495). И происходит это потому, что Ирина не только отгородилась от борьбы за новое общество, она и свой внутренний мир старается закрыть для впечатлений большой жизни.

Разрушающемуся сознанию героини Димов противопоставляет бурлящую, полную драматических и героических событий жизнь страны. Становление характеров Шишко, Павла, Лилы — «непрерывно растущих людей» — тот прожектор, которым автор освещает тайники души Ирины.

Решение проблемы «ответной реакции» характера на требования времени ставит роман «Табак» в ряд с лучшими произведениями мировой литературы XX века — романами Горького, Шолохова, А. Толстого, Луи Арагона, дю Гара.

Трагедия Ирины, так же как трагедия Григория Мелехова («Тихий Дон» Шолохова) и Костадина Джупуны («Иван Кондарев» Станева), в том, что, неся в своем характере большие возможности, она не может прийти к новому миру. И причина этого — ее социальная слепота.

В одном из своих интервью крупный современный болгарский писатель Станев сказал: «...я склонен признать „Табак“ в качестве начала летоисчисления болгарского романа, достойного занять место в мировой литературе»¹².

Этим «началом», этим новым качеством в болгарской литературе является именно новый художественный взгляд Димова на человека. Поэтому не случайно новаторство Димова во многом определило пути развития современного болгарского романа, который ищет новых художественных решений в раскрытии человека.

¹² «Литературен фронт», 1966, 30 июня.

И. ШАБЛОВСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН В ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Годы второй мировой войны составили совершенно особый период в истории литературы — период славный и героический. В это необычайно тяжелое для всего человечества время лучшие силы всемирной литературы вступили в схватку с фашизмом и внесли неоценимый вклад в победу над ним. Объединенная общими целями, родственная в главном — неприязни фашизма, литература европейского Сопротивления в то же время имела свои специфические черты в каждой конкретной стране. Почетное место в ее рядах занимает чешская литература, представленная такими именами, как Ю. Фучик и В. Ванчура, С. К. Нейман и Ф. Галас, Й. Гора и В. Незвал.

Гуманистические и демократические традиции, лежавшие в основе прогрессивной чешской литературы, с новой силой проявились в антифашистском движении, которое ширится уже в начале 30-х годов, а в годы фашистской оккупации культура, наука и творчество, по словам Б. Вацлавека, стали «наиважнейшей формой жизни нации из тех, которые ей оставались и в которых народ мог себя выразить»¹.

Под давлением усиливающегося фашистского террора литература ищет новые формы и пути для легального выражения протеста. Официальному коллаборационизму в прессе, радио и других формах массового воздействия противостояло искусство и художественная литература. Следует сказать, что в чешской литературе периода второй мировой войны не было, за исключением одного-двух незаметных, произведений профашистских, поддерживающих нацизм.

Необычайно актуальной стала в то время борьба за национальное своеобразие чехов. Политика насильственной фашизации в протекторате имела целью оторвать чехов от славянского мира и объявить чешскую культуру немецкой разновидностью. В условиях, когда народу угрожала германизация, патриотическая тема приобрела политический смысл. Стихи и романы о Родине, ее трудолюбивом народе, самобытной культуре становятся подлинными актами борьбы с агрессией. Глубокий подтекст приобретают такие события, как перенесение останков К. Г. Махи из Литомержиц в Прагу (начало мая 1939 г.) или юбилей Божены Немцовой (1940 г.). Эюд Юлиуса Фучика, не случайно названный «Борющаяся Божена Немцова», сборники стихов Й. Горы «Родина», В. Незвала «В пяти минутах от города», С. К. Неймана «Бездонный год» являются яркой манифестацией патриотизма.

Разумеется тема Родины звучала и в произведениях 30-х годов. Но если тогда она была равноправной среди других тем, то в начале 40-х го-

¹ J. V. r̃ a b e c. Česká literatura v letech 1939—1945. «Česká literatura», 1966, № 2, s. 91.

дов ее особая значительность стала несомненной. Не имея возможности писать непосредственно о войне и защите отечества, т. е. решать сюжет так, как делал это, например, К. Новый в романе «По зову родных мест» (1938 г., в 1945 г. вышел под названием «Баллада о чешском солдате»), писатели первой половины 40-х годов тем не менее создавали патриотические произведения, в которых концентрировалось множество злободневных вопросов. Тема Родины приобретает значение обобщенного символа, с которым непременно ассоциируется Свобода.

Почти вся художественная литература рассматриваемого периода так или иначе касается патриотической темы. В прозе наиболее близко подходят к ней романы Я. Дрды «Городок на ладони» (1940), Э. Басса «Цирк Умберто» (1941) и «Люди из фургонов» (1942), книга «Бедная пряха» (1940) Я. Глазаровой. В каждом из них одна и та же тема преломляется по-разному в зависимости от творческой индивидуальности автора.

Наиболее мощное выражение получают патриотические чувства в исторической прозе. Национальная история чешского народа составила один из важнейших компонентов антифашистской борьбы. Нацистская пропаганда, как известно, самым наглым образом извращала факты славной истории чешского народа, явно подтасовывая их. Делая ставку на то, что народ без прошлого не может быть сознательным борцом, фашисты не гнушались ничем, чтобы лишить чехов тех героических традиций, которые могли бы стать лозунгом сплочения масс.

Очистить свою национальную историю от этих фальсификаций стало насущной задачей чешской культуры. К исторической теме обращаются критики, публицисты, поэты и прозаики. Статьи Фучика «Уроки XV столетия», «О традиции святого Вацлава» и многие другие, неоконченная книга Курта Конрада «Гуситская революция», исследования Вацлавека о народной словесности, «Картины из истории народа чешского» В. Ванчуры — все эти произведения поистине велики в своем главном стремлении укрепить дух народа и поднять его на борьбу с фашизмом.

Другой причиной широкого интереса чешских писателей к прошлому своего народа была настоятельная необходимость реабилитировать многие факты национальной истории, искаженные буржуазной историографией. Раскол в оценке исторического прошлого отчетливо выявился в чешской философии и культуре еще в 30-е годы, особенно в различных точках зрения на наиболее яркое событие национальной истории — гусизм, а также на наиболее трагическое — поражение у Белой Горы. Объявить гуситское движение хаотичным бунтом юнцов, а победу Габсбургов в 1620 г. началом расцвета, не упоминая, что Белая Гора знаменовала потерю независимости и столетия национального угнетения Чехии — это значило поставить историю с ног на голову. Но эта тенденция была весьма характерной для буржуазной историографии (И. Пекарж, Голинка, В. Томек, А. Резек и др.). Ошибочные позиции в этих вопросах привели некоторых историков к ориентации на «более высокую» немецкую культуру, от которой недалеко было до примирения с фашизмом.

Только диалектический подход к каждому конкретному событию прошлого, рассматривающий его во взаимосвязи и взаимообусловленности с другими, мог дать народу живительный родник правдиво написанной истории, где бы он черпал мужество и духовные силы. Историзм, коммунистическая убежденность, возрождение традиций Алоиса Ирасека определили большую эффективность исторической прозы в воздействии на читателя.

Для самосознания и самоутверждения народа не может быть событий отживших: все происшедшее с родиной имеет исключительно важное значение. Спокойная, стабильная эпоха создает условия для детального

всестороннего изучения истории. В период же борьбы с закабалением особый акцент получают события героического и славного прошлого. Это подтверждает история мировой литературы и такая ее страница, как советская литература периода Великой Отечественной войны, где в исторической прозе ведущее место занимает героизм русского народа, его борьба с завоевателями разных эпох и история революционного движения. Такие книги, как «Дмитрий Донской» С. Бородина, «Радищев» О. Форш, «Емельян Пугачев» В. Шишкова, «Порт-Артур» А. Степанова, акцентировали в прошлом то, чем жила современность: борьбу за независимость, стойкость русского народа.

Тесная связь истории и современности берется прогрессивными чешскими авторами за основу выбора темы исторических произведений: вспомним хотя бы «Картины из истории народа чешского» В. Ванчуры, «Рыцари и хищники» К. Нового, «Чтение о годе сорок восьмом» Э. Басса и многие другие исторические произведения.

В чешской исторической литературе рассматриваемого периода наряду с воссозданием отдельных событий прошлого наблюдается тенденция глобального охвата отечественной истории. Насущная потребность доказать, что нация, имеющая столь богатое и древнее прошлое, отстоит свою независимость, вполне оправдывает этот панорамный взгляд на историю.

Высшим достижением в области чешской исторической прозы являются монументальные «Картины из истории народа чешского» Владислава Ванчуры. «Картины» писались в самой гуще событий, лозунгом которых стал антифашизм. Это, естественно, определило их идейную направленность, пафос борьбы за свободу, против порабощения.

...Это было за три дня до мобилизации 1938 г. Ванчура пригласил к себе в редакцию издательства «Дружественни праце» писателей: Нового, Ольбрахта, Сейферта, Маржанка и молодых ученых-историков: В. Гусу, Я. Харвата и Яна Пахту. Предполагалось написать всем вместе нечто по аналогии с известными «Старыми повестями чешскими» Алоиса Ирасека. Фашистское нашествие и некоторые другие причины привели впоследствии к тому, что Ванчура, который сначала намеревался оставить за собой лишь общую редакцию, один взялся за воплощение этого грандиозного замысла.

Многим не верилось: не под силу поэту — говорили они — пускаться в рассуждения о временах давно минувших, когда вехами на пути то тут, то там будет какая-нибудь рукопись, предметы из раскопок, или, в лучшем случае, несколько строгих фактов. При этом ссылались на отца чешской историографии Палацкого, отдавшего фундаментальной «Истории народа чешского» более сорока лет.

Ванчура ставил перед собой иные задачи. Его привлекала историческая реальность не в хронологически-фактическом, а в событийно-психологическом измерении. Ему были близки сказания, хроники летописи, ибо именно они могли помочь в дерзновенной попытке (пожалуй, единичной в истории литературы) создать беллетризованную эпопею, собрав воедино прошлое многих столетий! Анализ человеческой сути, преломленной в веках, — одно из средств воссоздания прошлого в его противоречиях и сложностях.

Ванчура работал увлеченно и одержимо. Тяга к истории, ощущение родства с прошлым народа вселяли в него уверенность. Эти чувства не вызовешь в себе искусственно, даже если всю жизнь просидишь над фолиантами. Ванчура справедливо замечал, что историк чувствует и понимает Само (основателя первого государства на территории Чехословакии) совсем не потому, что он историк.

Все труднее становилось встречаться с консультантами и обсуждать написанное. Прячась от гестапо, выбирали многолюдные места. Не одну уже готовую главу Ванчура переделывал после замечаний историков. Неоконченной фразой обрывается рукопись третьего тома «Картин» (первый вышел в 1939, второй — в 1940 г.).

Течет увлекательное повествование о первых славянских поселениях, о возникновении городов, о зарождении чешской нации. Вопросы образования и бранные дела, междоусобные распри князей, борьба с завоевателями от монгольских племен до немецких рыцарей — все пережитое чешским народом волнует автора. Ванчура останавливается почти на всех событиях — веках истории чешского народа от возникновения Великоморавской державы до эпохи правления короля Вацлава II (конец XIII в.), когда наблюдалось бурное развитие городов, а народ уже резко делился на две части: меньшая правящая и «беспредельная, если говорить о численности... обязанностях и работе...», часть угнетенных².

Главный герой «Картин» — народ. Ремесленники, кузнецы, мастера, нищие, слуги, воины — большинство из этих героев вымышлены, в отличие от князей, императоров, имена которых хранит история ценою труда и жизни этих безымянных масс. Исторические личности: Сватоплук, купец Само, поколения Пршемыслов, летописец Козьма Пражский вместе с вымышленными создают удивительно достоверное психологическое и эмоциональное содержание эпох.

Вымысел Ванчуры реалистически убедителен, автор скорее угадывает характеры и перипетии, чем «придумывает» их. Ванчура чутко воспринимал жизнь народа. Поэтому данное им изображение воспроизводит действительность и тогда, когда ни один факт не передается в точности, как он был.

Глубокое знание прошлого своей страны дало возможность Ванчуре строить эпопею на строгой научной основе, следуя фактам и хронологии. Беллетризируя историю, он не позволял себе вольного обращения с ней. Этим «Картины» отличаются от «Сказаний» А. Ирасека, который по большей части пересказывал легенды.

Из многих представителей народа в романе автор особое место уделил кузнецу Петру. Это могучий человек, одаренная натура, творец и ненасытный искатель, чем-то напоминающий Яна Маргоуля. Трагична судьба Петра. Ставший жертвой козней жадной королевской повары, выслуживающегося любимыми средствами. Петр оказался лишенным любимого дела. Тоска по родным местам повзвала его в дорогу, разметала семью. Гибнет Петр и его добрая жена Нетка, вскормившая наследника королевского престола, а их сын Якубек умирает от голода, познав полную побоев и издевок жизнь бродячего скитальца.

Идея свободолюбия и мирной жизни постоянно присутствует в романе. Ванчура подчеркивает стремление народа к независимости, с презрением говорит о завоевателях всех времен. Так комментируется внезапная смерть Чингиз-Хана: «Его земли растянулись от Тихого океана до Днепра, его могила была узкой, как щель» (стр. 136).

В хронике Ванчуры много героев и каждому дана четкая лаконичная характеристика. Вот один из королей, Болеслав III: «Был это злой и жестокий человек. Прелестное лицо, красивая фигура, роскошные волосы и пламенный взгляд так не соответствовали душе его безобразной, трусливой и слабой. Кто знает, откуда в нем появился страх? Кто знает, как пробралась боязнь к краю его колыбели?» (стр. 179).

² V l. V a n č u r a. *Obrazy z dějin národa českého*, sv. II—III. Praha, 1956, s. 381. Последующие сноски в тексте даны по этому изданию.

Напротив, с большой теплотой пишет Ванчура о канонике Пражского кашитула, страстном разведывателе прошлого, летописце Козьме. Добродушный, любитель поест, он готов часами слушать истории бродяг и нищих. Идя от жизни, Ванчура создает многоплановых героев, часто кажущихся парадоксальными. Яркая система характеров — одно из условий совершенства этой поэтической хроники, которая читается удивительно легко и интересно. За образами прошлого стоят глубокие раздумья автора о человеке вообще, о его судьбе, об истинных ценностях и добродетелях, которые имеют непреходящее значение для всех времен. Взаимосвязь жизненных явлений, восприятие настоящего как частицы непрерывного процесса, как завершение прошлого и источник будущего творчества, лежит в основе ванчуровского подхода к истории.

Необычность замысла определила своеобразную композицию произведения, в котором история подается в картинах, где она разыгрывается в лицах и характерах. Здесь нет сквозного сюжета, какой стал привычным для исторических романов Г. Манна, Л. Фейхтвангера, А. Ирасека, трилогии О. Форш и т. д. Поэтическая хроника Ванчуры состоит из кратких (2—5—10 стр.) глав, каждая из которых несет четкую мысль и является художественно завершенной, рассказывается ли в ней о смерти Кирилла и возвращении Мефодия на Мораву, или же о разных судьбах рожденных в один день королевича Вацлава и сына кузнеца. Есть в хронике несколько глав, приближающихся то к новелле, то к романтической форме: «Реставратор», «Козьма», «Бунт юношей», «Лихолетья», «Рыцарь» и др. Хроника вводит нас в прошлое через показ конкретных эпизодов, героев, сцен. Однако они не распадаются на разрозненные элементы. «Картины из истории народа чешского» — большое реалистическое произведение, представляющее специфическую форму отражения объективной действительности.

Оставшиеся наброски третьего тома, а также высказывания историка Ярослава Харвата³, одного из консультантов «Картин», говорят о намерении автора показать рост классового сознания народа. К сожалению, Ванчура не завершил свой труд, но его концепция народных масс как основной движущей силы истории ярко воплощена и в тех двух томах, которые писатель успел закончить.

Нетрадиционность Ванчуры, его стремление к новизне и эксперименту в сочетании с широчайшей одаренностью природы создают почти классический пример совершенства в литературе, где удивительно точно соблюдено соответствие идей и мыслей способу их выражения. «Картины из истории народа чешского» синтезируют все прежние художественные открытия Ванчуры, являясь в то же время новым достижением чешской литературы XX в.

Отдает дань исторической теме и Карел Новый (р. 1890), автор многих рассказов, романов, фельетонов и сценариев, близкий друг Владислава Ванчуры. К. Новый относится к тем писателям, которые продолжают работать над произведением и после того, как оно выходит в свет. Имеет вторую редакцию и роман «Рыцари и хищники», вышедший в 1940 г.; переработанное издание 1949 г. получает название «Железо железом оттачивается». В манере лучших чешских повествователей рассказывает Новый историю города Бухова, рассказывает о временах правления Вацлава IV, о первых гуситских отрядах. На фоне пестрой фрески о жизни мелких собственников и крестьян из южных чешских областей в романе «Рыцари и хищники» на образе главного героя Збынека показывается тот сложный путь, которым шли в революционный лагерь гуситы от сти-

³ См. J. Ch a r v á t. Statečný až do konce. «Kultura», 1962, № 22.

хийного протеста против общества до осознанной необходимости классовой борьбы. Видя истоки гуситского движения в пороках загнивающего феодализма, Новый продолжал традиции ирасековского исторического романа.

Прогрессивную роль играли и произведения тех представителей буржуазно-либерального лагеря, которые смогли преодолеть классовую ограниченность и объективно подойти к историческому процессу. Недостатки в трактовке прошлого, проистекающие из ошибочного мировоззрения, не могут зачеркнуть прогрессивного значения их произведений. Огромный фактический материал содержит книга известного журналиста и автора романов «Цирк Умберто», «Люди из фургонов» Э. Басса — «Чтение о годе сорок восьмом»⁴. Басс обращается к событиям революционного 1848 года в Чехии, но книга осталась незавершенной. Автор успел только дать колоритную характеристику эпохи, предшествовавшей 1848 году (Июльская революция 1830 года, Франция Людовика Филиппа), непосредственно подойдя к пражскому восстанию.

Как и многие другие западноевропейские крупные писатели (К. Чапек, Г. Манн), Басс не сумел провести точную грань между собственными действительно демократическими стремлениями и компромиссным либерализмом своего класса. Идеалистическая концепция мешала ему увидеть социально-экономические общественные предпосылки чешских революционных событий 1848 г. и особенно сказала на тех страницах «Чтения о годе сорок восьмом», где речь идет о первых классовых боях, о зарождении социалистических учений, о деятельности Маркса и Энгельса.

Сравнение двух произведений Ванчуры и Басса может иллюстрировать различный подход к историческому прошлому в чешской литературе периода второй мировой войны и разное воплощение этой темы, зависящее в значительной степени от мировоззрения авторов.

Совсем иное дело — реакционное, буржуазное толкование истории. Уход от современности, которую буржуазные писатели не были в силах объяснить, увлечение историческим колоритом превращали эти произведения о прошлом в костюмированные представления прошлого, анемичные и бесполезные. Это и привело буржуазный исторический роман периода фашистской диктатуры в Европе к кризису. Он дискредитировал себя полной растерянностью перед приходом Гитлера к власти и второй мировой войной. В чешской литературе это проявилось в исторических романах католических авторов, ярким примером которых может быть реакционный роман «Масленица»⁵ одного из ведущих представителей клана католицизма Дюриха, питавшего пристрастие к самым темным событиям истории.

Чешская прогрессивная литература вела борьбу за историзм, за научное понимание прошлого. Не имея возможности остановиться в данной статье на других исторических произведениях, мы только назовем наиболее значительные из них. Известный писатель Фр. Кубка (1894—1969) издает сборники исторических рассказов «Скифский наездник» (1941), «Пражский ноктюрн» (1943), «Карлштейнские вигилии» (1944). В эти годы он также работает над романом «Смех Палечка», первые главы которого были включены в сборник «Пражский ноктюрн», весь роман с продолжающей его второй частью «Слезы Палечка» издан на русском языке в Библиотеке исторического романа (М., 1963).

⁴ Печаталась в «Лидовых новинах» в 1938 г.; отдельным изданием, переработанным и расширенным по сравнению с газетным вариантом, выходит в 1940 г.

⁵ Вышел в 1938 г. в «Дешевой библиотечке» издательства «Мелантрих». О нем писал Ю. Фучик. См. J. F u č í k. Státi o literatuře. Praha, 1951, s. 279—281.

На историческом материале решает проблему взаимоотношения личности и общества в романической трилогии «Легенда потерянного века» («Искатели золота», 1938; «Медвежья шкура», 1939; «Боги покидают землю», 1939) Честмир Ержабек (р. 1893).

Исторические романы пишут М. В. Кратохвил (р. 1904), К. Шульц (1899—1943) и другие.

В годы второй мировой войны фашисты предприняли прямые агрессивные действия, сопровождающиеся возрастанием фальсификаторской пропаганды. В этих условиях чешский патриотизм приобретает особо актуальное, антифашистское значение, а исторический роман, в котором появляются новые качества, становится боевым жанром чешской литературы. Он занимает почетное место и в прогрессивной европейской литературе.

О. С. ПЛОТНИКОВА

ОБ ИМПЕРФЕКТИВАЦИИ В СЛОВЕНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Изучение глагольных категорий на материале словенского языка представляет особый интерес. С одной стороны, словенский язык отличается известной архаичностью: многие явления, утраченные другими славянскими языками, сохраняются либо в отдельных диалектах, либо в литературном языке. (Ср., например, сохранение категории двойственного числа и супина.) С другой стороны, некоторые общие для всех славянских языков тенденции развития претерпели в словенском языке значительные изменения, что объясняется известной оторванностью, изолированностью словенского языка от славянского языкового мира, а также в некоторой мере иноязычным влиянием.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы словенского глагольного вида, в частности вопросы, связанные с основным способом образования видовых пар — имперфективацией.

Материалом для исследования послужили экскерпции из различных лексикографических картотек¹, данные крупнейшего лексикографического труда по словенскому языку — словенско-немецкого словаря М. Плетершника (M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, I—II, Ljubljana, 1894—1895), данные орфографического словаря современного словенского литературного языка («Slovenski pravopis», Ljubljana, 1962) и другие лексикографические издания, а также собственные наблюдения над разговорным языком Любляны, языком прессы и телевидения.

Под имперфективацией обычно понимается образование основ несовершенного вида от основ совершенного вида с помощью особых суффиксов. Суффиксация часто сопровождается различными фонетическими модификациями видообразующей основы (изменение фонетического состава корня, перемещение ударения), например, *pregraditi* — *pregrájati*, *oprostiti* — *opróšcati*, *osvoboditi* — *osvobájati*, *premisлити* — *premišljeváti*, *razvoziti* — *razvázati*. В этих случаях имперфективация представляет собой целый комплекс преобразований исходной основы. При наиболее сложном типе имперфективации представлены все три компонента: суффиксация, чередования, перемещение ударения, например, *ugasiti* — *ugášati*, *prilagoditi* — *prilagájati*, *razdrobiti* — *razdrábljati*, *razvoziti* — *razvázati*. При про-

¹ Экскерпции произведены во время научной командировки в Люблянду в 1968 г. Использованы следующие картотеки:

1) обширная картотека готовящегося к печати Словаря современного словенского литературного языка (Институт словенского языка САН), материал которой составляют выборки из художественной, научной и публицистической литературы с конца XIX в. до новейшего периода;

2) картотека обратного словаря словенского литературного языка, составленного Б. Погорелец (философский факультет Люблянского университета);

3) рукописная картотека по истории глагольных форм акад. Ф. Безлая.

стом типе достаточно суффиксации, например: *zastaréti*—*zastarévati*, *pretrpéti*—*pretrpévati*, *oslabéti*—*oslabévati*.

Ниже анализируются отдельные компоненты имперфективации.

Суффиксация. При описании суффиксации решается вопрос о производящей основе, т. е. о выделении того звукового комплекса, к которому присоединяются суффиксы имперфективации, и устанавливается набор этих суффиксов. Данный вопрос особенно важен, ибо от того, как определяется производящая основа, зависит состав отдельных суффиксов имперфективации, а в конечном результате и сам набор, инвентарь этих «морфем вида». Некоторые исследователи включают словообразовательные суффиксы исходной глагольной основы в состав суффикса имперфективации², расширяя тем самым набор суффиксов, используемых для имперфективации (ср., например, выделение суффикса *-eva-* в глаголах *zabolevati*, *ovladevati*). Выделение суффикса *-ava-* в словенских глаголах с основой на *-a-* (*dokončá-*: *dokončáva-*) привело автора очень интересной монографии по словенскому глаголу Р. Ленчека к ошибочному, на наш взгляд, выводу о преимущественной продуктивности суффикса *-ava-*³.

Как известно, в глагольном формообразовании участвуют два типа основ — инфинитивная и презентная. При видообразовании используется только инфинитивная основа — полная (*odkri-ti* → *odkri-va-ti*, *ozelené-ti* → *ozelené-va-ti*) или усеченная (*obvláda-ti* → *obvlad-ová-ti*, *zaukázá-ti* → *zaukaz-ová-ti*), т. е. основа без классового показателя. В дальнейшем мы будем говорить об этих двух типах видообразующей основы, используя условные обозначения П (полная) и У (усеченная).

В современном словенском литературном языке в процессе имперфективации участвуют следующие суффиксы: *-a-*, *-ja-*, *-va-*, *-ová(-evá-)*, *-áva-*, *-éva-*. Суффикс *-ová-* в позиции после *lj*, *nj*, *rj*, *j*, *č*, *ž*, *š*, *s* представлен вариантом *-evá-*. Позиционному варианту суффикса *-ová-/-evá-* омонимичен самостоятельный суффикс *-éva-*, встречающийся в современном литературном языке⁴ чрезвычайно редко и только в положении после твердых согласных с ударением на первом гласном элементе суффикса (*lotévati*, *medlévati*, *kaznévati*). С суффиксом *-áva-* имеется несколько примеров. Этот суффикс наряду с другими, более распространенными суффиксами *-a-*, *-ová-* (*-evá-*), используется для имперфективации ограниченного числа нетематических глаголов с основой на согласный (*izgrísti*: *izgrizávati* и *izgrizováti*, *izpodjésti*: *izpodjédati* и *izpodjedávati*, *podséči*: *podsekáti* и *podsekávati*), некоторых глаголов с основой на *-ni-* (*podsméhnniti se*: *podsmehávati se* и *podsmehováti se*). Вне конкуренции с другими суффиксами *-áva-* используется для имперфективации лишь очень немногих перфективов с инфинитивной основой на *-i-* и *-ni-* (*odobriti*: *odobrávati*, *pokoríti*: *pokorávati*, *razbégniti se*: *razbegávati se*). Принимая во внимание, что образования с суффиксами *-éva-*, *-áva-* встречаются редко, мы считаем возможным исключить их из дальнейшего рассмотрения. Остальные суф-

² Такой точки зрения придерживаются А. В. Исаченко («Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким», ч. II. Братислава, 1960). и Т. Н. Молошная («О морфологических средствах глагольной имперфективации в русском языке в сопоставлении с болгарским». «Структурная типология языков». М., 1966, стр. 144—145). Критика подобного решения вопроса представлена у Г. К. Венедиктова («О морфологических средствах имперфективации в русском языке». «Вопросы языкознания», 1962, № 2).

³ R. Lenček. The Verb Pattern of Contemporary Standard Slovene. Wiesbaden, 1966, p. 76—77, 83—84.

⁴ Суффикс *-eva-* очень распространен в некоторых говорах, например, в отраванских. Любопытно, что в говоре Нотраньской Быстрицы он используется для образования многократных глаголов, неизвестных литературному языку (*bráti*—*berévati*, *dělati*—*dělévati*, *glódati*—*glodévati*, *kópati*—*kopévati*, *vábíti*—*vabévati*). См. F. Erjavec. Iz potne torbe. «Letopis Matice Slovenske», Ljubljana, 1883, s. 274—275.

фиксы имперфективации по морфологическим классам глаголов⁵ распределяются следующим образом.

Внутри I класса имперфективация может осуществляться с помощью суффиксов *-ja-*, *-va-* при основе на гласный и *-a-* при основе на согласный. Глаголы II (*-ni-*) класса имперфективируются с помощью суффикса *-ová-* (*-evá-*). Внутри III (*-e-*) класса возможен лишь один тип имперфективации — с помощью суффикса *-va-*. В пределах IV класса (*-i-*) используются суффиксы *-a-* и *-ová-* (*-evá-*). При имперфективации глагола V класса (*-a-*) используются суффиксы *-va-*, *-ová-* (*-evá-*).

Суффикс *-ja-* непродуктивен. Он употребляется при имперфективации перфективов лишь от очень ограниченного числа корней (все корни указаны в табл. 3). Таким образом, в качестве активных мор-

Таблица 1

Суффикс	Класс глагола	Тип основы
<i>-a-</i>	I согл. IV (<i>-i-</i>)	II гл., согл. У согл.
<i>-va-</i>	I гл. III (<i>-e-</i>) V (<i>-a-</i>)	II гл.
<i>-ova-</i> (<i>-eva-</i>)	II (<i>-ni-</i>) IV (<i>-i-</i>) V (<i>-a-</i>)	У согл.

фем вида мы можем рассматривать суффиксы *-a-*, *-va-*, *-ova-* (*-eva-*). Сферы распределения этих суффиксов по классам глаголов и типам основ можно представить таблицей (табл. 1).

Диахронически распределение отдельных суффиксов имперфективации по сферам использования мы представляем себе следующим образом.

Суффикс *-va-* использовался при образовании имперфективов от основ на гласный, суффикс *-a-* присоединялся к основам на согласный и к первоначально полной, неусеченной основе на *-i-*. В последних основах при

присоединении суффикса происходили соответствующие фонетические изменения (переход *i* в *j* в позиции перед гласным и последующее йотирование предшествующего согласного). Модель закреплялась. В дальнейшем же утверждалась следующая модель: присоединение суффикса к усеченной основе на согласный + обязательные чередования в консонантизме. Для словообразовательного суффикса *-ová-* (*-evá-*) открывалась возможность проникнуть прежде всего именно в сферу использования суффикса *-a-*. Этому способствовала близость моделей словообразования. Суффикс *-ová-* (*-evá-*), как и другие глагольные словообразовательные суффиксы (*-lja-*, *-ka-* и др.), присоединялся непосредственно к корню, т. е. к усеченной инфинитивной основе. Чередования согласных, характерные для имперфективации с суффиксом *-a-* по аналогии перешли и в формы, образуемые с суффиксом *-ová-* (*-evá-*). В ряде случаев наблюдалось нарушение этого правила и чередования отсутствовали⁶ (*nadoméstiti* : *nadoměščati*, *nadomestováti*; *zadóstiti* : *zadósčati*, *zadostováti*). Интересен сам факт проникновения в систему средств имперфективации в словен-

⁵ В работе принята классификация глаголов по инфинитивным основам, данная в грамматике А. Байца, Р. Коларича, М. Рупела (А. Вајес, Р. Колариč, М. Рупел. Slovenska slovnica. Ljubljana, 1964). I класс — нетематические глаголы; II класс — глаголы с суффиксом *-ni-* (суффикс *-ni-* < **-no-* получил настоящую огласовку под влиянием основ IV класса на *-i-*); III класс — глаголы с суффиксом *-e-*; IV класс — глаголы с суффиксом *-i-*; V класс — глаголы с суффиксом *-a-*; VI класс — глаголы с суффиксом *-ová-* (*-evá-*).

⁶ См. дискуссию о правомерности форм без чередований у Л. Пинтара (L. Pintar. Jezik v Ravnikarjevih 'Zgodbah', 'Ljubljanski zvon', X, 1890, s. 236—237) и у Я. Скета (J. S. k e t. Odgovor na Lendovšekove opazke. Ibid., s. 242).

ском языке словообразовательного суффикса *-ová-*. Это явление характеризует систему средств имперфективации западнославянских языков, где суффикс *-oga-* — активная морфема вида. Неизвестно это явление восточнославянским языкам, не отмечается оно в болгарском и современном сербско-хорватском языке. Любопытно, что в древнехорватском языке до конца XVII в. для имперфективации глаголов IV (-и-) класса преимущественно использовался суффикс *-ова-* (*-ева-*)⁷ (*пробуђевати*², *освађевати*, *обадјевати*, *навјештевати*, *угашевати*, *извршевати*, *окончевати* и др.). В XVII—XVIII вв. формы с суффиксом *-ова-* (*-ева-*) исчезают, продуктивными становятся суффиксы *-ива-*, *-ава-*, присоединяемые к неполной инфинитивной основе.

Ч е р е д о в а н и я. Мена гласных и согласных фонем в корневых морфемах выступает в роли дополнительного признака имперфективации, сопутствующего суффиксации, и наблюдается только при суффиксах *-а-*, *-ová-* (*-evá-*). Возможны три типа чередований: чередования гласных, чередования согласных и так называемые комбинированные чередования гласных и согласных в пределах одной морфемы.

1. *Чередования гласных.* Этот вид чередований отличается ограниченной сферой действия. Чистые чередования гласных сопровождают в основном имперфективацию непродуктивных глаголов I класса с основой на гласный, некоторых глаголов IV (-и-) и II (-ни-) классов. В нашей коллекции представлены примеры со следующими чередованиями.

o — á: *vzgojíti — vzgájati*, *napojíti — napájati*, *razdvojíti — razdvájati*, *izpodkopáti — izpodkápati*;

a — í: *usahníti — usíhati*, *umakníti — umíkati*;

ø — í: *umréti — umírati*, *požréti — požírati*, *izvréti — izvírati*, *odpréti — odpírati*, *podréti — podírati*, *izpráti — izpírati*, *podžgati — podžígati*, *razpostréti — razpostírati*.

2. *Чередования согласных.* Чередования согласных являются особенностью видообразования в пределах IV класса. Возможны следующие чередования согласных и сочетаний согласных:

b — blj: *zgubíti — zgúbljati*, *zarúbiti — zarubljeváti*;

p — plj: *nalepíti — nalépljati*, *začepíti — začepļjeváti*;

m — mlj: *odprémíti — odprémljati*;

l — lj: *razsolíti — razsoljeváti*, *obstrelíti — obstreljeváti*, *obkolíti — obkojeváti*;

v — vlj: *obgláviti — obglávljati*, *zapráviti — zaprávljati*, *objáviti — objávljati*, *zadáviti — zádávljati*, *zapoštáviti — zapoštávljati*;

sl — šlj: *zamísliti — zamíšljati*;

n — nj: *zapozníti — zapoznjeváti*, *strézniti — streznjeváti*, *ocaríniti — ocarinjeváti*, *zapleníti — zaplenjeváti*;

sn — šnj: *zakasníti — zakašnjeváti*;

t — č : *ukrátíti — ukračeváti*, *domlatíti — domlačeváti*;

st — šč: *pogostíti — pogoščeváti*, *razmestíti — razměščati*, *zapustíti — zapúščati*;

s — š: *zglasíti — zglášati*, *zatrosíti — zatróšati*, *razobésiti — razoběšati*;

z — ž: *izobráziti — izobraževáti*;

s — z: *izpodgrísti — izpodgrizováti*, *izpodlésti — izpodlězati*;

s — ø: *izdólbsti — izdolbováti*;

g — ø: *podvréči — podvrgováti*.

3. Комбинированные чередования

⁷ По данным Д. Даничича (см. Б. Д а н и ч и ч. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII в. Београд, 1874, стр. 254) и словаря RJA («Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1880—1967).

Этот вид чередований используется для имперфективации глаголов I и IV (-i-) классов:

ê — á и *s — š*: *preněsti — prenášati*;

ê — ê⁸ и *č — k*: *zapěči — zapékati*⁹

s — t: *razgněsti — razgnětati, naplěsti — naplétati*;

e — í и *n — nj*: *izpremeníti — izpremínjati*;

\emptyset — *nj*: *preklěti — preklínjati*;

[*a*¹⁰] — *i* и *s — t*: *odcvěsti — odcvítati*;

o — a и *b — blj*: *poglobíti — poglábljati*;

p — plj: *razkropíti — razkrápljati*;

m — mlj: *prelomíti — prelámljati*;

v — vlj: *podnaslówiti — podnaslávljati*;

d — j: *pogodíti — pogájati*;

r — rj: *izgovoríti — izgovárjati*;

s — š: *zanosíti — zanášati*;

z — ž: *navozíti — navážati*;

ž — g: *podložíti — podlágati* и другие указанные выше чередования

согласных.

Каждый из трех возможных компонентов имперфективации может быть рассмотрен в двух планах — как средство образования форм несовершенного вида и как средство формального противопоставления видовых коррелятов. Например, анализируя процесс образования инфинитивной основы несовершенного вида *zastareva-* от основы совершенного вида *zastaré-*, мы говорим о суффиксе *-va-* как средстве образования видового коррелята несовершенного вида. Наличие же этого *-va-* в любой глагольной словоформе (включая и образования от презентной основы), встречающейся в речевом потоке или тексте, расценивается как формальный признак несовершенного вида, как средство маркирования несовершенного вида.

Мена фонем, как и любой другой компонент имперфективации, может выполнять функцию разграничения видовых коррелятов. Как правило, чередования являются дополнительным формальным средством видового противопоставления во всей парадигме (ср. парадигмы видовых коррелятов в табл. 2).

Таблица 2

Основы	Вид	
	совершенный	несовершенный
Инфинитивная	<i>zakasníti, razžrěti</i> <i>sem } zakásnil, razžřl</i> <i>bom }</i>	<i>zakašnjeváti, razžirati</i> <i>sem } zakašnjevál, razžíral</i> <i>bom }</i>
Презентная	<i>zakasním, zakasniš</i> <i>razžrém, razžrěš</i>	<i>zakašnjujem, zakašnjuješ</i> <i>razžíram, razžíraš</i>

Однако встречаются случаи, когда чередования характеризуют лишь отдельные ряды форм. Ср. видовые корреляты *razvezáti, razvéžem* : *raz-*

⁸ Здесь наблюдается мена: открытый — закрытый гласный.

⁹ При имперфективации глаголов, оканчивающихся на *-či* и *-sti*, чередования согласных наблюдаются только в формах инфинитива, так как *č* и *s* отсутствуют в других формах, в том числе и в образованиях от инфинитивной основы (ср. противопоставление видовых коррелятов в формах перфекта: *razgnětel sem* и *ragnětal sem*).

¹⁰ [*a*] — сверхкраткий гласный среднего подъема, графически обозначаемый обычно как *e*, в ряде случаев как *a*.

vezováti, razvezújem, где *z* и *ž* чередуются только в презенте. У видовых коррелятов *razvnéti*: *razvnémati* наблюдается несовпадение в консонантном составе корня в образованиях от инфинитивной основы (чередование \emptyset — *m*); в презентных же основах чередуются гласные *á*: *é* (*razvnámem* — *razvnémam*). В тех случаях, когда чередования проходят через всю парадигму, возможно несовпадение рядов чередующихся вокалов или консонантов. Например, в инфинитивных основах чередуются \emptyset : *i* (*razstláti* — *razstíljati*), в презентных же основах чередуются *é*: *í* (*razstéljem* — *razstíljam*).

У д а р е н и е. Ударение, как и чередования, не может быть использовано в качестве самостоятельного средства имперфективации. Перенос ударения обычно является следствием суффиксации, причем место ударения определяется тем, какой суффикс имперфективации использован¹¹. Суффиксы *-a-*, *-ja-*, *-va-* требуют ударения на предшествующем слоге (*izpúšcati, izkrivljati, navijati, izmotávati, izračunávati, izpuhávati*). Суффикс *-ová-* (*-evá-*) — в презенте соответственно *-uje-* — независимо от функции, в которой он выступает (формообразующей или словообразовательной), как правило, несет ударение на себе, причем ударным оказывается второй гласный элемент¹². Поэтому присоединение этого суффикса вызывает перетяжку ударения (например, *vbrízgati* — *vbrizgováti, približati* — *približeváti, znižati* — *zniževáti, napihati* — *napihováti, odnéhati* — *odnehováti, pričákati* — *pričakováti, zmánjkati* — *zmanjkováti*).

Встречаются глаголы, имперфективация которых, на первый взгляд, проведена посредством переноса ударения, однако при анализе обнаруживается, что и здесь в основе имперфективации лежит присоединение особого суффикса. Ср. *razmetáti, razméčem* (сов.): *razmétati, razmétam* (несов.). Презентная основа вторичных имперфективов, образованных с помощью суффикса *-a-*, всегда оканчивается на *-a-* (*napájam, oprávljam*), в то время как презентная основа глаголов на *-a-*, где это *-a-* выполняет только функцию классового показателя, может оканчиваться на *-e-* (*žgáti* — *žgèem, mázati* — *mážem, dremáti* — *drémljem, škripáti* — *škripljem, oráti* — *órijem*). В нашем случае это и является доказательством того, что определяющим моментом в имперфективации глагола *razmetáti* было присоединение суффикса имперфективации *-a-*, перемещение же ударения — лишь следствие суффиксации.

При формальном описании имперфективации важно установить основные типы видообразовательных моделей и выяснить их продуктивность. При определении видообразовательной модели необходим учет всех трех моментов имперфективации, причем целесообразно принять во внимание все возможные особенности каждого компонента. Поскольку определяющим элементом видообразовательной модели является суффикс, ниже мы распределяем материал по суффиксам имперфективации. В предлагаемых таблицах каждая из граф соответствует отдельным элементам видообразовательной модели: тип основы (полная — П или усеченная — У), вид чередования (принятые сокращения *гл.*, *согл.*, *комб.* обозначают чередования гласных, согласных и комбинированные чередования, знак *н* обозначает несовпадение чередований в образованиях от инфинитивной

¹¹ Об изменении места ударения при имперфективации см.: R. L e n č e k. Ibid., p. 72.

¹² Первоначально и в этих глаголах ударение было на основе, затем в многосложных глаголах возникало дополнительное ударение на суффиксе, которое становилось со временем основным (*svétováti, svétujem*). Эта тенденция охватила подавляющее большинство глаголов VI класса. Лишь в очень малочисленной группе глаголов сохраняется ударение на основе (*dédovati, molédovati, vérovati, pomižikovati, zapléčevati, osebénjkovati*). А. В а j e c, Р. К о l a r i č, М. Р u p e l. Указ. соч., стр. 231—232.

Таблица 3

Имперфективизация посредством суффикса *-ja-* (44) *

Класс	Тип основы	Перенос ударения	Чередования	Пример	Количество
I гл.	II (гл.)	—	—	<i>-stá-</i> : <i>-stája-</i> , <i>-bí-</i> : <i>-bíja-</i> , <i>-ví-</i> : <i>-víja-</i> .	44

* В скобках и в последней графе таблиц указано общее количество производных (приставочных и бесприставочных) глаголов несовершенного вида, образованных с одним и тем же суффиксом, исключая варианты образования.

Таблица 4

Имперфективизация посредством суффикса *-va-* (327)

Класс	Тип основы	Перенос ударения	Чередование	Пример	Количество
I гл.	II (гл.)	—	—	<i>·ší-</i> : <i>·šíva-</i> , <i>-mlé-</i> : <i>mléva-</i> , <i>-rí-</i> : <i>ríva-</i> , <i>-vré-</i> : <i>-vréva-</i> ,	124
III (-e-)	II (гл.)	—	—	<i>-grmé-</i> : <i>-grméva-</i> , <i>-strmé-</i> : <i>-strméva-</i> , <i>-srdé-</i> : <i>-srdéva-</i>	91
V (-a-)	II (гл.)	—	—	<i>-meňčá-</i> : <i>-meňčáva-</i> , <i>-metá-</i> : <i>-metáva-</i> , <i>-sesá-</i> : <i>-sesáva-</i>	52
		+	—	<i>-lísta-</i> : <i>-lístáva-</i> , <i>-púha-</i> : <i>-púháva-</i> , <i>-klénka-</i> : <i>-klenkáva-</i>	60

и презентной основ; отсутствие чередования обозначается прочерком), перенос ударения (+, —).

На основе анализа материала можно заключить, что дополнительные признаки имперфективизации распределяются следующим образом.

Чередования. При имперфективизации с помощью суффиксов *-va-*, *-ja-* чередования отсутствуют. При использовании суффикса *-a-* возможны все три типа чередований (согл., комб., гл.). При суффиксе *-ova-* (*-eva-*) отмечается только мена согласных.

Перенос ударения чаще всего наблюдается при имперфективизации с помощью суффикса *-ová-* (*-evá-*). При использовании суффикса *-a-* изменение места ударения наблюдается только у глаголов IV (*-i-*) класса. При имперфективизации посредством суффикса *-va-* перенос ударения возможен у глаголов V (*-a-*) класса.

Таким образом, наиболее простым является тип имперфективизации с помощью суффикса *-va-*. Наиболее сложный тип — имперфективизация с помощью суффикса *-a-*, где налицо все три компонента имперфективизации, в том числе и самый сложный тип чередований — комбинированный. Промежуточным по сложности следует считать тип имперфективизации с помощью суффиксов *-ová-* (*-evá-*).

Таблица 5

Имперфективация посредством суффикса -а- (46А)

Класс	Тип основы	Перенос ударения	Чередования	Примеры	Количество
I согл.	II (согл.)	—	комб. ^н	-pěč- : -pěka-, -môč- : -môr : -mága-, -gněs-, -gněl- : -gněta-	50
I согл.	II (гл.)	—	согл. ^н	-cvěs-, -cvet- : cvěta-, -jēs-, -jéd- : -jěda-, -rás-, rást- : rášča-	63
I гл.	У (согл.)	—	согл. ^н	-vzě-, -vzám- : -vzěma-	7
			гл. ^н	-dr/ě-, děr- : -dīra-, -br/á-, -bēr- : bīra-	13
IV (-i-)	У (согл.)	—	гл.	-dvoj/i- : -dvāja-, -poj/i- : -pāja-, -goj/i- : -gāja-	10
	У (согл.)	+	комб.	-lom/i- : -lámlij-, -klóp/i- : -kláppja-, -god/i- : -gāja-, -voz/i- : -váža-	93
	У (согл.)	+	согл.	-kriv/i- : -krívlja-, -mud/i- : -múja-, -bud/i- : -búja-	98
	У (согл.)	—	согл.	-kvár/i- : -kvárja-, -vēs/i- : -vēša-, -núd/i- : -núja-, -ráb/i- : -ráblja-	130

Вышеизложенные факты позволяют нам выделить следующие основные модели имперфективации:

А. Простые:

1 модель: II гл. + -va- без изменений звукового состава корня и места ударения (*zazoré- : zazoré-va-, prešepetá- : prešepetá-va-*);

2 модель: У согл. + -ova- (-eva-) без изменений звукового состава корня с возможным переносом ударения (*románjša- : romanjš-evá-, odtuji- : -odtuj-evá-*).

В. Сложные:

1 модель: У, II согл. + -а- + гл., согл., комб. чередования с обязательным переносом ударения у глаголов IV класса (*zagotóvi- : zagotávlj-a, oporéči- : oporék-a-*).

2 модель: У согл. + -ova- (-eva-) + чередования согл., у глаголов IV класса, наблюдается перенос ударения (*omili- : omilj-evá-, podkrepi- : podkreplj-evá-*).

Наиболее богаты структурные связи моделей А1 — классы I гл., III (-e-), V (-a-) и А2 — классы II (-ni-), IV (-i-), V (-a-). Эти модели исполь-

Таблица 6

Имперфективация посредством суффикса *-ova-* (*-eva-*) (413)

Класс	Тип основы	Перенос ударения	Чередования	Пример	Количество
II (-ni-)	У (согл.)	+	—	<i>-jék/ni-</i> : <i>-jeková-</i> , <i>-púhni-</i> : <i>-puhová-</i> , <i>-tíhni-</i> : <i>-tihová-</i> , <i>-níkni-</i> : <i>-niková-</i>	16
IV (-i-)	У (согл.)	+	согл.	<i>-kráti-</i> : <i>-kračevá-</i> , <i>-trézni-</i> : <i>-treznjevá-</i> , <i>-obrázi-</i> : <i>-obraževá-</i>	41
	У (согл.)	—	согл.	<i>-zlati-</i> : <i>-zlačevá-</i> , <i>-milosti-</i> : <i>-miloševá-</i> , <i>-deli-</i> : <i>-deljevá-</i>	63
	У (согл.)	—	—	<i>-suši-</i> : <i>-suševá-</i> , <i>-blaži-</i> : <i>-blaževá-</i> , <i>-gluši-</i> : <i>-gluševá-</i> ,	59
	У (согл.)	+	—	<i>-mrěži-</i> : <i>-mreževá-</i> , <i>-pospěši-</i> : <i>-pospeševá-</i> , <i>-enáči-</i> : <i>-enačevá-</i>	65
V (-a-)	У (согл.)	+	—	<i>-něha-</i> : <i>-nehová-</i> , <i>-hújsa-</i> : <i>-hujševá-</i> , <i>-krájša-</i> : <i>-krajševá-</i> , <i>-mánjša-</i> : <i>-manjševá-</i> , <i>-kášlja-</i> : <i>-kašljevá-</i>	135
	У (согл.)	—	—	<i>-kričá-</i> : <i>-kričevá-</i> , <i>-čáká-</i> : <i>-čaková-</i> , <i>-joká-</i> : <i>-joková-</i> , <i>-žveká-</i> : <i>-žveková-</i>	34

зуются для имперфективации новообразований в словенском языке. Отличают их и высокие частотные показатели. Все это позволяет говорить о продуктивности этих моделей.

Словенский литературный язык характеризуется нечеткостью норм, что в известной мере объясняется проникновением в литературный язык (особенно в его разговорную разновидность) некоторых диалектных элементов. При этом нельзя не принять во внимание и необычайную диалектную раздробленность словенского языка. Следствием этого является возникновение и сосуществование в языке множества дублетных образований. При объяснении появления вариантных имперфективных форм мы учитываем этот очень важный фактор, но не считаем его определяющим. Причины возникновения вариантных имперфективных форм следует искать прежде всего во внутренних структурных отношениях. Перекрещивание сфер использования суффиксов имперфективации, более того, совпадение структурных связей наиболее продуктивных моделей имперфективации, а также известная тенденция к унификации, к упрощению механизма видообразования приводят к появлению вариантных образо-

ваний и к их последующей конкуренции. Наибольшее количество вариантов имперфективных форм (111 пар) образовано по продуктивным моделям A1 и A2 с суффиксами *-va-* и *-ová-* (*-evá-*), например: *preiská* : *preiská-va-* и *preisk-ová-*, *oddha-* : *oddhá-va-* и *oddih-ová-*, *pretiška-* : *-pretiská-va-* и *pretisk-ová-*, *otesá-* : *otesá-va-* и *otes-ová-*, *odpisa-* : *odpisá-va-* и *odpis-ová-*; *zarisa-* : *-zarisá-vá-* и *zaris-ová-*, *odtéhta-* : *odtehtá-va-* и *odteht-ová-*, *izpeljá-* : *izpeljá-va-* и *izpelj-evá-*, *obzida-* : *obzidá-va-* и *obzid-ová-*.

Встречаются варианты формы (113 пар) и с суффиксами *-a-* и *-ová-* (*-evá-*) в случаях совпадения сфер использования этих суффиксов (см. таблицу 1), например: *izčisti-* : *izčišč-a-* и *izčišč-evá-*, *okrepí-* : *okréplj-a-* и *okreplj-evá-*, *pogasi-* : *pogáš-a-* и *pogáš-evá-*, *naglási-* : *nagláš-a-* и *naglaš-evá-*, *preprósi-* : *preprás-a-* и *preproš-evá-*, *umésti-* : *uměšč-a-* и *uměšč-evá-*, *prekroji-* : *prekráj-a-* и *prekraj-evá-*, *okrepí-* : *okréplj-a-* и *okreplj-evá-*, *spremi-* : *sprémjlj-a-* и *spremlj-evá-*, *podredí-* : *podrēj-a-* и *podrej-evá-*.

Возможны варианты формы с суффиксами *-ja-* и *-va-* (в сфере использования суффикса *-ja-*) *izpodbí* : *izpodbí-ja-* и *izpodbí-va-*, *izpí-* : *izpí-ja-* и *izpí-va-*.

Некоторые нетематические глаголы совершенного вида коррелируют с тремя парами вариантов имперфективных форм, например: *pretrés-* : *pretrés-a-*, *pretrés-áva-* и *pretrés-ová-*.

Результатом конкуренции вариантов форм может быть либо дифференциация образований (семантическая, стилистическая), либо вытеснение, исчезновение одной из конкурирующих форм¹³. Рассмотрение вариантов с суффиксами *-a-*, *-ová-* (*-evá-*) позволяет сделать предположение о более высокой конкурентной способности форм с суффиксом *-ová-* (*-evá-*). В ряде случаев наблюдается известная семантическая дифференциация вариантов имперфективных форм. Так, например, в современном литературном языке функционируют две имперфективные формы от глагола *izdelati* : *izdelávati* и *izdelováti*, из которых только второй присуще значение 'производить (о фабрике)'. Причем большая часть примеров с глаголом *izdelováti*, *-újem* приходится именно на это значение: ... *tovarna, ki izdeluje slamnike...* («Delo», 1, марта, 1963 — МСС)¹⁴. Глагол *izdelováti* имеет еще два значения, неизвестных глаголу *izdelávati*: 'разрабатывать' — *Posebno skrbno je Aristotel izdeloval silogistiko* (J. Vidmar — МСС) и 'хорошо учиться, успевать' — *Naj pazi na sina, da bo dober in da bo v šoli izdeloval* (Novšak — МСС). Наоборот, значение 'мучить' имеет только глагол *izdelávati* : *Psa izdelavajo bolhe, uši, klopi in gliste* (F. Erjavec МСС). От глагола *izdihati* употребляется также два имперфектива. Значение 'передать настроение, атмосферу' присуще только глаголу *izdihávati* : *Vsa notranjost kuhinje je izdihavala skromnost delavskih domov* (M. Malenšek — МСС); *Vsa hiša je izdihavala samoto in zapuščenost* (J. Ribič — МСС). Значение же 'вздыхать, жаловаться' характерно только для глагола *izdihováti* : *Tu vse poje in žvergoli, vse igra in se porčuje, zdaj se smeje, zdaj izdihuje* (J. Stritar — МСС).

¹³ Интересны результаты конкуренции вариантов имперфективных форм в современном сербско-хорватском языке, где наблюдается морфологическая контаминация вариантов образований с суффиксами *-iva-*, *-uje-* и *-ava-*, *-ava-*. Презентные формы имперфективов с суффиксом *-iva-*, *-uje-* начинают проникать в парадигму глаголов с суффиксом *-ava-*. Первые контаминированные формы отмечаются в словарях С. Ристича—И. Кангрга и Л. Бакотича: *озлоглашавами-*, *-шужем, прилагођавати, -ујем-, онемогуђавати, -ћујем, надвиђавати, -жујем-* и др. Таким образом, в формах настоящего времени имперфективов, образованных от глаголов совершенного вида с основой на *-и-*, распространяется суффикс *-uje-*; в инфинитивных же образованиях возможны варианты с суффиксами *-ava-* и *-iva-*. См. подробнее.: Б. М и л о в а н о в и ћ. Двојак и облици глагола на *-ивати/-авати*. «Наш језик», 1953, књ. V., св. 7—8.

¹⁴ МСС — Материалы картотеки Словаря словенского литературного языка.

В большинстве же случаев семантической дифференциации вариантных имперфективов не наблюдается. Вариантные имперфективные пары встречаются в живой речи одного и того же лица; нередко их можно встретить в одном и том же произведении, например: «Oni trije pri reči so... jezno in zaničljivo pogledovali Blaža in pili» (J. Jurčič, 1881 — MCC) и «Blaž je rotil se dalje ... a vedno po strani pogledaval» (Ibid.); «Izogibajo pa se ocene ... spora in *podčrtavajo* le svoje koncepcije» (S. Devetak, 1963 — MCC) и «Težave v zvezi z uveljavljanjem enakosti po spolu *podčrtujejo* žene na kmetih in v mestih» (Ibid.); Posebej je *podčrtoval* genialnost (F. Koblar, 1964 — MCC) и «Z možjo svoje tehnike marsikaj preveč *podčrtava*» (Ibid.).

Конкуренция суффиксов имперфективации известна и другим славянским языкам. В болгарском языке, например, конкурируют суффиксы *-я-* и *-ва-*¹⁵. Очень много вариантных образований в чешском языке: *-a-* : *-áva-* и *-ova-* (*odpásati* : *odpásavati* и *odpasovati*), *-i-* : *-ova-* и *-iva-* (*dokončiti* : *dokončovati* и *dokončivati*), *-e-* : *-ova-* и *-iva-* (*dohořeti* : *dohořovati* и *dohořivati*) и др.

В отличие от словенского языка, где перфективный глагол в семантическом отношении в большинстве случаев соотносим с каждым из имперфективных вариантов, в чешском языке между имперфективными вариантами обнаруживается лишь частичная соотносительность¹⁶. Есть вариантные образования и в русском языке, особенно большое количество вариантных форм отмечалось в русском языке XIX в. В Словаре Академии Российской (1806—1822), например, зафиксированы такие соотношения, как: *выпасть* — *выпадать* и *выпадывать*, *заслонить* — *засланивать* и *заслонять*, *вставить* — *вставлять* и *вставляивать*, *выкликнуть* — *выкликать* и *выкликивать* и т. д.¹⁷. Много вариантных имперфективов в современном сербско-хорватском языке. В орфографическом словаре А. Белича отмечено свыше ста вариантных образований с суффиксами *-ава-*, *ива-* (*довршавати* и *довршивати* и др.). Большое количество подобных пар представлено в новом орфографическом словаре («Pravopis hrvatskosrpskoga književnog jezika», Novi Sad, 1960) и в картотеке словаря современного сербско-хорватского языка Матицы сербской и Матицы хорватской (*довршавати* и *довршивати*, *одразивати* и *одражавати*). В той же сфере использования — IV (*-и-*) класс — с суффиксом *-ава-* конкурирует суффикс *-а-* (*допустити*: *допуштати* и *допуштавати*, *изменити* : *измьнати* и *измьнвати*).

¹⁵ См. П. Пашов. Болгарский глагол, ч. I, София, 1966.

¹⁶ См. А. В. Бондарко. Многочленные видовые корреляции при имперфективации приставочных глаголов в современном чешском языке. Сб. «Исследования по чешскому языку». М., 1963, стр. 6—8, 13.

¹⁷ См. И. П. Мучник. О видовых корреляциях в системе спряжения глагола в современном русском языке. «Вопросы языкознания», 1956, № 6, стр. 96—97.

Л. И. БАЗИЛЕВИЧ,
Е. М. ВЕРЕЩАГИН

СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Л. В. ЩЕРБЫ

26 декабря 1969 г. исполнилось 25 лет со дня смерти Льва Владимировича Щербы.

Л. В. Щерба — выдающийся лингвист современности — стоял у колыбели новейшей отечественной лингвистики и во многом определил ее развитие. Круг его научных интересов был необычайно широк. Ему принадлежат работы по экспериментальной и практической фонетике, фонологии, «диффузным звукам», бытовому произношению и орфоэпии, составлению алфавитов, морфологии и синтаксису, теоретической и конкретной лексикологии, лексикографии, диалектологии, орфографии, транскрипции, транслитерации, лингвостилистическому анализу художественных произведений, патологии и коррекции речи, методике преподавания родного и иностранного языков, сопоставительному анализу языков в теоретических и прикладных целях и т. д. Общетеоретическое наследие Л. В. Щербы и его исследования по ряду конкретных языков уже были предметом специального изучения¹. Тем не менее опубликованные материалы о научной деятельности ученого, к сожалению, не дают представления о Л. В. Щербе как о слависте². Это досадно по трем причинам: во-первых, сам Л. В. Щерба любил и ценил свои славистические разыскания³; во-вторых, его выводы по славянскому языкознанию не утратили своего значения до сих пор; наконец, в-третьих, к целому ряду своих важных общелингвистических выводов и положений он пришел через анализ материала славянских языков. В на-

¹ См., например, С. И. Бернштейн, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Я. В. Лоя. Л. В. Щерба (по случаю исполнившегося шестидесятилетия со дня его рождения). «Русский язык в школе», 1940, № 6; С. П. Обнорский. Памяти академика Л. В. Щербы. Известия АН СССР, Отд-ние лит-ры и языка, т. IV, вып. 3—4, 1945; Д. Л. Щерба. Л. В. Щерба (1880—1944). Сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы», Л., 1951; В. В. Виноградов. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л. В. Щербы. Сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы», Л., 1951.

² Работы Л. В. Щербы по русистике, правда, изучены достаточно полно, поэтому мы на них не останавливаемся.

³ Л. В. Щерба, как известно, особенно интересовался, кроме русского, серболужицким (более подробно об этом говорится ниже), чешским и старославянским языками. В рецензии на монографию А. Фринты о чешском произношении он обнаруживает прекрасное владение чешским языком и сообщает о собранных им материалах по чешской фонетике. (См.: Л. Щерба. Критические заметки по поводу книги д-ра Фринты о чешском произношении. «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XV, кн. 1, 1910, стр. 251). Эти материалы, к сожалению, остались неопубликованными. Об интересе Л. В. Щербы к старославянскому языку характерное свидетельство оставил С. П. Обнорский: «Всегда Л. В. Щерба с особенным чувством удовлетворения вел занятия по старославянскому языку, высоко и по праву подчеркивая научное его значение в изучении всех славянских языков, и русского языка в первую очередь». (С. П. Обнорский. Указ. соч., стр. 168).

стоящей заметке будут освещены славистические и связанные с ними общетеоретические вопросы, интересовавшие Л. В. Щербу, и сопоставлены предлагавшиеся им решения с современным состоянием проблематики.

Говоря о конкретных славистических тезисах Л. В. Щербы, сохраняющих свое значение, мы имеем в виду прежде всего его работы по серболужицким языкам. Известно, что Л. В. Щербе принадлежит первое в истории сорабистики полное и всеаспектное описание отдельного диалекта. Известно также, что Л. В. Щерба первым опубликовал подборку диалектных серболужицких текстов в достоверной фонетической транскрипции⁴. Интереснее, однако, выделить, что Л. В. Щерба фактически первым сформулировал ряд теоретических вопросов, которые и до сих пор важны для сорабистики. Сюда мы относим прежде всего проблему генезиса лужицкого языкового ареала и вопрос о категории вида в современных лужицких диалектах.

Первый вопрос обычно именуется проблемой моно- или полигенезиса современных лужицких диалектов (и соответственно двух литературных языков, возникших на их основе). Согласно точке зрения на моногенезис этих диалектов, несущей на себе отпечаток младограмматизма, между современным состоянием и эпохой праславянского языка существовала эпоха общелужицкого единства. Теория моногенезиса не имеет своего основателя, так как она представляет собой простое перенесение младограмматических постулатов на лужицкую почву. В конце прошлого века этот взгляд был естественным; его не приходилось отстаивать⁵. Теория полигенезиса лужицких диалектов, которую развивал и отстаивал Л. В. Щерба, сводится к отрицанию общелужицкого состояния. Задавшись вопросом, в каком отношении восточнолужицкий (мужаковский) говор находится к прочим говорам, и установив, что «связей между ними очень мало»⁶ (всего два общелужицких «новшества»), Л. В. Щерба легко приходит к выводу о самостоятельном пути развития лужицких диалектов. В этой связи, заключает он, «эпоха общелужицкого единства» является по-моему в значительной степени предметом веры, но не знания»⁷. Таким образом, лужицкие диалекты (точное определение числа самостоятельных диалектов вызывает споры) в этом случае выводятся непосредственно из праславянского языка. Так как данный тезис противоречил господствовавшим младограмматическим взглядам, понятна серьезная (по преимуществу методологическая) критика, которой он подвергся. Критика теории полигенезиса А. А. Шахматовым в этом отношении весьма показательна⁸. Дискуссия, однако, в начале нашего столетия завершена не была и продолжается в настоящее время. Справедливости ради отметим, что теперь концепцию полигенезиса разделяет большинство ученых. З. Штибер и О. Н. Трубочев подтвердили справедливость учения Л. В. Щербы чисто лингвистическим материалом⁹.

⁴ Его принципы описания и публикации текстов восприняты современными учеными. Ср., например, монографические исследования отдельных серболужицких диалектов, опубликованные в последнее время: S. M i c h a l k. Der Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1962; H. F a s s k e. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.

⁵ См., например, E. M u c k e. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891.

⁶ Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, т. 1, Пг., 1915, стр. 190.

⁷ Там же, стр. 191.

⁸ См.: А. Ш а х м а т о в. Заметки по истории звуков лужицких языков. По поводу книги Л. В. Щербы «Восточнолужицкое наречие». «Известия Отделения русского языка и словесности», т. XXI, кн. 2, 1916.

⁹ Z. S t i e b e r. Stosunki pokrewieństwa języków Łużyckich. Kraków, 1934, s. 82; О. Н. Т р у б а ч е в. О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков. «Серболужицкий лингвистический сборник», М., 1963, стр. 172.

Г. Шустер-Шевц обратился преимущественно к историческим аргументам и убедительно показал, что никогда не существовало «единой лужицкой языковой территории», и, следовательно, исторические факты не позволяют постулировать существование общелужицкого языка-основы. Наблюдающаяся в настоящее время близость лужицких диалектов объясняется их конвергентным развитием в средние века, когда сложились соответствующие феодальные образования¹⁰. Правда, аргументация В. Л. Щербы в пользу теории полигенезиса подвергалась серьезным испытаниям. Так, он лишился своего основного аргумента — отсутствие общелужицких новообразований. Р. Леч обнаружил и перечислил такие новообразования¹¹. Конечно, эти новообразования могут быть результатом и конвергентного развития, но все же правота Л. В. Щербы в этом случае доказывается не тем способом, который он сам избрал. Кроме того, Л. В. Щерба, как кажется (у него отсутствуют соответствующие эксплицитные высказывания), говорил о прямом происхождении из праславянского трех диалектов — верхнелужицкого, нижнелужицкого и восточнолужицкого (мужаковско-го)¹², а большинство современных авторов (и Г. Шустер-Шевц в их числе) такой генезис относят лишь к двум диалектам, а восточнолужицкий диалект считают несамостоятельным (промежуточным). Таким образом, хотя система взглядов Л. В. Щербы не принимается во всей полноте и даже обосновывается по-иному, его заслуга заключается в том, что он поставил одну из центральных проблем сорабистики и что, несмотря на продолжающуюся дискуссию, ему удалось правильно — в этом нет причин сомневаться — решить эту проблему¹³.

Вторым существенным вкладом Л. В. Щербы в сорабистику следует считать постановку и решение проблемы глагольного вида в серболужицких диалектах. Внимательно изучив вопрос актуального присутствия в сознании носителей мужаковского говора ряда грамматических глагольных категорий, ученый установил, что выражаются лишь значения 1) действия вообще, 2) однократного действия и 3) повторяющегося действия. Что же касается собственно видовых значений (перфективности/имперфективности), то, по его мнению, «перфективность в том виде, как мы ее себе представляем в русском, вовсе не существует в мужаковском»¹⁴. Префиксация используется только для выражения однократности, а не перфективности. А. А. Шахматов не согласился с этим выводом и доказывал существование видовых различий в серболужицких глаголах. Он, правда, не приводил собственного материала и не пытался по-новому интерпретировать сведения Л. В. Щербы, а просто сослался на А. Муку, хотя ссылка на авторитет не есть аргумент, и выражал свою веру (против которой, т. е. вообще

¹⁰ H. Schuster-Sewc. Sprache und ethnische Formation in der Entwicklung des Sorbischen. «Zeitschrift für Slavistik», Bd. IV, H. 4, 1959, S. 582.

¹¹ R. Lötzsche. Einheit und Gliederung des Sorbischen. Berlin, 1965, S. 23, Anmerkung 1.

¹² На существование трех самостоятельных лужицких диалектов позднее указывали П. Вирт (P. Wirth. Studien zur sorbischen Sprachgeographie. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. VIII, 1931); А. М. Селищев (см.: «Славянское языкознание», т. 1, М., 1941, стр. 260). Этой же точки зрения придерживается, видимо, и С. Б. Бернштейн (см. его статью «Русское славяноведение о серболужицких языках» в «Серболужицком лингвистическом сборнике», М., 1963, стр. 19).

¹³ Следует отметить, что теория полигенезиса никак не отражается на факте существования единого лужицкого языка, особенно его литературных вариантов, в настоящее время. Принцип конвергенции обладает в этом случае достаточной объяснительной силой. В этой связи очень интересными представляются соответствующая концепция Р. Леча и исследования по лужицким литературным языкам Г. Шустера-Шевца. См.: R. Lötzsche. Ibid.; H. Schuster-Sewc. Die Geschichte der sorbischen Schriftsprachen. «Славянская филология», т. III, София, 1963; H. Schuster-Sewc. Sorbische Sprachdenkmäler XVI—XVIII. Jahrhundert. Bautzen, 1967.

¹⁴ Л. В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, стр. 121.

против веры в науке, Л. В. Щерба выступал с особой страстностью) в существование глагольного вида в серболужицком. А. А. Шахматов пишет: «Не сомневаюсь, что в общем значение перфективности в мужаковском наречии то же, что и в русском»¹⁵. Решить проблему глагольного вида попытался З. Михалк. Хотя З. Михалк поддерживает точку зрения А. А. Шахматова, аргументация его такова, что складывается впечатление о правоте Щербы. Так, он устанавливает, что «безвидовый немецкий глагол оказывает сильное влияние на лужицкий глагол» и вытесняет категорию вида как таковую, что генетически перфективные глаголы способны к образованию аналитического футурума (чего мы в западнославянских языках не наблюдаем) и что многие приставки никак не изменяют вид глагола¹⁶. З. Михалк отмечает также, что в лужицком по сравнению с прочими славянскими языками значительно больше непарных глаголов¹⁷. Кроме того, З. Михалк приводит аргумент, вызывающий методологическое возражение. Он указывает, что нередко в тех позициях, когда должен стоять перфективный глагол, на самом деле стоит имперфективный и наоборот. Такие позиции отмечаются не только в разговорной речи, но и в устном народном творчестве. Все эти случаи З. Михалк объявляет ошибками (Fehler): «если такие места проверить с подходящими информантами (mit geeigneten Gewährsleuten), то большей частью выясняется, что они ощущаются как неправильные»¹⁸. Между тем известно, что информант никогда не ошибается. Текст, записанный от него, нельзя оценивать с критериями правильности/неправильности. Нетипичные фразы можно устранить, если проверить тексты с точки зрения их репрезентативности (т. е. ввести определенный порог при массовом обследовании). В данном случае мы видим, что «неправильные», по мнению З. Михалка, фразы не вызывают оценочной реакции у большинства информантов, так что ему пришлось специально отыскивать «подходящих» людей.

Вопрос о глагольном виде в лужицких диалектах, видимо, остается еще открытым. Заслуга Л. В. Щербы состоит в том, что он обратил внимание на специфику видовой семантики глагола в серболужицких диалектах, и это установленное им ее своеобразие впоследствии не подверглось существенному пересмотру. Более того, большинство ученых систему лужицкого глагола объявляет не видо-временной, как в прочих славянских языках, а чисто временной.

Переходя к конкретным славистическим разысканиям Л. В. Щербы, которые нередко приводят его к теоретическим заключениям, следует прежде всего сделать несколько замечаний об исследовательской позиции ученого и методике анализа.

Л. В. Щерба, как правило, ставил и исследовал вполне определенные (и поэтому частные) вопросы и не писал обобщающих статей. Несмотря на это, любая его работа представляет собой новое слово не только в той частной лингвистической области, которой она непосредственно принадлежит, но и в общей теории языкознания. Еще в 1915 г. Л. В. Щерба сказал о себе: «на первом плане у меня всегда были общелингвистические интересы»¹⁹, и эту верность теоретической проблематике он сохранил до конца своих дней. Эти интересы, однако, не исключали частного исследования, а напротив, его предполагали: «л о г и ч е с к и, — писал он, — главное место

¹⁵ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 252.

¹⁶ S. M i c h a l k. Über den Aspekt in der obersorbischen Volkssprache. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. IV. H. 2, 1959, S. 251.

¹⁷ S. M i c h a l k. Ibid., S. 252.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, стр. XVII.

должно занять общее языкознание, а история языков будет лишь доставлять материал для его построений. Говорю л о г и ч е с к и, так как на практике каждый лингвист будет и должен, конечно, всегда заниматься историей языков в том или другом виде»²⁰. Не случайно поэтому обе диссертации Л. В. Щербы — магистерская «Русские гласные в качественном и количественном отношении» и докторская «Восточнолужицкое наречие» — посвящены конкретной славистической проблематике, но имеют одновременно и общетеоретическое значение (первая для экспериментальной фонетики и фонологии, вторая для диалектологии и теории языковых контактов)²¹. Из сказанного вытекает, что, если бы мы ограничились рассмотрением исключительно славистических вопросов, была бы в неверном свете представлена общая научная позиция Л. В. Щербы. Изучить общетеоретические выводы Л. В. Щербы, основанные на славистическом материале, полезно и для характеристики вклада Л. В. Щербы в теорию языковых контактов, который пока еще не получил оценки, свободной от доктринерства и априоризма.

Остановимся на двух вопросах, поставленных и решенных Л. В. Щербой, которые имеют отношение к теории языковых контактов: структуре языковой единицы при двуязычии (билингвизме) и типологии билингвизма.

К изучению структуры языковых единиц при билингвизме Л. В. Щерба пришел следующим образом. Стремясь к полному описанию мужаковского диалекта, он должен был изучить способы словообразования в этом диалекте. Оказалось, что деривационная система диалекта может быть изучена только в историческом плане. Актуального образования новых слов с помощью славянских средств деривации Л. В. Щерба не обнаружил. На этом в исследовании с описательными целями можно было бы остановиться, однако, верный своей общей научной позиции, Л. В. Щерба приступает к поискам закономерностей, обуславливающих данный факт. Если деривация в мужаковском диалекте, можно считать, отсутствует, то каким же образом образуются новые слова? Л. В. Щерба давал такой ответ на этот вопрос: «Так как каждый носитель мужаковского говора говорит и понимает, то путь заимствования является самым простым и употребляется на каждом шагу, даже и без особой видимой надобности. Можно сказать, что это единственный действительно живой способ для создания новых слов»²². Этот ответ опять-таки не означает конца исследования, так как он влечет за собой (по принципу логической цепочки) новые вопросы: каковы закономерности заимствования, почему возможно заимствование в таких масштабах, что оно практически сделало ненужным производство новых

²⁰ Л. В. Щ е р б а. [О задачах лингвистики]. «Вопросы языкознания», 1962, № 2 стр. 98. Склонность Л. В. Щербы к решению общелингвистических проблем на конкретном материале отразилась многими исследователями его научного наследия. Ср. например, следующие высказывания: «Отчасти под влиянием Бодуэна де Куртене и А. Мейе, больше же в силу индивидуального склада своего научного дарования, глубоко самобытного, Л. В. Щерба уже в первых своих самостоятельных работах по языку проявил глубокий исследовательский интерес к „общему языковедению“, к постановке и решению основных теоретических проблем лингвистической науки» (С. И. Бернштейн, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Я. В. Лоя. Указ. соч., стр. 85); «Л. В. Щерба... умел в каждом, даже самом маленьком вопросе находить проявление общих языковых закономерностей» (М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндер, Б. А. Ларин. Предисловие. В кн.: Л. В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике, т. I, Л., 1958, стр. 3).

²¹ Ср. оценку работ Л. В. Щербы по серболужицкой проблематике с общетеоретических позиций, данную С. Б. Бернштейном: «Первая часть „Восточнолужицкого наречия“ входит в список тех сравнительно немногих исследований дореволюционной поры, которые непременно должны быть изучены молодыми языковедами и в настоящее время». (С. Б. Бернштейн. Указ. соч., стр. 16).

²² Л. В. Щ е р б а. Восточнолужицкое наречие, стр. 80.

славянских слов? Поиски решения поставленной проблемы заняли определенное время, и решить ее оказалось возможным на основе оригинальной концепции структуры слова в речи двуязычных лиц (билингвов). В работе «Востоchnолужицкое наречие» эта концепция только намечена, а в статье «О понятии смешения языков» — развита в полном объеме. «То, что называется словом, — пишет Л. В. Щерба, — у двуязычных состоит из трех элементов: представления значения и двух звуковых представлений»²³. (Справедливость этой мысли может быть показана на примерах полнозначных слов — за полной адекватностью содержания лужицкого слова соответствующему немецкому слову можно проследить на основании любого двуязычного словаря²⁴, — но интереснее в данном случае служебные слова. Л. В. Щерба приводит полностью отождествленные, по своему употреблению и семантике, лужицкие и немецкие предлоги *či = bei*, *biz = ohne*, *dla = wegen*, *do = in*, *h = zu*, *na = auf* и т. д., а также приставки *bisobu- = miteinander*, *rz- = zer-*, *dele- = hinunter-*, *domoj- = heim-* и т. д.²⁵). Данная структура слова ответственна, как думает Л. В. Щерба, за широкий процесс заимствования, наблюдающийся в серболужицких диалектах. «Если, — пишет он, — один из этих двух элементов слабнет случайно, временно или систематически, то другой естественно его замещает»²⁶. Л. В. Щерба ясно ощущает, что описываемое им явление едва ли можно подводить под традиционное понятие заимствования: «Таким образом, никакого „заимствования“ собственно не происходит для сознания говорящих: они не замечают этих субституций»²⁷. Подобное явление было подробно исследовано одним из авторов настоящей заметки²⁸ и получило наименование использования. Характерная черта используемых лексем состоит в том, что они в аспекте формы, как правило, не адаптируются полностью.

²³ Там же, стр. 193. Современный читатель должен извинить Л. В. Щербу излишнее в лингвистике употребление психологических понятий. Как справедливо пишет А. А. Леонтьев в статье «Из лингвистического наследия Л. В. Щербы» («Вопросы языкознания», 1962, № 2, стр. 96), Л. В. Щерба в большей степени, чем другие учепки, воспринял психологизм Бодуэна.

²⁴ Учение Л. В. Щербы, если проводить различие между лексемами и понятиями как компонентами слова и признавать относительную самостоятельность лексем и понятий, может быть названо учением об ассоциации двух понятий с одной лексемой. Оно воспринято большинством авторов, писавших по проблемам языковых контактов. Его разделял, например, У. Вайнрайх, который к двум типам ассоциаций между лексемами и понятиями Л. В. Щербы (одна лексема — два понятия, одна лексема — одно понятие) прибавил третий тип (первая лексема — вторая лексема — понятие). См.: U. Weingreich. Languages in Contact. The Hague, 1963, p. 10; Е. М. Верещагин. Слово: соотношение планов содержания и выражения. «Вопросы порождения речи и обучения языку». М., 1967.

²⁵ Л. В. Щерба. Востоchnолужицкое наречие, стр. 87—92, 117—119. Специальное исследование приставочных глаголов, возникших под влиянием немецкого, см.: Л. И. Ройзензон. Об одном случае грамматической интерференции в серболужицких языках. «Материалы конференции „Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистического наследия Е. Д. Поливанова“», т. 1, Самарканд, 1964.

Характерно, что подмеченное Л. В. Щербой явление отождествления содержательных планов не только полнозначных, но и служебных слов вообще регулярно наблюдается при билингвизме того типа, который свойствен лужичанам. Ср., например, аналогичное отождествление предлогов и приставок двух языков билингвистическими носителями цыганского и идиш языков. См.: М. В. Сергиевский. Из области языка русских цыган. «Уч. зап. Ин-та языка и литературы», т. III, М., 1928; П. Истомин (Патканов). Цыганский язык. М., 1900; Е. М. Верещагин. К вопросу влияния славянских языков на словопроизводство некоторых германских языков. «Тезисы докладов, предназначенных для обсуждения на II Всесоюзной конференции по славяно-германскому языкознанию». Минск, 1965.

²⁶ Л. В. Щерба. Востоchnолужицкое наречие, стр. 193.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Е. М. Верещагин. К проблеме разносистемной принадлежности лексем при билингвизме. Канд. дисс. М., 1966.

В дальнейшем Л. В. Щерба обобщает свои выводы, сделанные применительно к лексическому уровню. Двужычие лужицан, по его мнению, есть двужычие особого рода. «Быть может, — пишет он — даже было бы неточно сказать, что люди, о которых идет речь, знают два языка: они знают только один язык, но этот язык имеет два способа выражения, и употребляется то один, то другой»²⁹. Условие для возникновения такого языка — полное совпадение понятий: «в лужицком наречии ... придание единообразия понятиям доведено до возможного предела»³⁰. Язык описанного вида, как известно, был Л. В. Щербой назван «языком с двумя терминами» (*langue à deux termes*). В последнее время появились исследования, посвященные специфике серболужицко-немецкого двужычия, выводы которых вполне совпадают с теорией Л. В. Щербы. Например, Р. Енч, занимавшийся, правда, литературным языком, а не диалектами, и рассматривавший лингвистические термины, отмечает, что различия между серболужицкими и немецкими терминами наблюдаются «только на уровне знаков, но не на уровне содержаний»³¹. Он считает, что выводы его конкретного исследования могут быть применены вообще к серболужицким литературным языкам: «серболужицкая лингвистическая терминология отражает картину, которая характерна для современного серболужицкого письменного языка»³². Состояние «языка с двумя терминами» применительно к диалектам констатировали Э. Михалк и Г. Протце; они же указали на неограниченное использование немецких лексем в серболужицкой речи³³. Вопросы формы немецких лексем в этой речи изучены Л. Э. Калнынь³⁴.

Понятие «языка с двумя терминами» оказалось плодотворным в применении к ряду других языковых ситуаций, и это означает, что оно должно войти в теоретический багаж общего языкознания.

Понятие «языка с двумя терминами» тесно связано с типологией билингвизма — другим теоретическим вопросом, к которому Л. В. Щерба пришел благодаря своим славистическим штудиям.

Данные сравнительно-исторического языкознания свидетельствуют о значительном типологическом и генетическом расхождении между праславянским и прагерманским языками. Между тем лужицкие диалекты обнаруживают не менее значительное сходство (особенно типологически и в плане содержания) с немецким языком. Ясно, что причиной конвергентного развития могло явиться только двужычие. Внимательно изучая проблему двужычия, Л. В. Щерба убедился, что к возникновению «языка с двумя терминами» приводит далеко не любое владение двумя языками. Такова логика исследования, приведшая Л. В. Щербу от серболужицких диалектных текстов к типологии билингвизма.

Л. В. Щерба устанавливает два основных типа билингвизма, используя в качестве классификационного критерия признак соотнесенности двух речевых механизмов говорящего между собой. Различие состоит в следующем. С одной стороны, речевые механизмы, ответственные за производство³⁵ речи, последовательно принадлежащей двум языкам, могут функцио-

²⁹ Л. В. Щ е р б а. Избранные работы по языкознанию и фонетике, стр. 48.

³⁰ Там же, стр. 50.

³¹ R. J e n č. Dwojorěčnosť Serbow a serbska lingwistiska terminologija. «Lětopis Instituta za serbski ludospyt», rjad A, č. 11/1, 1964, s. 8.

³² Ibid.

³³ Deutsch-sorbische Dialekttexte aus Nochten, Kreis Weisswasser. Bearbeitet von S. M i c h a l k und H. P r o t z e. Bautzen, 1967, S. 30.

³⁴ Л. Э. К а л н ы н ь. Организация фонемного состава иноязычных заимствований в диалектном языке. «Советское славяноведение», 1968, № 2.

³⁵ При выборе именно данного термина были приняты во внимание соображения М. М. Копыленко. См.: М. М. К о п ы л е н к о. Речь: производство, порождение, синтез. «Материалы второго симпозиума по психолингвистике». М., 1968.

нирывать независимо друг от друга, а с другой стороны, они могут вступать между собой в связь, так что образуется система взаимозависимостей между ними. Причина образования первого или второго типа отношений между речевыми механизмами — способ изучения обоих языков. Если в одной ситуации применяется только, например, первый язык, а в другой — только второй (такой способ изучения двух языков Л. В. Щерба назвал «методом гувернантки»³⁶), то возникающие речевые механизмы никак не связаны друг с другом. Если, напротив, в одной и той же речевой ситуации используются оба языка, то между речевыми механизмами образуется связь. Первый тип билингвизма Л. В. Щерба назвал чистым, а второй — смешанным. Легко заметить, что предложенная им типология относится к области психологии, но она имеет также и немалую лингвистическую ценность. Если мы знаем тип билингвизма, мы можем заранее судить о форме речи, которая производится на его основе. При чистом билингвизме речь как на первом, так и на втором языке свободна от явлений интерференции. При смешанном билингвизме наблюдается интерференция. Чистый и смешанный типы билингвизма связаны также с легкостью или затрудненностью перевода. «В случаях чистого двуязычия, — пишет Л. В. Щерба, — человек должен целиком перестраиваться...; во время речи на одном языке ему никогда не приходит в голову слова другого языка, даже в случае каких-либо затруднений. При смешанном двуязычии, наоборот, человек охотно пересыпает свою речь на одном языке словами и оборотами из другого языка, зачастую сам того не замечая»³⁷. Интерференция в случаях индивидуального билингвизма никак не сказывается на двух языках, которыми билингв владеет (при условии монолингвизма двух соответствующих языковых общностей); однако при массовом билингвизме (что мы наблюдаем в Лужице) интерференция оказывает свое влияние и на языковую систему одного языка из двух (в более редких случаях модифицируются две языковые системы). «При известных условиях, — указывает Л. В. Щерба, — из такой „смешанной речи“ может получиться так называемый „смешанный язык“»³⁸.

Учение Л. В. Щербы о двух типах билингвизма и о путях возникновения каждого из них оказало серьезное влияние на ученых, занятых аналогичными вопросами. У. Вайнрайх использовал эту типологию в своей известной монографии, а психологи С. Эрвин, Ч. Осгуд и В. Ламберт (последний со своими многочисленными учениками) подтвердили психическую реальность существования этих двух типов владения двумя языками³⁹.

Учение о языке с двумя терминами и о двух типах билингвизма не исчерпывает круга вопросов по теории языковых контактов, привлекавших к себе внимание Л. В. Щербы и разрабатывавшихся им. В частности, требуется особо выделить его идеи об определении языковой принадлежности текстовых единиц в речи билингва. Л. В. Щерба внес вклад и в разработку

³⁶ Л. В. Щ е р б а. Преподавание иностранных языков в средней школе. М.—Л., 1947, стр. 56.

³⁷ Там же, стр. 55.

³⁸ Там же.

³⁹ Эти ученые, правда, используют в том же значении термины координативный (чистый) и субординативный (смешанный) билингвизм. См.: U. W e i n g r e i c h. Ibid., p. 99; S. M. E r v i n, Ch. E. O s g o o d. Second Language Learning and Bilingualism. «Psycholinguistics», ed. by Ch. Osgood, Th. Sebeok. Bloomington, 1965, p. 139—142; W. E. L a m b e r t. Psychological Approaches to the Study of Language. «The Modern Language Journal», vol. XLVII, № 2, 3, 1963; W. E. L a m b e r t, H. F r a n k e l, G. R. T u c k e r. Judging Personality through Speech. «Journal of Communication», vol. XVI, № 4, 1966; W. E. L a m b e r t, J. G a v e l k a, R. C. G a r d n e r. Linguistic Manifestations of Bilingualism. «The American Journal of Psychology», vol. LXXII, № 1, 1959; W. E. L a m b e r t, S. F i l l e n b a u m. A Pilot Study of Aphasia among Bilinguals. «Canadian Journal of Psychology», vol. 13, № 1, 1959.

контактологической терминологии, в преодоление вульгарно-социологического взгляда на «смешение языков», в проблематику генеалогической классификации языков конвергентного развития, в описание путей и форм заимствования, использования и интерференции и т. д. Свои контактологические исследования он ставил в центр научных интересов. Об этом особенно наглядно свидетельствует тот факт, что в своей последней, по-смертно опубликованной статье «Очередные проблемы языковедения», в этом «научном завещании» ученого ⁴⁰, он суммирует результаты своих контактологических работ и намечает пути дальнейших разысканий в этой области.

Вспомним, что к контактологии Л. В. Щерба пришел исключительно через рассмотрение славянского материала. Отправившись от славистики, Л. В. Щерба многократно возвращался к ней и заново, на более высоком теоретическом уровне излагал свои полевые наблюдения прошлых лет. Основные принципы теории языковых контактов, развитые в его трудах, широко используются славистами и, в частности, современными исследователями серболужицких литературных языков и диалектов ⁴¹.

* * *

Прошло уже 25 лет со дня кончины Льва Владимировича Щербы.

Кто-то сказал: смерть не все возьмет, только свое возьмет.

К счастью, след, оставленный подлинным ученым, не исчезает, а остается.

⁴⁰ См.: М. И. Матусевич, Л. Р. Зиндер, Б. А. Ларин, Указ. соч., стр. 4.

⁴¹ См., например, литературу по серболужицко-немецким языковым контактам, приведенную в работе: H. S c h u s t e r - S e w c. Bibliographie der sorbischen Sprachwissenschaft. Bautzen, 1966.

он с отличием окончил курс во 2-м специальном классе 2-го кадетского корпуса и был переведен в 3-й. «Я не могу достаточно нахвалиться этим молодым человеком, — говорилось в письме директора 2-го кадетского корпуса от июня 1861 г. на имя Е. П. Ковалевского, в котором содержалось ходатайство перед Азиатским департаментом Министерства иностранных дел о выдаче сербскому воспитаннику средств для поездки на родину для консультации с князем Михаилом о его дальнейшей специализации. При безукоризненном поведении и спокойном нраве, он с трудолюбием соединяет прекрасные способности, вследствие чего и начальники и товарищи его уважают и любят...»³.

Из дела видно, что поездка Т. Анастасевича в Сербию в 1861 г. не состоялась, хотя разрешение на нее было дано и деньги отпущены. Если верить подписи под фотографией, из которой следует, что Т. Анастасевич был членом «Земли и Воли», и иметь в виду загадочную мотивировку⁴ его отказа от поездки, то можно высказать предположение, что все это в какой-то мере было связано с какими-то планами этой тайной организации.

Летом 1862 г. Т. Анастасевич окончил 2-й кадетский корпус и поступил в Николаевскую инженерную академию⁵. Весной 1863 г. подпоручик Т. Анастасевич провёл свой отпуск в Сербии⁶. По окончании академии он поступил на русскую службу. Из документа от 5 VIII 1871 г. узнаем: «военный инженер штабс капитан Трифон Дмитриевич Анастасевич, находясь в заграничном отпуску, высочайшим приказом 28 минувшего июля, уволен, за болезнью, от службы и, как видно из просьбы об увольнении его от службы, написанной им 24 июля сего года, что он проживает в Константинополе»⁷.

Весной 1873 г., уже будучи в отставке, Т. Анастасевич находился в Петербурге, пытаясь снова поступить на русскую службу⁸. Из письма Т. Анастасевича И. С. Аксакову от 21 XII 1878 г., мы узнаем много интересных фактов о дальнейшей судьбе Т. Анастасевича⁹. Он принимал активное участие в двух освободительных войнах Сербии и Черногории против Османской империи в 1876—1878 гг., занимая важные посты в сербской армии: начальника штаба III корпуса, командира Тимокской дивизии и, наконец, помощника командира Яворского корпуса. В 1878 г. он вместе с капитаном Крестовичем, сербом из Пенша, приехал в Петербург, чтобы передать изобре-

севиче, которыми мы располагаем, встречается написание — Анастасевич и Анастасевич.

³ АВІР, ф. «Славянский стол». Воспитанники военно-учебных заведений. Анастасевич Трифон. 1861—1873, д. № 12860, л. 24.

⁴ В отношении Азиатского департамента от 30 VI 1861 г. говорится о том, что Т. Анастасевич «явился ныне в Департамент и несмотря на данное ему обещание снабдить его нужными для возвращения сюда из Белграда деньгами, заявил притязания, которые Департамент не мог исполнить, говоря, что если эти притязания не будут удовлетворены, то он отказывается от поездки...» Там же, л. 6.

⁵ Там же, л. 12—12 об.

⁶ Там же, л. 17—19.

⁷ Там же, л. 23. Время и обстоятельства отставки дают основания поставить очень важный вопрос: не был ли Т. Анастасевич связан со Светозаром Марковичем и планами революционно-демократического крыла сербской Омладины относительно организации восстания в Боснии и Герцеговине? Подробнее об этом см.: В. Г. К а р а с е в. К вопросу об участии русских и сербских революционеров в подготовке восстания в Боснии и Герцеговине в начале 70-х годов XIX в. Ученые записки Ин-та славяноведения, т. XXX, 1966, стр. 114—130.

⁸ Там же, л. 24—24 об.

⁹ Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, ф. № 14 (И. С. Аксакова), д. № 47. За информацию об этом письме приношу мою благодарность В. Петухову.;

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

В. Г. КАРАСЕВ

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ ЗАГОВОРИЛА

О тайной русской революционной организации «Земля и Воля» (1861—1863), идейным руководителем которой был Н. Г. Чернышевский, существует значительная литература. Изучены в основном история создания и деятельность организации, выявлены многие ее участники, среди которых, однако, до сих пор не значился ни один представитель южных славян. Между тем, в опубликованных еще в 1933 г. мемуарах М. Н. Слешцовой (жены одного из активных деятелей «Земли и Воли» — А. А. Слешцова) — «Штурманы грядущей бури. Из воспоминаний», — в разделе «Офицерские организации» помещена интересная фотография с изображением в полный рост трех молодых людей со следующей подписью: «Анастасьевич (посредине) и Вуколич (справа), члены «Земли и Воли»; третий — неизвестный студент. Из архива М. Слешцовой»¹.

Фамилии военных (Анастасьевич и Вуколич) не вызывают сомнения в их югославянском происхождении. «Неизвестным студентом» мог быть сербский

демократ Живоин Жуевич, обучавшийся в начале 60-х годов прошлого столетия в Петербурге.

Цель этого небольшого сообщения состоит в том, чтобы сделать достоянием научной общественности некоторые предварительные результаты наших разысканий о людях, изображенных на фотографии, в надежде, что коллективными усилиями советских и югославских историков удастся довести начатое дело до конца.

Прежде всего об офицере, стоящем посредине. По всей вероятности это серб Трифон Анастасьевич². Из собранных нами материалов выясняется, что в 1861 г.

¹ «Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века». Под ред. В. Бонч-Бруевича и А. В. Луначарского, т. II «Akademia», М. — Л., 1933, стр. 457—458.

² Написание фамилии Анастасьевича через «ъ» не должно нас смущать. Это вполне согласуется с правилами русской орфографии. Более того, в документах о Т. Анаста-

тения последнего (подводной лодки и др.) русскому правительству, а заодно исходатайствовать у него заем для строительства железных дорог в Сербии. И снова он пытался поступить на русскую службу, на этот раз по железнодорожному ведомству.

Дальнейшая судьба Т. Анастасиевича нам пока не известна¹⁰. Правда, в наших архивах сохранилось еще два документа, автором которых он является. Мы имеем в виду записку, написанную им 28 IV 1879 г. по поводу покушения на жизнь русского царя в Париже 2 IV 1879 г.¹¹, и выдержку из его письма от 5 VI 1879 г. с выражением резкого протеста против оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией.

Ограниченность места не позволяет нам подробно говорить о двух других лицах, запечатленных на фотографии. Поэтому относительно них мы ограничимся самыми общими сведениями, могущими облегчить исследователям дальнейший поиск.

Прежде всего, по нашему мнению, стоящий справа офицер не Вуколич, как значится в подписи под фотографией, а Вукович. Во-первых, с учетом графического изображения буквы «л» в скорописи того времени такая невольная ошибка вполне допустима. Во-вторых, среди южнославянских подданных, обучавшихся в русских военно-учебных заведениях в начале 60-х годов, не было человека с фамилией Вуколич. Зато известен серб Марко Вукович, который летом 1860 г. вместе с Максимом Петровичем прибыл в Петербург¹². В письме на имя Е. П. Ковалевского от 9 X 1860 г.; М. Петрович, в частности писал: «Желаю в благословенной земле посещать какое-нибудь военное училище, я прибыл (вместе с М. Вуковичем.— В. К.) из моего отечества — Сербии, пешком почти за 30 дней, чтобы попасть в этот столичный город»¹³. Продолав столь трудный путь, М. Петрович заболел и вынужден был вернуться на родину, а М. Вукович, 24-х лет от роду, окончивший курс в белградском лицее, в декабре 1860 г., с разрешения царя, так как не имел прав потомственного дворянина, был зачислен экстерном в Константиновское военное училище с обязательством после его окончания поступить на русскую службу¹⁴. Тот факт, что в устройстве упомянутых выше двух сербов в русское военно-учебное заведение деятельное участие принимал Путята, по-видимому, может служить объяснением, почему Т. Анастасиевич и М. Вукович оказались членами «Земли и Воли».

М. Вукович умер 6 XII 1869 г. в клинике МГУ в чине ротмистра 2-го лейб-гусарского Павловского е. и. в. полка¹⁵.

Что касается «неизвестного студента» на фотографии, то как мы уже заметили, им, по всей вероятности, был Живоин Жуевич (1838—1870)¹⁶, находившийся в начале 60-х годов прошлого столетия в Петербурге сначала в качестве студента С-Пб. духовной академии (1861—1863), а затем Петербургского университета (1864—1866). Друг П. А. Ровинского, Ж. Жуевич был весьма близок с русскими революционно-демократическими кругами в Петербурге¹⁷ в ту пору и общался со всеми сербами, про-

¹⁰ Надо полагать, что материалы Военно-исторического архива, которые нами еще не обследованы, прольют дополнительный свет на поставленный в настоящем сообщении вопрос.

¹¹ ЦГАОР, ф. 109 оп. 4, д. 497.

¹² АВПР, ф. «Славянский стол», 1860—1862, № 12850, л. 17. Воспитанники военно-учебных заведений. Вукович Марк, Петрович Максим.

¹³ Там же, л. 2.

¹⁴ Там же, л. 5—14 об.

¹⁵ АВПР, ф. «Славянский стол», 1868—1871, д. 2844, л. 2.

¹⁶ Сличение имеющейся в нашем распоряжении фотографии Ж. Жуевича этого периода с рассматриваемой в настоящем сообщении фотографией дает серьезные основания утверждать это.

¹⁷ По мнению Е. В. Михайлова, Ж. Жуевич мог быть членом «Земли и Воли» и входить в «Пятерку» П. А. Ровинского.

живавшими тогда в русской столице. Известно, что вместе с Ровинским он основал отдел «Славянские земли» в демократической газете «Очерки» (1863), сотрудничал в «Современнике», где опубликовал две монографические статьи: «Славянский юг» (1863) и «Сербское село» (1865)¹⁸.

Сообщенные выше факты пока не дают оснований сделать вполне определенные и безусловные выводы. Однако уже теперь ясно, что фронтальное изучение материалов о южнославянских воспитанниках русских военно-учебных заведений в XIX и начале XX в. таит в себе много интересного в богатой истории русско-южнославянских связей и отношений.

¹⁸ О Живоине Жуевиче см.: В. Г. К а р а с ј о. О сарадњи српског демократе Живојина Жујовића у листу «Голос». Матица српска. Зборник за друштвене науке, св. 51, Нови Сад, 1968 и другие его работы.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

«Братская дружба, всестороннее сотрудничество». М., Политиздат, 1969, 222 стр.

9 сентября 1969 г. болгарский народ, все трудящиеся стран социалистического содружества широко отметили 25-летний юбилей социалистической революции в Болгарии. Накануне этой знаменательной даты вышла книга «Братская дружба, всестороннее сотрудничество», в которой опубликованы статьи советских и болгарских партийных, государственных и общественных деятелей. Статьи написаны специально для этого издания.

Сборник посвящен сердечной дружбе и братскому единству народов Советского Союза и Народной Республики Болгарии. Он открывается статьей Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Друзья, союзники, братья», в которой указывается, что осуществленное под руководством БКП в обстановке широких наступательных действий Советской Армии восстание 9 сентября свергло монархо-фашистский режим, открыло путь к строительству социализма на болгарской земле, явилось новой вехой в развитии мирового революционного процесса (стр. 5).

Отметив глубокие преобразования, происшедшие в Болгарии за годы народной власти, автор подчеркивает значение равноправного и взаимовыгодного братского содружества между СССР и НРБ.

«Отношения солидарности, искренней дружбы и братства, сложившиеся между Советским Союзом и народной Болгарией, — говорится в статье, — яркий пример нового типа связей между государствами, пример действенного социалистического интернационализма. Они охватывают по существу все стороны жизни наших стран: партийную и хозяйственную работу, экономику, науку, вопросы культуры и внешней политики, организацию обороны» (стр. 6).

В статье убедительно раскрывается общность интересов, целей и судеб советского и болгарского народов, общность, являющаяся основой их тесного политического союза и плодотворного сотрудничества в борьбе за построение социализма, за мир и безопасность народов.

КПСС, БКП и другие братские партии, подчеркивает Л. И. Брежнев, последовательно проводят интернационали-

ческую политику, борются за сплоченность коммунистического движения и всех революционных сил современности.

В статье Первого секретаря ЦК БКП, Председателя Совета Министров НРБ Т. Живкова «Наш путь — путь болгаро-советской дружбы» рассказывается о развитии и укреплении болгаро-советской дружбы. Болгарский народ связывал с Россией свою надежду на национальное освобождение. Затем установились тесные братские связи между болгарским и русским революционным движением. После победы Октябрьской революции болгарский народ обратил свои взоры к Советскому Союзу. «В жизни болгарского народа, — пишет автор, — слились в одну полноводную реку два основных потока жизни: национальная независимость Родины и борьба за победу социализма. Эта река связывала в одно Болгарию с Советским Союзом, давала новую жизнь, новую силу, новый смысл болгаро-советской дружбе» (стр. 16).

Став на путь социалистического строительства, Болгария добилась замечательных успехов в развитии экономики и культуры. Национальный доход увеличился в пять раз, построены крупные промышленные предприятия, мелкое крестьянское хозяйство преобразовано в крупное кооперированное производство, народ стал хозяином своей судьбы и своей Родины. Все это, указывает Т. Живков, является результатом, плодом болгаро-советской дружбы (стр. 20).

Статья Члена Политбюро ЦК БКП, Председателя Всенародного комитета болгаро-советской дружбы Ц. Драгойчевой «Борьба болгарского народа против немецких оккупантов и монархо-фашистской диктатуры» дает представление о тяжелых испытаниях, пережитых народом в годы монархо-фашистского режима, и о его самоотверженной борьбе за национальную свободу и демократические преобразования. Организатором и руководителем всенародной борьбы была БКП. Творчески применяя марксистско-ленинское учение, БКП разработала программу борьбы за народную Болгарию, объединила в рядах Отчетственного фронта все демократические силы и возглавила

вооруженное восстание против реакционной буржуазии и немецких захватчиков. Народное восстание 9 сентября 1944 г. являлось народно-демократической революцией, в результате которой была установлена народная власть в стране. Болгарская армия приняла участие в окончательном разгроме гитлеровских войск.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза А. А. Гречко в статье «Освободительный поход Красной Армии в Болгарию» показывает, как зарождалось и крепло русско-болгарское боевое содружество. Русские и болгарские войска вместе сражались во время войн 1774 г., 1806—1812, 1828—1829, 1853—1856, 1877—1878 гг. Находившиеся в России болгарские военнопленные стали на сторону победившей Октябрьской революции. В годы второй мировой войны болгарский народ героически боролся против гитлеровских захватчиков. Красная Армия пришла ему на помощь. «Продвижение советских войск по болгарской земле, — отмечает А. А. Гречко, — вылилось в триумфальный освободительный поход Красной Армии, в яркую демонстрацию советско-болгарской дружбы, во всеобщее ликование болгарских трудящихся и советских воинов» (стр. 103).

Великая дружба советского и болгарского народов дала свои замечательные плоды в развитии социалистической экономики. В статье Члена Политбюро ЦК БКП, Заместителя Председателя Совета Министров НРБ Т. Цолова «Советско-болгарское экономическое сотрудничество — социалистическая интеграция в действии» приводятся интересные сведения о сотрудничестве двух братских стран. В настоящее время ярким примером этого сотрудничества является внешняя торговля. На долю Советского Союза приходится более 50% внешнеторгового оборота Болгарии. Машины и оборудование

составляют самую крупную статью в экспорте Советского Союза в Болгарию. В то же время СССР является самым крупным покупателем болгарских экспортных товаров. Советские кредиты, научно-техническая помощь позволили заново создать в Болгарии ряд отраслей промышленности.

В статье Президента Академии наук акад. М. В. Келдыша «Советско-болгарское сотрудничество в области науки, образования и культуры» говорится, что наряду с широкими контактами в области технических наук все более крепнут и расширяются творческие связи между советскими и болгарскими учеными в области общественных наук. Уже в первые годы после социалистической революции в Болгарии стали практиковаться поездки болгарских ученых в СССР и советских — в НРБ, специализация болгарских ученых в университетах и научных учреждениях Советского Союза. Проводились совместные симпозиумы, конференции и научные совещания. Крепли и расширялись сотрудничество и совместная борьба против буржуазных фальсификаторов, против отклонений от марксизма-ленинизма в общественных науках, активизировался обмен опытом между учеными. Планом научного сотрудничества между Академией наук СССР и Болгарской академией наук предусматривается ряд совместных научных трудов и публикаций.

В книге содержатся важные положения, глубокие выводы, ценные наблюдения о характере взаимоотношений между двумя социалистическими странами, о возможностях, открываемых социалистическим строем для всестороннего сотрудничества между ними на благо мира и дружбы между народами. Насыщенная богатым фактическим материалом, она представляет большой интерес для читателя.

Ф. Петров

ГУСТАВ ГУСАК. Свидетельство о Словацком национальном восстании.
Пер. со словацкого, М., 1969.

К 25-й годовщине Словацкого национального восстания в августе 1969 г. в Братиславе вышло второе исправленное издание книги Густава Гусака «Свидетельство о Словацком национальном восстании»¹. Издательство «Правда» в самом начале сентября 1969 г. выпустило ее на русском языке.

Теперь, не только специалисты, но и широкие массы читателей получили воз-

можность ознакомиться с одной из наиболее важных работ, посвященных знаменательному событию в жизни народов Чехословакии — Словацкому национальному восстанию. Она написана участником восстания, который был членом подпольного ЦК КПС и вместе с К. Шмидке стоял в центре происходящих событий. Г. Гусак, К. Шмидке и Л. Новомеский, возглавившие в то время Компартию Словакии, сыграли большую роль в разработке концепции словацкого движения Сопротивления на завершающем этапе войны, в организации всенародного вооруженного восстания против гитлеров-

¹ Gustáv Husák. Svedectvo o slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1969 г.

цев и фашистского режима Тисо. По инициативе был создан Словацкий национальный совет как общенациональный орган для руководства освободительной антифашистской борьбой, выработаны его программные документы. Под их руководством КПС проводила свою линию в Национальном фронте, отстаивая интересы рабочего класса и всех трудящихся, парализуя попытки чехословацкой буржуазной эмиграции использовать восстание в интересах укрепления своих политических и военных позиций в Словакии.

Поэтому вполне понятно значение фундаментальной работы о Словацком национальном восстании, написанной одним из его руководителей и выдающихся деятелей КПС и КПЧ. Свидетельство о восстании, как скромно назвал автор свою книгу, является не просто личными воспоминаниями хорошо осведомленного о событиях того времени человека, а глубоким исследованием по истории одного из самых крупных революционных выступлений словацкого народа, ставшего переломным моментом в его судьбах. Научный анализ событий и процессов, основанный на тщательном изучении документов, литературы и мемуаров, сочетается в книге с личными воспоминаниями, с осмыслением богатейшего опыта и знаний активного участника восстания. Автор книги обстоятельно раскрывает общедемократический характер антифашистской борьбы в Словакии, тесную связь ее с общеевропейским движением Сопротивления, с великими победами Советской Армии во второй мировой войне.

Книга состоит из трех частей: первая (главы 1—12) посвящена подготовке Словацкого национального восстания; вторая (главы 13—27) — его развитию; третья (главы 28—34) — завершению национально-освободительной борьбы. В них освещаются освободительная борьба словацкого народа, деятельность КПС и других антифашистских организаций на протяжении всего периода существования так называемого самостоятельного Словацкого государства, т. е. с марта 1939 до мая 1945 г. Естественно, что главное внимание автор уделяет непосредственной подготовке восстания и истории вооруженной борьбы — периоду 1943—1945 гг., оценивая его как переломный момент в судьбе народа и кульминационный пункт в его борьбе за свободу и новое общественное и политическое устройство республики.

В книге дается всестороннее научное обоснование точки зрения на Словацкое национальное восстание, в свое время разделявшейся всем руководством КПС и КПЧ, но позднее необоснованно отвергнутой чехословацкой историографией 50-х годов в связи с неправолибным обвинением части тогдашних членов ЦК КПС в «словацком буржуазном национализме». Г. Гусак как бы возрождает, но уже

на более широкой научной основе, с учетом новых документов и результатов научных исследований, первоначальную концепцию Словацкого национального восстания, которая была в общих чертах сформулирована в партийных документах, статьях и выступлениях К. Готвальда, К. Шмидке, Г. Гусака в период восстания и в первые послевоенные годы².

Сущность этой концепции, если ее определять кратко, состоит в том, что восстание долго и тщательно готовилось нелегальным руководством КПС на основе январского (1943 г.) решения Президиума Исполкома Коминтерна и директив Московского центра КПЧ. Созданный в 1943 г. V нелегальный ЦК КПС, учитывая коренные изменения в ходе войны, огромное революционизирующее воздействие на словацкий народ побед Советской Армии и обстановку внутри страны, в соответствии с общими указаниями ИККИ и советами товарищей Г. Димитрова и К. Готвальда, выработал концепцию развития антифашистского движения Сопротивления в Словакии на завершающем этапе войны, концепцию борьбы за сплочение всех демократических и антифашистских сил в едином Национальном фронте и подготовку всенародного восстания против фашистского режима Тисо и гитлеровцев³. КПС готовила вос-

² См. письмо К. Готвальда от 23 августа 1944 г. руководству КПС в сб. документов «Cesta ke květnu», d. 1, č. 1, s. 178 и сл. K. G o t t w a l d. Otkaz slovenského národného povstania zaväzuje. «Pravda», 28 VIII 1945; ег о ж е. K druhému výročí Slovenského národného povstania, «Pravda», 29 VIII 1947; K. Š m i d k e. Partizáni včera a dnes. «Partizan», 1945, č. 1; ег о ж е. K 2. výročí Slovenského Národného povstania. «Hlas oslobodených», 30 VIII 1946; ег о ж е. Dve vit'azstva slovenského národa «Východná Pravda», 1946, č. 3; G. H u s á k. Dr. G. Husák hovoří. «Bojovník», 31 VIII 1946; ег о ж е. K prvému výročí. «Novo Slovo», 1945 № 2; ег о ж е. Pod zorným uhľom povstania. «Novo Slovo», 1947, č. 35—36 и др.

³ В Чехословакии в последние годы вышло большое количество исследований и публикаций, посвященных Словацкому национальному восстанию. Наиболее крупные из них: «Dějinná křižovatka. Slovenské národní povstanie, předroklady a výsledky», Praha, 1964; E. E r i š. Povstanie zdaleka a zblízka. Bratislava, 1964; S. F a l t a n. O slovenskom národnom povstanie. Bratislava, 1964; «Slovenske národné povstanie. Dokumenty». Bratislava, 1965; J. J a b l o n i c k ý. Slovensko na prelome. Bratislava, 1965; L. L i p t a k. Slovensko v. 20. storočí. Bratislava, 1968 и др.

стане как народную революционную войну против фашизма, — подчеркивает Г. Гусак, как революцию, в которой выступит вооруженный народ и армия (стр. 124).

В книге глубоко раскрывается деятельность КПС по созданию Национального фронта, организации партизанского движения, привлечению армии на сторону восстания, созданию революционных национальных комитетов как единых органов руководства борьбой против фашизма; рассказывается об интригах чехословацкого эмигрантского правительства, его планах использования восстания в интересах укрепления своих военных и политических позиций в Словакии и противодействие им со стороны КПС; освещается разработка плана восстания и координация его с наступательными действиями Советской Армии.

Характеризуя план восстания, подготовленный военным центром и согласованный со Словацким национальным советом (СНС), Г. Гусак высоко оценивает объективную возможность, которая открывалась в случае осуществления его в оптимальном варианте. Это могло бы, по его мнению, привести к существенному изменению соотношения сил в Центральной Европе (стр. 129). Намечалось использовать возможность быстрого продвижения Советской Армии по территории Словакии, которая не была еще тогда оккупирована немецкими войсками. Большие надежды при этом возлагались на две словацкие дивизии и некоторые другие воинские части. Предполагалось, что эти дивизии смогут захватить и удержать перевалы через Карпаты, обеспечить приход советских войск в Словакию и быстрое их продвижение в Дунайскую низменность.

Руководство КПС и СНС стремилось осуществить заблаговременную координацию планов. К сожалению, словацкие антифашисты не имели в то время непосредственной связи с СССР, а попытки координировать свои планы через чехословацкое правительство в Лондоне натолкнулись на его решительное противодействие.

В книге много внимания уделяется освещению хода восстания, деятельности руководства КПС и партийных организаций по мобилизации масс на борьбу против вторгнувшихся гитлеровских дивизий, совместной борьбе против них партизан и повстанческой армии на разных участках фронта. Анализируется работа СНС, взявшего в свои руки всю полноту власти на освобожденной территории, и деятельность национальных комитетов и других революционных организаций, возникших в ходе восстания.

Автор подчеркивает, что одна из характерных особенностей Словацкого на-

ционального восстания, выросшего из антифашистского движения Сопротивления, состояла в том, что оно ориентировалось на Советский Союз, на совместную с ним и другими прогрессивными силами мира борьбу против оплота международной реакции — гитлеровского фашизма, за его разгром, за прогрессивное социальное развитие Чехословакии после ее освобождения. КПС последовательно отстаивала эту ориентацию антифашистского движения Словакии на СССР и добилась того, что весь Национальный фронт принял ее и включил в программные документы Словацкого национального совета.

Автор высоко оценивает значение великих побед советского народа в Отечественной войне, раскрывает их значение для Словацкого восстания и всего освободительного движения в Европе. Помощь Советского Союза Словацкому восстанию автор рассматривает как решающий фактор, обеспечивший условия для того, чтобы повстанцы в течение двух месяцев смогли противостоять гитлеровским войскам.

С большим интересом читаются и главы книги, в которых рассматривается политика Бенеша и его сторонников в годы войны, особенно накануне и в ходе восстания, а также в период Московских переговоров. Г. Гусак оценивает политику Бенеша не по официальным заявлениям и декларациям, как это делают некоторые буржуазные историки, а вскрывает ее классовую сущность, часто замаскированную и затуманенную ради обмана народа, и показывает ее зависимость от обстановки и объективного хода событий. Очень убедительно обрисован провал первоначальной концепции чехословацкой буржуазной эмиграции во главе с Бенешем, рассчитанной на восстановление довоенных порядков в Чехословакии. Вместе с тем показано торжество политики Коммунистической партии Чехословакии в освободительной борьбе народа.

В книге подчеркнута выдающаяся роль К. Готвальда и Московского руководства КПЧ в деле организации движения Сопротивления, в оказании помощи Словацкому национальному восстанию, в проведении Московских переговоров с представителями лондонской чехословацкой эмиграции, в разработке Кошицкой правительственной программы и формировании правительства Национального фронта.

Выход в свет на русском языке фундаментальной работы Г. Гусака о Словацком национальном восстании — большое событие в науке. Книга послужит дальнейшему укреплению братской советско-чехословацкой дружбы.

П. И. Резонов

ЗЕНОН КЛИШКО. Варшавское восстание. Статьи, речи, воспоминания, документы. Пер. с польского. М., Политиздат, 1969, 278 стр.

Автор книги Зенон Клишко — видный деятель польского рабочего движения, секретарь ЦК ПОРП, непосредственный участник описываемых событий. Наряду со статьями и воспоминаниями, посвященными Варшавскому восстанию, в нее включены статьи по истории Польской рабочей партии, написанные автором в связи с 15 и 25 годовщинами ППР, более 30 архивных документов (приказы, донесения, письма, заявления), характеризующих деятельность руководства Армии крайовой, Армии людовой, действия 1-го Белорусского фронта во время восстания.

Приведенные в книге материалы позволяют понять и оценить состояние в Варшаве — «одну из самых трагических страниц в новейшей истории Польши» (стр. 3) в строгом историческом контексте политических и идеологических проблем польского национально-освободительного движения в годы второй мировой войны.

В самом определении восстания, как «битвы идей, исторического столкновения лагеря польской реакции с лагерем польской демократии» (стр. 67) содержится различие между двумя полюсами польского сопротивления. На одном — силы реакции, представляемые лондонским эмигрантским правительством и его политическим представительством (Делегатурой) в стране, на другом — прогрессивные, демократические силы, возглавляемые Польской рабочей партией.

Две политические концепции в освободительном движении народа и относительно характера будущей независимой Польши. Противоречащая объективному ходу событий, искусственно создаваемая представителями буржуазно-помещичьих слоев, пропитанная ядом антисоветизма концепция «двух врагов» и связанная с ней тактика «стоять с оружием у ноги» выражала эгоистические, узко-классовые интересы господствующих кругов довоенной, буржуазно-помещичьей Польши, которые, формально отмежевываясь от обанкротившейся политики санации, в сущности продолжали жертвовать жизненными интересами народа во имя сохранения своего господства. И концепция польской демократии, рожденная объективным ходом исторических событий, выражала чаяния широких народных масс, выступающих за национальное и социальное освобождение, с программой решительной борьбы с фашистскими захватчиками на стороне Советского Союза и демократических преобразований в освобожденной стране.

На неопровержимых фактах в книге убедительно показана пагубная, антинародная сущность политики лондонского лагеря, срывавшего создание единого на-

ционального фронта борьбы с фашизмом, за который выступала партия рабочего класса — ППР.

Не для борьбы с врагом, подчеркивает З. Клишко, эмигрантское правительство и Делегататура создавали вооруженные силы — Армию крайову, а «1) для вооруженной охраны „лондонского“ аппарата государственной власти, который должен был бы приступить к исполнению обязанностей в момент окончательного разгрома Германии; 2) для вооруженной и политической демонстрации против Советского Союза в момент освобождения польских земель Красной Армией; 3) для непосредственной борьбы с лагерем левых сил в защиту классовых интересов капиталистов и помещиков, за восстановление в стране досентябрьских порядков» (стр. 84).

Теми же узкоклассовыми антинациональными интересами руководствовались правящие круги Польши и во внешней политике. Показательна в этом отношении история с выводом из СССР армии Андерса, руководство которой отказалось от похода армии для освобождения страны «самым коротким путем», а, следуя той же теории «двух врагов» предпочло направиться через Тегерап — Иерусалим — Будапешт — Львов. Через этот «фантастически запланированный путь» буржуазные политики намеревались реализовать «концессию центрально-европейской федерации, чьим руководителем и главной силой должна была стать буржуазно-помещичья Польша в ее довоенных границах» (стр. 131).

Деятельность эмигрантского правительства и объединенных вокруг него политических группировок характеризовалась и систематической яркой антисоветской пропагандой, имевшей целью дезориентировать общественное мнение в стране, не допустить роста демократических настроений в народе, посеять среди населения чувство недоверия и вражды к Советскому Союзу, армии которого предстояло освобождать территорию Польши. «При чтении тогдашней подпольной прессы представительства эмигрантского правительства, — замечает автор, — создается впечатление, будто главным врагом Польши и всей Европы является Советский Союз, а не гитлеровская Германия, которая эту Европу оккупировала и убивала ее жителей в тюрьмах и концентрационных лагерях» (стр. 132).

В условиях жесточайшей гитлеровской оккупации единственно правильной и реальной альтернативой теории «двух врагов» явилась программа Польской рабочей партии. Выражая интересы рабочего класса и трудящихся масс народа, ППР объявила бескомпромиссную борь-

бу с оккупантами, последовательно добивалась организации общенародного фронта в этой борьбе, выступила с конкретной программой создания пародно-демократической Польши, которая в интересах мира и собственной безопасности опиралась бы на тесный, дружественный союз с СССР. Организованные партией вооруженные отряды Гвардии людовой, позднее Армии людовой, своими боевыми действиями наносили ощутимые удары по врагу, поднимая дух сопротивления в народе, все шире привлекая лучшие силы на сторону рабочего класса и его партии. Под влиянием ППР формировались радикальные течения в социалистической и крестьянской партиях, руководство которых по-прежнему оставалось на антисоветских позициях.

И если ППР «была готова подчинить свои социально-экономические требования» идее национального единства, видя в борьбе с фашизмом «главную национальную задачу поляков», то правящая группировка упорно отвергала как идею вооруженной борьбы, так и идею союза с СССР. Более того, руководство лондонского лагеря от первоначального игнорирования ППР перешло, по мере роста сил и влияния последней в стране, к преследованию и физической расправе над коммунистами, представителями польской демократии. В своей предательской политике реакция не останавливалась даже перед сотрудничеством с оккупантами, о чем свидетельствует деятельность печально известного Общественного антикоммунистического комитета, созданного представительством эмигрантского правительства при Раде единости народной.

И когда под ударами советских войск гитлеровцы начали быстро откатываться на запад, когда Красная Армия вместе с подразделениями 1-й Польской армии начала освобождать территорию Польши, руководство Армии крайовой по указанию эмигрантского правительства решило «как можно скорее захватить власть в Варшаве для своей реакционной клики» (стр. 72). Таким образом, восстание по замыслу его инспирировщиков представляло не патриотическую акцию, а политическую авантюру, направленную прежде всего против демократических сил, представленных Польским комитетом национального освобождения. «Попытка овладеть Варшавой частями АК до вступления Советской Армии, выход из подполья представительства эмигрантского правительства и получение им всей гражданской власти в столице Польши — все это было направлено против ПКНО, против новой, народной власти, так как должно было показать миру, кто имеет действительную власть в стране и поставить лагерь левых сил перед свершившимися фактами» (стр. 128—129). Такова историческая правда, и в книге на каждой стра-

нице эта правда раскрывается со всей последовательностью и убедительностью.

Из анализа двух концепций освободительной борьбы логически вытекает необходимость различать две стороны в Варшавском восстании: беспримерный героизм и самоотверженность жителей столицы, поднявшихся на борьбу с ненавистным врагом и «принесших на алтарь Отчизны неисчислимые жертвы» — с одной стороны, и «беспримерный цинизм, глупость и преступное сумасбродство людей, которые под руководством Миколайчика воспользовались героизмом и самоотверженностью Варшавы» — с другой (стр. 80). Второй аспект восстания — это «классовая сущность клики, состоявшей из сторонников санации, вуереновцев, эндеков..., которые хотели повернуть колесо истории вспять» (стр. 80), пожертвовав ради этого жизнями более 200 тыс. мирных жителей и судьбой города.

Опровергая измышления ряда авторов из лондонского лагеря, пытающихся оправдать свои действия якобы имевшими место планами ППР и Армии людовой поднять восстание, автор четко излагает позицию Польской рабочей партии о вооруженной борьбе. В принципиально отличной концепции ППР идея восстания связывалась с возможностью общенародного выступления и обуславливалась необходимостью тщательной подготовки, предварительного согласования и тесного взаимодействия с войсками антигитлеровской коалиции и в первую очередь с Советской Армией. Как далеко сможет продвигнуться наступление советских войск в июле 1944 г.? Достаточно ли сил и средств у 1 Белорусского фронта, чтобы с ходу форсировать Вислу и освободить Варшаву? В то время руководство партии, как показывает З. Клишко, серьезно занималось этими вопросами и действовало с учетом конкретной обстановки.

В этой связи автор опровергает еще один лживый довод инспирировщиков восстания, выдвигаемый в оправдание его поражения, о том, что войска 1 Белорусского фронта якобы были в состоянии занять Варшаву в июле 1944 г. и не сделал этого по мотивам «невоенного характера». Ряд конкретных фактов, взятых из различных источников, личные наблюдения автора, подтверждают стратегическое превосходство немецких войск в районе Варшавы, которое противнику удалось создать к концу июля за счет прибытия новых подкреплений, в их числе четырех танковых дивизий. В книге приводятся отрывки из беседы британского корреспондента А. Верта с маршалом К. Рокоссовским, состоявшейся в Люблине в августе 1944 г. В ходе беседы командующий 1 Белорусским фронтом высказал свое мнение о реальных возможностях вооруженного восстания в Варшаве, которое «могло бы оказаться ус-

пешным, если бы оно было тщательно скоординировано с действиями Красной Армии». И далее: «Правильный выбор времени являлся здесь делом огромной важности. Варшавские повстанцы были плохо вооружены, и восстание имело бы смысл только в том случае, если бы мы были уже готовы вступить в Варшаву. Подобной готовности у нас не было...» (стр. 226).

Это важнейшее условие, необходимое для успеха восстания, преднамеренно игнорировало руководство АК во главе с командующим Бур-Комаровским, не согласовав вопроса о восстании ни с АЛ, ни со всеми вооруженными польскими силами, ни с Красной Армией. Если бы имелось такое соглашение, подчеркивает З. Клишко, восстание не началось бы 1 августа 1944 г., но отказ от соглашения для руководителей АК явился «самым главным условием начала восстания» (стр. 87).

Затеявая вооруженное выступление как «кратковременную политическую демонстрацию», руководство АК не имело даже четко разработанного военного плана и с самого начала восстания оказалось не в состоянии осуществлять единое оперативное управление расчлененными, изолированными один от другого отрядами повстанцев, в рядах которых насчитывалось всего 16 тыс. человек, из них только немногим более трех тыс. были вооружены личным оружием. Все это облегчало гитлеровцам поочередно подавлять отдельные очаги восстания, используя самые варварские средства разрушения.

Руководство ППР начало восстания в тогдашней обстановке считало грубой ошибкой и политическим безумием. Но исходя из того, что восстание, начавшись, «перестало быть делом лишь небольшой группы дельцов и санационных самозванцев, а стало общенациональным делом» (стр. 63), члены ППР, левых группировок, все солдаты Армии людовой, находившиеся в Варшаве, заняли места на баррикадах. В боях с гитлеровцами отдали свои жизни коммунисты, многие активисты партии. При обороне Старого Мясца погибли члены штаба Армии людовой.

На многих убедительных примерах З. Клишко показывает, как при всех неизменных трудностях представители ППР и АЛ до конца оставались верны идее объединения демократических сил, идее совместных действий в борьбе с фашистами. Несмотря на то, что руководство Армии крайовой всячески саботировало усилия Армии людовой создать совместное командование восстанием, «на отдельных участках борьбы и баррикадах появлялось совместное руководство» (стр. 65). «В суровых условиях борьбы против общего врага,— продолжает автор книги,— рождалось братство по оружию солдат Армии людовой и Армии крайовой» (стр. 66). Наиболее плодотвор-

ным такое сотрудничество было между отрядами повстанцев в районе Жолибже, где с первого по последний день восстания политическим руководителем отряда Армии людовой был автор книги. Только некоторые офицеры из штаба АК «относились к АЛ с недоверием и даже ненавистью. На передовой же линии было совершенно иначе, перед лицом непосредственной и общей для всех опасности,— вспоминает З. Клишко,— боевое взаимодействие солдат АЛ и АК складывалось очень хорошо» (стр. 166).

Но если такое взаимодействие и могло возникнуть «на передовой», то командование Армии крайовой даже в наиболее критической обстановке устранилось от совместных действий, от установления связи с частями Красной Армии и Войска Польского, к середине сентября занявшими на правом берегу Вислы Прагу, предместье Варшавы, и всеми возможными путями оказывавшими повстанцам помощь вооружением, продовольствием, медикаментами¹.

С большим драматизмом описаны события на Жолибже — последнем, героическом участке восстания. Когда стало ясно, что уже ничто не в состоянии спасти участников восстания от поражения, руководство отряда Армии людовой после договоренности с командованием советских войск сделало последнюю попытку вывести из вражеского кольца оставшиеся 2000 бойцов АК и АЛ, предложив командирю отряда АК вместе осуществить переправу на правый берег Вислы. Руководство Армии крайовой, стремясь любой ценой не допустить соединения своих солдат с воинами Войска Польского и Красной Армии, предпочло переправе капитуляцию. Немецкое командование было хорошо осведомлено о политической позиции руководства АК и использовало это, предложив капитуляцию «польским националистам, а не большевикам»².

¹ В донесении командования I Белорусского фронта Верховному Главнокомандующему приводятся следующие данные, характеризующие эту помощь: 1478 автоматов, 156 минометов 55-м.м., 505 противотанковых ружей, 1069 винтовок и карабинов, более 500 тыс. ручных гранат, 875 кг медикаментов, 131 221 кг разного продовольствия. Причем, как отмечает З. Клишко, большинство грузов, сбрасываемых советской авиацией, попадало в руки повстанцев, в то время как помощь западных союзников, сброшенная английскими самолетами с большой высоты, почти вся оказалась на территории, занятой немцами (стр. 265).

² Из ультиматума командующего войсками в районе Варшавы обергруппенфюрера СС и генерала полиции фон дем Баха командирю польских повстанцев на Жолибже от 17 сентября 1944 г., стр. 231.

«Так или иначе, немцам был на руку крах плана перебравы на правый берег Вислы всей жюлибюжской группировки Армии крайовой и Армии людовой, провал концепции национального единства, сложившегося в совместной борьбе против оккупантов, которая в будущем могла бы воспрепятствовать организации антинатродного подполья и помочь правильному решению запутанных проблем Армии крайовой» (стр. 198) — таков еще один довод, разоблачающий антинатродную губительную политику лондонского лагеря.

На совести этих политиков лежит ответственность за трагические последствия восстания, за варварское разрушение города, за смерть сотен тысяч его жителей. В книге с неумолимой логикой доказывается закономерность исторического банкротства правящих классов, которые «не хотели и не умели заручиться поддержкой народных масс ... в борьбе за демократическое возрождение страны» (стр. 92) и в силу этого «уже не могли решающим образом повлиять на судьбы народа, не могли повернуть вспять колесо истории и помешать рождению новой, народной Польши» (стр. 104).

Особая ценность книги в ее исторической глубине, в аргументированных, исчерпывающих характеристиках описываемых явлений, в четкой классовой, партийной позиции автора.

Размышляя над ходом и причинами поражения Варшавского восстания, автор касается национальных и социальнo-исторических особенностей освободительных восстаний польского народа. Начиная с XIX в., в каждом из таких восстаний привилегированные классы (пшлякта, позднее — буржуазия), стремились на волне народного патриотизма решать свои классовые интересы, пренебрегая интересами народных масс. В этом смысле Варшавское восстание представляло собой последний пример спекуляции на национальных чувствах народа, «один из последних политических актов, уходящих с исторической арены классов» (стр. 102).

Отныне судьбы польской нации брала в свои руки партия рабочего класса в лице ПНР, которая правильным сочетанием классовых и национальных интересов осуществила «поворот в политических концепциях польского рабочего движения» (стр. 209).

В статьях, специально посвященных истории ПНР, дается подробная характеристика программных установок партии, раскрывается ее историческая заслуга в определении правильных путей национального и социального возрождения польского народа. Объединение всего народа «вокруг рабочего класса и под его руководством» в программных установках ПНР непосредственно связывается с идеей тесного союза с первым в мире социалистическим государством, причем «не только на классовой основе, но — и это было новым моментом — также на основе государственных и национальных интересов» (стр. 209).

Дружба с Советским Союзом, в противовес пагубной антисоветской политике имущих классов, была провозглашена Польской рабочей партией «главнейшим принципом международных отношений» (стр. 213). И если народная Польша стала «нерушимым и важным звеном мировой социалистической системы», следует помнить о том, подчеркивает в заключение своей книги З. Клишко, что «фундамент социалистического развития Польши был заложен Польской рабочей партией» (стр. 214).

Особенностью рецензируемой книги является то, что она, по признанию ее автора, рождалась в течение 20 лет. Первая статья «Как боролся и пал Жюлибюж», переданная по радио и опубликованная в газете «Жеч Посполита» 6 октября 1944 г., появилась, что называется, по горячим следам событий, спустя пять дней после окончательного поражения восстания в Варшаве.

Спустя 22 года увидели свет «Воспоминания и размышления», в которых нашли отражение глубокие исторические и политические раздумья автора о Варшавском восстании. Но от первой до последней страницы книга воспринимается как единое органическое целое. Может быть, оттого, что с начала и до конца посвящена она одному и тому же герою — народу. Его страданиям, его борьбе, его победе.

И в этом, пожалуй, основное достоинство книги, представляющей огромную ценность как для научных работников, так и для самого широкого круга читателей, интересующихся историей братской народной Польши.

А. Кавко

ПОЛОЖЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ В 1945 г. В ДОКУМЕНТАХ АМЕРИКАНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ

1945 год вошел в историю Югославии как один из важнейших рубежей в развитии югославских народов. После четырехлетней кровавой оккупации и героической освободительной войны вес-

ной 1945 г. захватчики были окончательно изгнаны из страны. Одновременно борьба против оккупантов и коллаборационистов явилась в Югославии глубокой социальной революцией. Она покочила

со старым буржуазным порядком, привела к возникновению народно-демократического федеративного государства. И год освобождения стал вместе с тем годом завершения революции, создания основ для вступления провозглашенной 29 ноября республики на путь строительства социализма. Поэтому внимательный анализ бурных событий, которыми был так насыщен переходный 1945 г., весьма важен в исследовании как самой югославской революции, так и определенных аспектов открытого ею последующего этапа в развитии Югославии.

Между тем, как и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы, утверждение народно-демократического строя в Югославии проходило, с одной стороны, в острой борьбе против враждебной политики западных держав, стремившихся здесь к буржуазной реставрации, с другой, — при постоянной поддержке и помощи Советского Союза, выступавшего главным международным гарантом защиты нового государства. Это обстоятельство во многом определило то особое значение, какое приобретают при изучении югославской ситуации в 1945 г. — причем не только во внешнеполитических, но и во внутренних аспектах — советские, английские и американские дипломатические документы. И понятно, что публикации таких документов представляют огромный интерес.

Важным источником для рассмотрения положения в Югославии в 1945 г. являются, в частности, советские документальные публикации¹, раскрывающие ряд чрезвычайно существенных моментов той борьбы, в которой утверждалась новая Югославия.

Значительный материал дают изданные в последние годы в США публикации американских дипломатических документов.

Немалый интерес представляли вышедшие в 1947—1948 гг. VII и VIII тома серии «Документы американской внешней политики»², включавшей только документы, ранее уже публиковавшиеся в официальных (прежде всего в «Бюлле-

тене государственного департамента» — «Department of State Bulletin») либо в неофициальных изданиях. Хотя следует заметить, что югославская тематика была там представлена довольно скромно.

Несравненно более интересными явились материалы другой, начатой еще в прошлом веке многоотомной документальной серии, выходящей ныне под названием «Внешняя политика Соединенных Штатов. Дипломатические бумаги» (официальное издание государственного департамента США). В отличие от предыдущей эта публикация, во-первых, включает архивные документы, а, во-вторых, содержит весьма богатый материал по Югославии. Причем как раз 1945 г. дан тут очень широко: в 1955 г. был выпущен специальный том документов, связанных с проведением встречи между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом на Мальте 30 января — 2 февраля 1945 г. и Крымской конференции «большой тройки»³; в 1960 г. вышел в свет двухтомник по Потсдамской конференции⁴, в 1967—1968 гг. пять томов публикации по 1945 г.⁵

Ценность этого издания в том, что здесь представлены в основном не публичные декларации, преследующие зачастую цель как раз скрыть истинные намерения их авторов, а рабочие бумаги американской дипломатической службы. Это всевозможные подготовительные материалы в связи с выработкой позиции США по различным внешнеполитическим проблемам, обзоры международного положения и ситуации в отдельных странах, американские записи бесед с иностранными представителями как во время двусторонних переговоров, так и на крупных международных встречах, меморандумы, ноты, памятные записки, направлявшиеся другим странам и в свою очередь получаемые от них, наконец, что чрезвычайно интересно, донесения дипломатических представителей США за границей и инструкции, которые посылал им государственный департамент. И хотя при публикации производился, разумеется, тщательный отбор, так что, когда в текстах упоминаются другие связанные с данным вопросом служебные документы, подстрочные примечания пестрят sacramентальным «not printed», хотя все даже столь строго отобранные материалы подвергались еще редактированию в соответствии со специ-

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Документы и материалы, т. III. Госполитиздат, 1947; «Внешняя политика Советского Союза. 1945 год». Документы и материалы. Госполитиздат, 1949; «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг.», т. I, II. М., 1957; «Тегеран — Ялта — Потсдам», М., 1967.

² «Documents on American Foreign Relations» (далее DAFR), v. VII—VIII. Princeton University Press, 1947—1948. Эта серия издавалась так называемым Всемирным фондом мира.

³ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. 1945» (далее CMY). Washington, 1955.

⁴ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945» (далее CB), v. I—II. Washington, 1960.

⁵ «Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945» (далее FRUS), v. I—V. Washington, 1967—1968.

альными распоряжениями госдепартамента от 26 марта 1925 г., а затем от 15 июня 1961 г., — деловой, рабочий характер включаемых в издание документов позволяет в определенной мере увидеть то, что находилось за фасадом не только внешней политики США, но и вообще событий, оказавшихся в ее поле зрения. А поскольку югославская проблематика занимала в 1945 г. значительное место в международных делах и в деятельности американской дипломатии, публикация госдепартамента содержит множество для историка крайне любопытных и оригинальных документов, раскрывающих немало важных сторон внешнеполитического и даже внутреннего положения Югославии.

В этот момент, когда борьба за окончательное освобождение Югославии находилась в самом разгаре и ДФЮ, возникшая из системы повстанческой власти, становилась государством в полном смысле слова, внешнеполитическая служба США лихорадочно искала средства, чтобы не допустить победоносного завершения югославской освободительной борьбы и революции. Чрезвычайно интересны здесь, например, относящиеся к январю 1945 г. служебные материалы госдепартамента, такие как специальный подготовительный документ, суммирующий «принципиальные югославские проблемы» (СМУ, р. 262—265), или меморандум руководителя отдела по делам Южной Европы К. Кэннона по поводу положения в Югославии (FRUS, 1945, v. V, p. 1192—1194). Помимо выпадов против народно-освободительного движения, обвинений его в «терроризме», «гегемонизме» и т. п. и нескрываемых опасений ввиду его успехов, документы эти сплошь заняты выяснением того, на какие силы внутри страны можно было бы опереться как на противодействующие факторы, способные помешать утверждению и стабилизации народно-демократического строя. При этом всего за четыре месяца до конца войны особое внимание обращалось не только на правое руководство Хорватской крестьянской партии, фактически сотрудничавшее с оккупационно-квислинговским режимом, но и все еще даже на прямо присоединившихся к врагу четников Михайловича, пользовавшегося, как видно из документов, безусловным сочувствием США.

Пытаясь создать сколько-нибудь действительный контрреволюционный противовес новой Югославии, прежде всего в еще неосвобожденных к началу 1945 г. западных районах страны, американцы должны были, однако, с недовольством констатировать серьезное превосходство руководимого коммунистами народно-освободительного движения и окончательно утверждавшегося государства. При этом упоминавшийся, к примеру, меморандум Кэннона в качестве одного из первоочередных «важных факторов» югослав-

ской ситуации отмечал приход в Югославию советских войск, принявших участие в освобождении страны. Поддержка ДФЮ Советским Союзом и его армией была одной из главных причин, которая принуждала США и Англию воздерживаться от непосредственного вооруженного вмешательства в югославские дела, заставляла их в своих комбинациях против новой Югославии так или иначе считаться с ее реальным существованием.

Как известно, одной из таких комбинаций явились попытки, предпринимавшиеся в первую очередь Англией, использовать для подрыва ДФЮ компромиссное соглашение, заключенное в ноябре 1944 г. между председателем Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ) маршалом Тито и эмигрантским премьером И. Шубашичем. Соглашение Тито — Шубашич давало незначительной части югославской буржуазии возможность некоторой политической легализации в освобождаемой стране и доступа к государственному управлению путем создания объединенного временного правительства, куда входили члены как НКОЮ, так и эмигрантского кабинета. Но практически соглашение сохраняло всю созданную в ходе освобождения систему народной власти и федеративное устройство страны. Такого рода уступки, на которые Шубашич должен был пойти ввиду сильных позиций новой Югославии, особенно в условиях успешного освобождения страны и решительной поддержки ДФЮ со стороны Советского Союза, были встречены в штыки большей частью югославской буржуазной эмиграции и реакционных кругов на Западе. Югославский король Петр отказывался санкционировать соглашение Тито — Шубашич, и 1945 год начался в обстановке разгоревшейся вокруг этого острой борьбы, имевшей немаловажное значение особенно с точки зрения международного положения новой Югославии, поскольку создание единого правительства обеспечивало дипломатическое признание ДФЮ всеми государствами антигитлеровской коалиции.

Анализ опубликованных материалов госдепартамента позволяет гораздо полнее и лучше понять многие перипетии этой борьбы, в том числе ряд существенных ее сторон, получавших до сих пор не совсем точное толкование в литературе.

Весьма любопытным является здесь, в частности, вопрос о роли Англии и США в obstructионистской позиции Петра. По этому поводу высказывались разные точки зрения. Так Г. М. Славин считал, что «английское и американское правительства поощряли югославского монарха, полагая, что его obstructция вынудит НКОЮ пойти на уступки в деле формирования объединенного правитель-

ства»⁶. Споря с такой оценкой, И. Морянович утверждал, что «наряду с англо-американской поддержкой на него (Петра.— Л. Г.) с той же стороны осуществилось и давление»⁷. При всем различии оба автора сходятся тут в одном — они идентифицируют позиции английского и американского правительства в отношении соглашения Тито — Шубашич. Между тем материалы американских дипломатических публикаций показывают, что, хотя и Англия и США в равной мере стремились воспрепятствовать утверждению революционных завоеваний югославских народов в освободительной борьбе, их конкретные планы в осуществлении этой цели были не одинаковы. Несмотря на неудовлетворенность соглашением Тито — Шубашич ввиду больших выгод, получаемых революционным лагерем, У. Черчилль, не видя иного выхода, стоял все-таки за осуществление соглашения, надеясь как-то использовать его в качестве «тройного коня» против ДФЮ. Соответственно английские руководители, как видно из англо-американских переговоров и дипломатической переписки по этому поводу, а также из сообщений послов США в Лондоне и при дворе Петра, настаивали на скорейшем санкционировании соглашения и назначении регентов, приемлемых для НКЮЮ, оказывая давление на югославского короля и даже прося тут содействия со стороны американцев (СМУ, р. 259—260, 261; FRUS, 1945, v. V, р. 1175—1177, 1179, 1182—1184, 1185—1187, 1190, 1194, 1205 etc.). Британское правительство опасалось, что отказ от соглашения и даже промедление с его реализацией окончательно разрушат последние шансы югославской эмиграции (FRUS, 1945, v. V, р. 1176, 1183). Как заявлял советник посольства Англии в Вашингтоне заместителю государственного секретаря, «если не будет предпринята незамедлительная акция, Советское правительство может опередить признанием маршала Тито» (FRUS, 1945, v. V, р. 1184). Позиция СССР, действовавшего в интересах укрепления ДФЮ, чрезвычайно тревожила британскую дипломатию. Не случайно несколько дней спустя, 27 января английское посольство в США в своей памятной записке вновь с тревогой обращало внимание американцев на то, что «Сталин хотел бы видеть соглашение Тито — Шубашич вступившим в силу сразу», причем с признанием тремя союзными державами без всяких оговорок (СМУ, р. 261; FRUS, 1945, v. V, р. 1190).

⁶ «История Югославии», т. II. М., 1963, стр. 248; Г. М. С л а в и н. Освободительная война в Югославии (1941—1945 гг.). М., 1965, стр. 129.

⁷ Ред. на т. II. «История Югославии». — «Jugoslovenski istorijski časopis», 1964, br. 4, s. 139.

Не поощряя поэтому Петра в его обструкции, англичане вместе с тем старались извлечь из нее выгоды, касающиеся изменения соглашения Тито — Шубашич в интересах буржуазии. Но связано это было прежде всего не с вопросами формирования объединенного правительства, а с планом включения в АВНОЮ части депутатов предвоенной скупщины, который был выдвинут И. Шубашичем во время беседы с У. Черчиллем 7 января и вновь предложен министром иностранных дел Англии А. Иденом на встрече с Петром 9 января (FRUS, 1945, v. V, р. 1175)⁸.

Что же касается американской позиции в отношении соглашения Тито — Шубашич, которое государственный секретарь Э. Стетиниус сразу же отнес к событиям, представляющим «особый интерес» (СМУ, р. 250), то она несколько отличалась от английской. Опубликованные документы госдепартамента, в частности материалы дипломатических контактов с англичанами и инструкции послам в Англии и при югославском королевском дворе, показывают, что хотя США и не выступали прямо против соглашения, они в тот момент серьезно сомневались в возможности его использования против народно-демократического строя. И потому не только не оказывали никакого давления на Петра для прекращения обструкции с его стороны, а действовали как раз в противоположном направлении, фактически поддерживая югославского монарха усиленным подчеркиванием того, что не считают уместным вмешиваться в дела, относящиеся к его компетенции, и намеренно ставя судьбу соглашения Тито — Шубашич в зависимость от королевского решения (СМУ, р. 255—256, 260, 261—262; FRUS, 1945, v. V, р. 1174, 1180—1181, 1205 etc.).

Причины подобной политической линии — достаточно сложный вопрос, требующий, видимо, обстоятельного изучения. Однако некоторые ответы, как нам представляется, содержатся в самих материалах рассматриваемых американских публикаций.

Обращает на себя внимание, например, меморандум госдепартамента, направленный британскому посольству в Вашингтоне еще 23 декабря 1944 г. Как видно из этого документа, подписанного Э. Стетиниусом, США опасались, что соглашение Тито — Шубашич в том виде, как оно

⁸ Таким образом Д. Пленча ошибался, когда, основываясь лишь на заметках С. Косановича, писал, что предложение о пополнении АВНОЮ депутатами довоенной скупщины было выдвинуто лишь 28 января Ю. Шутеем на заседании эмигрантского правительства. См.: D. P l e n č a u t o k u drugog svjetskog rata. Beograd, 1962, s. 379.

было заключено, окажется безрезультатным для контрреволюционной буржуазии ввиду отмечавшейся в меморандуме силы руководимого коммунистами Народно-освободительного фронта (НОФ) и получения им реальной власти на освобожденных территориях (СМУ, р. 256).

На другой, пожалуй, еще более значительный момент, связанный с американской позицией, некоторый свет проливает упоминавшийся меморандум Кэннона. Анализ этого, сделанного в конце января своеобразного обзора, излагавшего представления американской дипломатии об основных факторах югославской ситуации, на которые должна ориентироваться политика США, выявляет весьма, на наш взгляд, любопытную тенденцию. В первом же пункте меморандума констатировалось, что окончательно освобожденная территория занимает «лишь около половины страны». Развивая эту мысль, Кэннон затем усиленно подчеркивал, что к числу неосвобожденных районов Югославии относятся Хорватия и Словения. Наконец, замечая, что оппозицию «новому режиму», т. е. народно-демократической власти, идентифицируют обычно с «сербским элементом», под которым США имели в виду великосербские буржуазные группировки, в частности четников Михайловича, руководитель южноевропейского отдела госдепартамента посвящал в свою очередь специальный пункт положению и возможностям Хорватской крестьянской партии (FRUS, 1945, v. V, p. 1192). Вряд ли подобный интерес к еще неосвобожденной, западной части страны, в первую очередь к Хорватии и Словении, был случаен. Если вспомнить к тому же всеяческие проекты сохранения «Независимого государства Хорватии» путем его разрыва с «осью» и присоединения к антигитлеровской коалиции и высадки англо-американских войск, а также создания в аналогичной ситуации такого же «государства» в Словении — проекты, попытки осуществления которых предпринимались, например, летом 1944 г. и весной 1945 г. и где важная роль отводилась, в частности, именно Хорватской крестьянской партии⁹, если принять во внимание неоднократно высказывавшееся Ф. Рузвельтом мнение, что восстановление Югославии как государства после войны невозможно, что Сербия и Хорва-

⁹ Например, неудавшаяся попытка антинемецкого и антигитлеровского так называемого «путча Вокича — Лорковича» летом 1944 г., политические комбинации в марте — начале мая 1945 г., связанные с расчетами на ввод западных войск в Хорватию и Словению, а также провозглашение 3 мая 1945 г. «народного государства Словении» с его «однопольным» правительством и другие акции, не получившие пока достаточного освещения в литературе.

тия должны быть разделены¹⁰, то тенденция, обнаруживаемая в меморандуме Кэннона, приобретает особый смысл. Не исключено, что различные варианты противодействия югославской революции с помощью всякого рода акций в Хорватии и Словении, вплоть до сохранения там буржуазных порядков в рамках отдельных государственных формирований под эгидой или, в духе высказываний Ф. Рузвельта, под «ошейком» Запада, привлекали в тот момент большее внимание США, и потому последние были вовсе не склонны торопиться с осуществлением соглашения Тито — Шубашич, а заинтересованы, наоборот, в его оттяжке.

Между тем дальнейшие успехи в освобождении Югославии и утверждении народно-демократического государства и энергичная поддержка ДФЮ Советским Союзом вынуждали в итоге не только английских, но и американских руководителей принять соглашение Тито — Шубашич даже в том, достаточно выгодном для НОФ виде, как оно было заключено, поскольку в противном случае создавалась реальная угроза, что буржуазии не удастся восстановить вообще никаких позиций. Поэтому в Ялте удалось принять согласованные рекомендации трех держав о необходимости немедленного осуществления соглашения, и после того, как Петр официально санкционировал его и назначил, наконец, трех регентов, с чьими кандидатурами был согласен НКОЮ, 7 марта маршал Тито сформировал, как известно, объединенное временное правительство, куда вошли и члены НКОЮ и представители эмигрантского кабинета. Однако очень скоро стало очевидным, что соглашение Тито — Шубашич не смогло по существу изменить соотношения сил, созданного в ходе освободительной борьбы и революции, уничтожить фактического единовластия НОФ и безраздельного руководства КПЮ¹¹; это вызвало чрезвычайное беспокойство западной, в частности, как видно из опубликованных документов, американской дипломатии (FRUS, 1945, v. V, p. 1213—1214, 1218, 1220).

Интересно отметить два обстоятельства, фиксируемых американскими материалами.

Первое заключалось в том, что, отмечая с нескрываемым раздражением не только прочность новой власти, которую не смогло поколебать участие эмигрантских представителей в правительстве, но и дальнейшее развертывание революционных преобразований, в частности в области экономики, где в рамках конфиска-

¹⁰ См., например, Р. Шервуд. Рузвельт и Гопкинс. Т. 2, М., 1958, стр. 379.

¹¹ См. нашу статью «Расстановка классовых сил в Югославии в 1944—1945 годах». «Советское славяноведение», 1967, № 1.

ции и секвестра фактически проходила широкая национализация, госдепартамент проявлял в связи с этим особую озабоченность по поводу перехода в государственное управление американских предприятий в Югославию (СВ, в. I. р. 826—827). Так внешнеполитическое ведомство США выступало как прямой страж интересов американского капитала.

Второе обстоятельство было связано с развитием и упрочением советско-югославского сотрудничества. Западные союзники были явно встревожены этим, особенно в связи с договором о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией, заключенным 11 апреля в Москве. Не случайно договор и все, касающееся поездки делегации ДФЮ в Советский Союз, вызвало самое пристальное внимание американской дипломатии (FRUS, 1945, v. V, p. 1215—1218, 1218—1219, 1223—1224). Визит в Москву и дальнейшее укрепление отношений между Советским Союзом и новой Югославией, в частности заявления представителей ДФЮ об огромной важности советской помощи и необходимости тесного сотрудничества с СССР, вызвали также сильнейшее недовольство английского правительства (FRUS, 1945, v. V, p. 1224)¹².

В американских дипломатических документах содержится разносторонний и интересный материал об экономическом давлении, которому подверглась ДФЮ. Это была одна из важных форм борьбы против новой Югославии. Так, когда в мае югославское правительство высказало во время поездки И. Шубашича, занявшего пост министра иностранных дел, в США просьбу об экономической помощи, в которой разрушенная войной Югославия крайне нуждалась, в том числе о помощи по лед-лизу, американцы довольно определенно дали понять, что этот вопрос не может быть решен положительно без серьезных уступок со стороны ДФЮ как во внутренней, так и во внешней политике, например, в связи с проблемой Юлийской Краины (FRUS, 1945, v. V, p. 1229, 1235; СВ, в. I, p. 827). Одновременно Запад всячески пытался помешать снабжению Югославии по линии ЮНРРА. Как и материалы югославских архивов, использованные Б. Петрановичем в его работе о помощи ЮНРРА Югославии¹³, документы американских публикаций свидетельствуют о непрерывных усилиях США и Англии не только не допустить увеличение поставок в ДФЮ, как

просили югославы, которых поддерживал Советский Союз, но, наоборот, максимально затормозить все дело, поставить вообще под сомнение правомерность оказания помощи, распространяя слухи, будто поступающие в Югославию товары используются для военных целей, вывозятся в СССР и т. д. (FRUS, 1945, v. II, p. 990, 999—1000, 1032—1033). Важно отметить, что в связи с последним американцы и англичане пытались даже летом и осенью 1945 г. обусловить поставки ЮНРРА информацией об условиях внутри страны, уменьшением или даже демобилизацией югославской армии (FRUS, 1945, v. II, p. 997, 1032, 1052—1053), т. е. используя международную организацию помощи, открыто вмешаться и установить свой контроль.

Не менее, если не более деятельно подобная линия проводилась Западом и в чисто политической области. Изданные в США документы дают, например, немало интересного по поводу антиюгославской политики западных держав в связи с так называемым триестским кризисом и той ситуацией, которая сложилась в вопросе о Юлийской Краине, что было значительным фактором в развитии Югославии в 1945 г. Они ясно свидетельствуют, что враждебная ДФЮ позиция западных союзников в вопросе Юлийской Краины определилась задолго до освобождения этого района. По крайней мере уже почти с самого начала 1945 г. США и Англия деятельно готовились к тому, чтобы воспрепятствовать освобождению Юлийской Краины от врага югославскими вооруженными силами и установлению там власти народно-освободительных комитетов (FRUS, 1945, v. IV, p. 1107—1110; v. V, p. 1216). Триестский кризис в мае—июне явился таким образом естественным результатом всех этих предвзятых комбинаций.

Документы американских публикаций едва ли добавляют что-либо принципиально новое к освещению самого триестского кризиса, о котором уже многократно писалось, правда, не столько в специальных исследованиях, сколько в работах более широкого характера¹⁴, но они очень любопытны для анализа политики США и Англии после заключения 9 июня компромиссного соглашения, временно разделявшего освобожденную югославскими силами Юлийскую Краину с

¹² Как известно, 14 апреля посол Англии в Белграде Р. Стивенсон выразил правительству ДФЮ «удивление союзников» по поводу советско-югославского договора. См.: D. P l e n č a. Ibid., s. 297.

¹³ B. P e t r a n o v i ć. Pomoć UNRE Jugoslaviji. «Istorija XX veka». Zbornik radova, Beograd, 1961.

¹⁴ Помимо упоминавшихся уже П. т. «История Югославии», книг Г. М. Славина и Д. Пленчи, а также нашей статьи отметим, например, такие работы, как J. J e r i. Tržaško vprašanje po drugi svetovni vojni. Ljubljana, 1961; B. P e t r a n o v i ć. Političke i pravne prilike za vreme Privremene vlade DFJ. Beograd, 1964; C. R. S. H a r r i s. Allied military administration of Italy 1943—1945. London, 1957 и т. д.

передачей ее западной части под англо-американское военное управление. Хотя соглашение предусматривало, что и в этих районах будет использована югославская администрация (DAFR, v. VII, p. 914), западные союзники, как свидетельствуют опубликованные материалы, с самого начала не собирались выполнять этого пункта, сразу же взяв курс на ликвидацию системы народно-освободительных комитетов (СВ, v. I, p. 843—844, 848—849, 854—856), а затем, во время Потсдамской конференции планируя и формально изменить соглашение в выгодном для себя направлении (СВ, v. II, p. 1213, 1219). В результате эта проблема явилась предметом острой борьбы, и ДФЮ приняла, в частности летом 1945 г., особенно накануне и во время Потсдамской конференции, меры для того, чтобы добиться сохранения во всей Юлийской Крайне возникшей там в ходе освобождения народно-демократической власти (СВ, v. II, p. 1214—1218), получив и тут решительную поддержку со стороны Советского Союза, в том числе на встрече в Потсдаме (СВ, v. II, p. 1221—1222).

Вместе с материалами упомянутой советской публикации «Тегеран — Ялта — Потсдам» американские дипломатические документы позволяют выявить и другой, связанный с Потсдамской конференцией крайне важный момент внутривойны политического и международного положения новой Югославии летом 1945 г. Речь идет о той усиленной атаке на ДФЮ, которую предприняли правящие круги Англии и США вместе с югославской буржуазией во время встречи «большой тройки» в Потсдаме, пытаясь использовать конференцию глав союзных держав для изменения политического положения в Югославии, для ликвидации абсолютной власти НОФ во главе с КПЮ. При всей важности этого сюжета он, тем не менее до сих пор почти не освещался в литературе. Предполагая вернуться к нему в специальной работе¹⁵, отметим здесь лишь, что публикации госдепартамента США дают значительный материал для изучения данной проблемы. Немалый интерес представляют, в частности, документы о подготовке западной, и в частности американской дипломатии к широкой антиюгославской акции, приуроченной к Потсдаму (СВ, v. I, p. 168—169, 826—828, 831—839), о провокационных действиях югославских буржуазных лидеров, тес-

но связанных с посольствами Англии и США в Белграде, с целью раскола НОФ, правительственного кризиса и срыва соглашения Тито — Шубашич в момент потсдамской встречи (СВ, v. I, p. 823—830, 839—840; v. II, p. 1207—1212). Однако планы противников новой Югославии в итоге полностью провалились. Материалы как советских¹⁶, так и американских публикаций (СВ, v. II, p. 127—129, 494, 525) показывают, что главную роль здесь сыграла позиция СССР, давшего решительный отпор антиюгославским пропискам Запада на самой встрече «большой тройки», в результате чего потсдамская операция против новой Югославии потерпела крах в своем основном звене. В условиях срыва планов Запада на самой конференции, а также активных контрмер со стороны КПЮ и руководимого ею революционного лагеря подрывные акции буржуазии внутри страны также оказались парализованными и не достигли цели. Однако противники ДФЮ не прекратили своих усилий, направленных на подрыв и ликвидацию новой власти. Выборы в Учредительную скупщину 11 ноября и провозглашение Республики 29 ноября прошли в условиях ожесточенной борьбы Запада и югославской буржуазии против народно-демократического государства. Хотя эти сюжеты получили сравнительно большее освещение в литературе¹⁷, обширный материал американских публикаций раскрывает здесь также немало весьма интересных моментов.

Прежде всего тут следует отметить активность, развитую врагами новой Югославии в связи с первой сессией Совета министров иностранных дел (СМИД) в Лондоне (11 сентября — 2 октября). Из мемуаров Петра известно, что еще в конце августа он настоятельно просил нового министра иностранных дел Англии Э. Бевина послать в Югославию специальную «союзническую комиссию» и «соответствующую военную силу», чтобы заменить правительство маршала Тито «правительством из всех партий», «пересмотреть» принятые законы, реорганизовать армию и органы безопасности, ликвидируя влияние КПЮ¹⁸. Этот план был затем публично выдвинут югославской эмиграцией в заявлениях, адресованных сессии СМИД¹⁹.

Опубликованные американские документы свидетельствуют, во-первых, что помимо упоминаемой в мемуарах беседы с Э. Бевинем Петр также специально

¹⁵ События, связанные с Потсдамом, кратко затрагивались нами в связи с рассмотрением общих проблем политической борьбы в Югославии во второй половине 1945 г.: Л. Я. Гибанский. Разгром буржуазной оппозиции и закрепление победы народной революции в Югославии (июнь 1945 — январь 1946). «Советское славяноведение», 1968, № 3, стр. 5—7.

¹⁶ См. «Тегеран — Ялта — Потсдам», стр. 193—196, 310.

¹⁷ См. В. Ретановић. Političko i pravne prilike...; Л. Я. Гибанский. Разгром буржуазной оппозиции...

¹⁸ King Peter II of Yugoslavia. A king's heritage. New York, 1957, p. 283—284.

¹⁹ См. Л. Я. Гибанский. Разгром буржуазной оппозиции..., стр. 12.

встречался в Лондоне на третий день сессии СМИД с новым государственным секретарем США Дж. Бирнсом, добиваясь обсуждения на сессии положения в Югославии и посылки «союзнической комиссии» (FRUS, 1945, v. V, p. 1255—1256). Во-вторых, подобный план прямо поддерживался оппозиционными буржуазными лидерами внутри страны, предпринимавшими провокационные действия, чтобы сорвать предстоящие выборы и вызвать вмешательство извне. Уже 2 сентября поверенный в делах США в Белграде Г. Шанц сообщал, что в беседе с ним М. Грол, вышедший перед этим из правительства и возглавивший оппозицию, заявил о необходимости отсрочки выборов до весны, так чтобы армия была за это время демобилизована и чтобы союзники добивались создания «более представительного» правительства, включающего «все политические партии» (FRUS, 1945, v. V, p. 1253—1254). Это неоднократно повторялось затем Гролом, понимавшим неизбежность победы революционных сил на выборах, во время его систематических встреч с американскими представителями (FRUS, 1945, v. V, p. 1267, 1273—1274).

Американская запись беседы Дж. Бирнса с Петром, телеграммы Г. Шанца и посла США Р. Паттерсона из Белграда (FRUS, 1945, v. V, p. 1259—1261, 1267—1268, 1274) и ряд других опубликованных материалов, в том числе памятная записка, направленная еще 24 августа британским посольством в Вашингтоне госдепартаменту, в которой выражалось «горячее желание» Э. Бевина обсудить со своим американским коллегой ситуацию в дунайском и балканском районе, чтобы «два правительства были затем в более выгодном положении» в дискуссиях с СССР, и в которой излагалась позиция Англии в отношении Югославии (FRUS, 1945, v. II, p. 101—103), показывают, что западные державы полностью поддерживали югославскую контрреволюцию вне и внутри страны. Однако Запад, хотя и воспользовался обсуждением на сессии СМИД мирного договора с Италией, чтобы вновь выступить в связи с проблемой Юлийской Краины и Триеста против ДФЮ, которую энергично поддерживал Советский Союз (FRUS, 1945, v. II, p. 136, 160—161, 179, 248—253 etc.), вынужден был воздержаться от попыток общей постановки на сессии «югославского вопроса». Неудача во время Потсдамской конференции заставляла США и Англию быть более осторожными, тем паче, что, как подчеркивал Дж. Бирнс, повестка дня лондонской сессии СМИД была заранее согласована в Потсдаме (FRUS, 1945, v. V, p. 1256), и было ясно, что СССР не согласится с обсуждением там внутренних дел Югославии. Кроме того, как отмечал Г. Шанц на другой день после отставки М. Грола, никто из министров не последовал за вице-

премьером, в том числе и Шубашич, оставшийся опять в правительстве (FRUS, 1945, v. V, p. 1251). Документы американских публикаций свидетельствуют, что западные державы, в частности США, ожидали предварительного разрыва соглашения Тито — Шубашич в качестве более удобного предложения для вмешательства. Не случайно в донесениях американских представителей из Белграда уделялось в это время такое пристальное внимание позиции Шубашича и комбинациям вокруг вопроса о его выходе из правительства (FRUS, 1945, v. V, p. 1251—1252, 1257—1259).

Возможно, ожиданием отставки Шубашича и объяснялась во многом фраза Бирнса, когда в ответ на настояния Петра поставить вопрос о Югославии на сессии СМИД он ответил, что через три недели после сессии соберется конференция заместителей министров иностранных дел (FRUS, 1945, v. V, p. 1256). Американская дипломатия надеялась, видимо, что к тому времени последует, наконец, долгожданная отставка. Во всяком случае, когда 8 октября И. Шубашич вместе с Ю. Шутеем вышли из правительства, США снова выступили против ДФЮ. 17 октября Д. Бирнс направил в Москву в Лондон телеграммы, где госдепартамент от имени правительства США настаивал, чтобы три державы добивались нового соглашения между маршалом Тито и И. Шубашичем, которое бы «восстановило основу для их сотрудничества в объединенном временном правительстве», и «воздействовали» на маршала Тито в смысле отсрочки выборов (FRUS, 1945, v. V, p. 1270—1271). Что должно было представлять собой упомянутое новое соглашение, разъяснялось в предложениях, направленных США несколько дней спустя англичанам (FRUS, 1945, v. V, p. 1274—1275), речь вновь шла о правительстве, удовлетворяющем «все партии». Это были по сути те самые требования, которые выдвигались Петром, М. Гролом и другими лидерами контрреволюционной югославской буржуазии.

Между тем ни США, ни Англия не решились на прямое вмешательство, игнорируя СССР. Советский Союз был главным препятствием для планов, направленных против новой Югославии. Характерно, что даже М. Грол в беседе с американскими конгрессменами, посетившими в октябре ДФЮ, сказал: «Ваша помощь должна быть оказана в Москве» (FRUS, 1945, v. V, p. 1267). Но попытки воздействовать на позицию СССР, используя на сей раз отставку И. Шубашича, вновь не дали результатов. В полученных американцами ответах Советского правительства от 22 октября и 18 ноября категорически отвергалось вмешательство во внутренние дела Югославии и подчеркивалось, что только югославское правительство правомочно ре-

шить вопрос о сроках выборов (FRUS, 1945, v. V, p. 1274, 1288). Столь решительная поддержка СССР парализовала действия западных держав, в частности США, заставив их ограничиться лишь дипломатическим давлением на ДФЮ посредством ряда представлений, включая врученные в ноябре идентичные американскую и британскую ноты по поводу предстоящих выборов (FRUS, 1945, v. V, p. 1271—1272, 1281—1282), а также угрозами лишения Югославии экономической и финансовой помощи, если не будут выполнены требования Запада, о чем недвусмысленно сказал в беседе с маршалом Тито 29 октября член сенатского комитета по иностранным делам К. Пешпер (FRUS, 1945, v. V, p. 1277). Однако, опираясь на Советский Союз, новая Югославия смогла отвергнуть эти попытки вмешательства, как было, например, сделано в ответной ноте правительства ДФЮ от 17 ноября (FRUS, 1945, v. V, p. 1286—1287), и провести предусмотренные выборы в Учредительную скупщину, закончившиеся полной победой руководимого КПЮ революционного лагеря. Советская поддержка народно-демократического федеративного югославского государства заставила также Запад и в том числе США признать в итоге, несмотря на всевозмож-

ные оттяжки и сопротивление ряда американских дипломатов, включая и посла в Белграде (FRUS, 1945, v. V, p. 1293), провозглашенную 29 ноября Республику. Сделав это 22 декабря, госдепартамент, однако, не преминул подчеркнуть, что «установление дипломатических отношений с нынешним режимом в Югославии» не должно интерпретироваться как его одобрение, сопроводив свою формулу обычными обвинениями в отсутствии свободы (DAFR, v. VIII, p. 899).

Мы могли здесь остановиться лишь на некоторых, наиболее, на наш взгляд, существенных материалах американских дипломатических публикаций по вопросам, касающимся югославских событий в 1945 г. Опубликованные в США документы являются несомненно чрезвычайно интересным и важным источником по этой проблематике, открывая, безусловно при весьма критическом отношении и необходимом сопоставлении с другими материалами, прежде всего с советскими документальными изданиями, новые возможности в изучении положения Югославии в момент завершения революции и перехода от войны к миру.

Л. Я. Губианский

ЯРКИЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ИСТОРИИ ДВИЖЕНИЯ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ОСТРАВЦИНЕ

Не так давно в русском переводе вышла в свет книга Франтишека Чванды «Ночные мстители», рассказывающая о боевой деятельности чешских подпольщиков и партизан, героически боровшихся в Остравской области против гитлеровских захватчиков в годы второй мировой войны. Собрав и изучив многочисленные архивные документы и воспоминания участников борьбы, автор подробно проследил историю действовавших на Остравщине трех крупнейших партизанских отрядов — «Искра», «Львица — Ян Жижка» и «Штрамберкские партизаны», выросших из подпольных антифашистских групп, созданных еще в первые годы оккупации и раздела Чехословакии немецко-фашистскими захватчиками.

Книга Ф. Чванды убедительно показывает, что подлинными героями чехословацкого движения Сопротивления были коммунисты, которые несмотря на тяжелейшие условия, жестокий террор фашистских оккупантов и изуверства гестапо возглавили народную борьбу против захватчиков, были ее организаторами и самыми активными участниками.

Вскоре после оккупации Чехословакии в районе Фридека — Мистека (Остравская область) под руководством коммунистов были созданы подпольные группы, печатавшие и распространявшие ан-

тифашистскую литературу и наносившие ощутимый вред гитлеровцам. Так, остравскими подпольщиками был организован ряд успешных актов саботажа на Карловом металлургическом заводе.

Героическая борьба Красной Армии против гитлеровских захватчиков оказала огромное влияние на развитие чехословацкого движения Сопротивления. Ф. Чванда ярко показывает это на примере боевой деятельности партизанского отряда «Искра» — одного из первых партизанских отрядов в Чехословакии, созданного в 1941 г. Известия о победах Красной Армии зимой 1941/42 г. побудили отряд развернуть более активную боевую деятельность. К числу наиболее успешных действий отряда относятся уничтожение линий телефонной связи и задержка движения по шоссе Фридек — Пршибор, диверсионные акты на Витковицком металлургическом заводе и др.

Руководство отряда вело широкую политико-воспитательную работу как среди членов отряда, так и среди населения. Все партизаны принимали торжественную присягу. Отрядом была выпущена листовка, разъясняящая населению великую освободительную миссию Советского Союза (стр. 73—75), проведена большая работа по созданию на Остравщине широкой сети революционных национальных

комитетов, выполнявших функции органов новой, народно-демократической власти.

На заключительном этапе войны партизаны «Искры» вместе с воинами Красной Армии участвовали в освобождении от оккупантов города Брушперка. Ф. Чванде удалось создать яркие портреты боевых руководителей «Искры» — Якубы Билека, Фердинанда Гарабиша и Адольфа Адамского.

В феврале 1943 г. под влиянием радостного известия о разгроме фашистов на Волге на Витковицком металлургическом заводе возникла подпольная группа под руководством Карела Брженека. Хотя группа вскоре и была разгромлена гестаповцами, ей удалось совершить ряд значительных диверсий, нанести немалый ущерб гитлеровцам (стр. 42—63).

Ф. Чванда подробно прослеживает деятельность подпольной организации «Львица», созданной в 1941 г. В «Львице» была офицерская секция, объединявшая бывших офицеров чехословацкой армии, готовых сражаться с оккупантами. Между тем, несоблюдение правил конспирации отдельными членами организации позволило гестапо быстро напасть на ее след и разгромить ее еще до того, как она начала активно действовать. Уцелевшая часть «Львицы», которой руководил отважный офицер Йозеф Чапки, развернула активную боевую деятельность: смелыми патриотами были уничтожены линии высокого напряжения в Силезской Острове, взорвано и пушено под откос немало гитлеровских воинских эшелонов.

В апреле 1944 г. общее руководство «Львицей» возглавил прибывший в Остравскую область по поручению заграничного руководства КПЧ немецкий коммунист Рудольф Пешела. Вскоре отряд «Львица» был переименован в отряд «Ян Жижка». Удары, наносимые им гитлеровцам, следовали один за другим. Огромную помощь отряду оказывали рабочие-шахтеры Остравы, регулярно снабжавшие его взрывчаткой. Осенью 1944 г. партизанский отряд «Ян Жижка» настоль-

ко окреп и разросся, что стал готовиться к открытому вооруженному выступлению против оккупантов. Но гестапо удалось заслать в отряд своих агентов и разгромить его. Героически погиб в фашистском застенке Рудольф Пешела, выданный предателем (стр. 146—147). Й. Чапки успел скрыться и перебраться в Словакию, где он принял активное участие в Словацком национальном восстании. После разгрома восстания, пробравшись навстречу частям Красной Армии, Чапки попал в руки врагов. Он был казнен фашистскими палачами в феврале 1945 г. в Брно, поразив своим мужеством и стойкостью даже допрашивавшего его гестаповца (стр. 154).

Героическую страницу в историю чехословацкого движения Сопротивления вписала молодежь города Штрамберка, где в июне 1942 г. была создана подпольная комсомольская группа. Комсомольцы-подпольщики изучали труды классиков марксизма-ленинизма, зачитывались произведениями советских писателей, в первую очередь книгами Николая Островского и Федора Гладкова (стр. 164—165). Зимой 1942/43 г. фашистам удалось разгромить штрамберкский городской комитет КПЧ, были арестованы и некоторые подпольщики-комсомольцы. Но части их удалось скрыться в горах, где ими был создан партизанский отряд, вскоре численно возросший за счет притока чехословацких патриотов и советских людей, бежавших из гитлеровского плена. Этот отряд принял название «Штрамберкские партизаны» и успешно действовал на границе Остравщины и Судетской области.

Книга Ф. Чванды о боевых буднях чехословацких подпольщиков и партизан — яркая страница из истории движения Сопротивления в Чехословакии в годы второй мировой войны, из истории советско-чехословацкого боевого сотрудничества — несомненно вызовет интерес у советского читателя.

Ф. А. Молок

«*Dokumenty Komunistycznej partii Polski 1935—1938*». Warszawa, 1968, 341 s.

«*Документы Коммунистической партии Польши. 1935—1938*».

В связи с 50-летием КПП был издан сборник, в котором содержатся 63 документа, характеризующие деятельность КПП в 1935—1938 гг. Основная часть материалов — это решения, обращения и заявления ЦК КПП. Имеются в сборнике циркуляры и инструкции партийным организациям. В материалах сборника раскрывается стратегия и тактика партии в указанные годы.

КПП в этот период, руководствуясь решениями VII Конгресса Коминтерна, успешно боролась за создание широкого антифашистского фронта. Она призвала народ к защите страны от нависшей над нею опасности в связи с агрессивными устремлениями германского фашизма. В июле 1936 г. ЦК КПП указывал, что германский фашизм угрожает независимости Польши.

В июне 1937 г. партия протестовала против провозок германских фашистов в Силезии. В документе подчеркивалось, что внешняя политика Бека ведет к потере независимости Польши. В июне 1938 г. польские коммунисты призывали народ к свержению правительства санации и созданию правительства национального спасения. Борьба КПП против угрозы фашистской агрессии способствовала расширению влияния КПП среди прогрессивных слоев общества.

В сборнике помещены также документы, свидетельствующие о пролетарской соли-

дарности КПП. В начале гражданской войны в Испании КПП выпустила воззвание в защиту республиканской Испании. Много внимания уделил февральский Пленум 1937 г. вопросу солидарности с республиканской Испанией. В июне 1937 г. ЦК КПП опубликовал воззвание «Народная Испания в опасности».

Сборник является ценным источником по изучению истории КПП за 1935—1938 гг.

И. Перцигер

«*Príspevky k dejinam umění*». Akta Universitatis Carolinae-Philosophica et historica. 5. Praha, 1968, 149 s.

«*Статьи по истории искусства*»

Пятый выпуск серийного издания Карлова университета в Праге «Философия и история» посвящен вопросам искусства. В него вошли две большие работы: Владимира Фиалы «Русские рисунки и акварели в чехословацких коллекциях» (стр. 5—77) и Веры Соукоповой «Польский рисунок в польском отделении графического кабинета Карасковой галереи» (стр. 79—146).

Для историков русского искусства особый интерес представляет первая из них. В ней описано 420 произведений почти восьмидесяти русских художников, выявленных автором в различных (государственных и частных) коллекциях Чехословакии. Как отмечает автор, публикуемая работа является частью большого труда о произведениях русского изобразительного искусства в ЧССР, подготовленного им для издательства «Художник РСФСР». Каталогическому описанию предшествует вступительная статья, в которой рассматриваются наиболее значительные произведения русских художников.

Из мастеров начала XIX в. в каталоге встречаются имена К. П. Брюллова (две акварели и рисунок на сюжете одной из басен Крылова), О. А. Кипренского (портрет графа Ф. В. Ростопчина) и др. Интересно сообщение о рисунке ученика А. Г. Венецианова — А. Н. Мокрицкого (1811—1871), на котором изображены Пушкин и Гоголь. Небезынтересен сюжет описанного в каталоге рисунка И. К. Айвазовского «Ветряная мельница на Украине».

Более половины обнаруженных произведений — рисунки и акварели И. Е. Репина. Это и семейные портреты (дочери Веры, других детей художника, брата Василия Ефимовича), и портреты А. С. Пушкина, художников А. Н. Шиллера, А. А. Лабуце (Овода), скульптора М. М. Антокольского, Л. Н. Толстого, его дочери Т. Л. Толстой-Сухотиной и др.,

и иллюстрации к произведениям Гоголя, Пушкина, Лермонтова, и, наконец, множество разного рода набросков и рисунков, связанных с работой над большими картинами: «Запорожцы...», «Бурлаки», «Правительница Софья», «Не ждали», «Иван Грозный...» и др. «Вероятно к каждой из крупных картин Репина, — пишет В. Фиала, — найдем мы в Чехословакии графические свидетельства их возникновения» (стр. 13).

Среди зафиксированных в каталоге рисунков и акварелей Репина (№ 102—322) — 48 неизвестных. Среди них — «Отказ от исповеди перед казней» (1878), портрет матери (1870), «Два рабочих» (1906), портрет художника В. Д. Орловского (1873), иллюстрации к произведениям Л. Н. Толстого и др. Из числа других передвижников в каталоге встречаются имена И. И. Шишкина (четыре произведения), В. Г. Перова (одна акварель), В. Д. Поленова (один рисунок), В. Г. Маковского (две акварели), И. Н. Крамского (три произведения) и др.

В каталоге зафиксировано четыре графических произведения В. М. Васнецова, девятнадцать различных произведений И. Я. Билибина. Немногочисленными рисунками представлены в коллекциях Чехословакии В. А. Серов и М. А. Врубель. Значительно больше (девять) оказалось рисунков Ф. А. Малявина, среди которых имеется портрет В. И. Ленина, сделанный в 1920 г. в Кремле. Одним произведением («Кавказец») представлен в каталоге В. В. Верещагин, одним («Старинный город») Н. К. Рерих, одним М. В. Нестеров (портрет московского чеха А. А. Грабе).

Значительное число выявленных в Чехословакии рисунков и акварелей принадлежит художникам из группы «Мир искусства» — прежде всего А. Н. Бенуа, а также М. В. Добужинскому, Е. Е. Лансере, К. Ф. Богаевскому, Э. Е. Серебряковой, Д. Н. Кордовскому и А. П. Ост-

роумовой-Лебедевой. В перечень произведений русских художников включены и работы тех, кто значительную часть жизни работал за границей (Н. С. Гончаровой, П. Д. Григорьева и др.).

Составленный В. Фиалой каталог может быть ценным подспорьем для изучающих историю русского искусства.

Каталогу польской графики, составленному В. Суокоповой, также предпослан авторский вступительный текст. В каталоге описано 444 произведения, в том числе рисунки Яна Матејко, Артура Гротгера, Юлиуша Коссака, Станислава Дембицкого, Юзефа Хелмонского, Леона Вычулковского, Станислава Выспянского и др. Особенно большим числом работ представлены в Чехословакии такие польские художники, как Яцек Мальчевский (103 произведения), Фридерик Паути (111 произведений) и Казимир Сихульский (49). В статье каталога, посвященной Властимилу Гофману, со-

общается, что в Карасковой галерее хранится 940 работ этого художника (они в каталог не вошли и подробно не описаны). В основном в перечне отражены работы более шестидесяти польских художников XIX—XX вв.

Опубликованные в пятом выпуске «Философии и истории» данные не только полезное справочное пособие для исследователей, но и материальное свидетельство культурного обмена между славянскими народами. Многие произведения русских художников, например, оказались в чехословацких коллекциях после выставок, которые происходили в Праге (передвижников в 1900 г., «Мира искусств» в 1911 г. и др.). Описание коллекций сопровождается иллюстрациями. Обе рассматриваемые работы имеют резюме, первая — на русском языке, вторая на французском.

Л. К.

ALBERT B. LORD. *The Singer of Tales*. Atheneum, N. Y., Second Printing September, 1968, 308 p.

АЛЬБЕРТ Б. ЛОРД. *Певец сказаний*

Эта книга, впервые изданная Гарвардским университетом в 1960 г., выдержала еще одно канадское и два американских издания. В нашей печати отзыв о ней не было, если не считать очень скупых упоминаний¹.

А. Лорд, ныне профессор Гарвардского университета, специалист по славянским литературам и сравнительному литературоведению — ученик и преемник профессора М. Пэрри, известного на Западе своими работами о Гомере и югославских эпосах². Вместе с Пэрри, а после его преждевременной смерти — самостоятельно, в 30-е годы А. Лорд совершил ряд поездок в Югославию и Албанию. Их результатом явились записи на фонограф свыше 12,5 тыс. народных песен и интереснейшие наблюдения над бытованием эпической традиции. В 1950—1951 гг. А. Лорд снова побывал в Югославии, а в 1958—1959 гг. в Болгарии, однако ре-

зультаты этих поездок нам почти неизвестны.

Материал, собранный в 30-е годы, предполагается издать в 20 томах. Пока вышли два сборника: в первом собрано несколько десятков так называемых «жестских» или «лирических» песен³, а во втором, уже принадлежащем к задуманной серии, — несколько десятков эпических песен⁴. Издание столь крупной серии югославянских народных песен имеет огромное значение, если учесть, что после Вука Караджича в Югославии не публиковались адекватные или большие серии песен; Вук Караджич путем различных редакторских приемов стремился закрепить локализацию сербского эпоса почти исключительно за Герцеговиной; собиратели искали материал, как правило, по эталонам, обнаруженным и отредактированным Вуком, игнорируя несоответствия им; многое из того, что опубликовано последователями Вука, представляется собой либо скрытую перепечатку его текстов, либо непосредственное усвоение

¹ Е. М. Мелетинский. Происхождение героического эпоса. М., 1963, стр. 12; его же. Народный эпос. В кн.: Теория литературы. М., 1964, стр. 66, 93, 94.

² Некоторое представление о М. Пэрри и его работах дает И. Н. Голенищев-Кутузов, участвовавший в югославских поездках Пэрри: «Эпос сербского народа». Издание подготовил И. Н. Голенищев-Кутузов. М., 1963, стр. 289—292. См. также: В. М. Жирмунский и др. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958, стр. 4—6.

³ «Serbo-Croatian Folk Songs». Ed. Bela Bartok and Albert B. Lord. N. Y., 1951. (Это издание нам недоступно.)

⁴ «Serbo-Croatian heroic songs collected by M. Parry». Ed. and transl. A. B. Lord. Vol. I—II. Cambridge, Massachusetts and Belgrade, 1953—1954. Собственно, это один том, изданный на двух языках — английском и сербско-хорватском. Вступительная статья А. Лорда в сербско-хорватском переводе подверглась заметному сокращению.

певцами его текстов, а не отражение качества данной местной традиции; югославская фольклористика, за редким исключением, до сих пор активно канонизирует дело Вука, не ощущая собственного архаического состояния. В Югославии крайне многочисленны перепечатки старых записей в виде различных антологий и очень редки публикации новых. Романтические времена Гердера и Гете, Я. Гримма и Коншара прошли безвозвратно, наукой накоплен огромный сопоставительный материал, в свете которого мы уже не можем относиться к текстам сербохорватского эпоса, опубликованным Вуком Караджичем и его последователями, без предубеждения и крайней осторожности до тех пор, пока не выявится реальная картина этого эпоса. Вот почему представляется очень важной собирательская работа М. Пэрри и А. Лорда, довольно современная по своей методике, и публикация ее результатов. 12,5 тыс. песен — это, конечно, немного, если сравнить, скажем, с размахом собирательской и публикаторской работы в Болгарии, но для Югославии, при сложившемся за последние 100 лет положении в деле собирания и публикации фольклора, это было бы весьма ценным дополнением, разумеется, с учетом того, что М. Пэрри и А. Лорд записывали песни преимущественно от славян-мусульман.

Однако сами американские исследователи обратились к югославянскому материалу в иных целях. Им важно было воочию увидеть процесс «устного сложения» эпоса и на основе этого решить вопрос о фольклорном характере гомеровского эпоса. В соответствии с этими задачами А. Лорд разделил свою книгу на две части — «теория» и «применение», а в приложении поместил ряд югославянских материалов. В «теоретической» части, которую уместнее было бы назвать прагматической, довольно удачно рассматривается ряд моментов исполнительского мастерства и живого бытования эпической традиции, интересно показан путь становления певца. Мы не вправе упрекать А. Лорда за то, что он обобщает собственный опыт работы в основном с полупрофессиональными или профессиональными певцами — мусульманами и ставит в центр внимания идеальный для славянских условий XX в. случай, когда пение, исполнение и сложение эпической песни выступают как неразделимый творческий акт, обновляющийся при каждом очередном исполнении. Однако нельзя согласиться с ним в том, что все случаи исполнения надо отнести за счет влияния господствующей культуры (стр. 137—138), или — что не могут существовать тексты переходные, промежуточные между фольклорной и литературной традициями (стр. 129—130); здесь А. Лорд отождествляет избранный тип исполнения со всей традицией. Заверения автора, будто

неграмотность спасает певца от автоматизма исполнения (стр. 24) или будто певцов объединяет лишь неграмотность и желание приобрести споровку в пении (стр. 20), попросту наивны. А. Лорд не пытался выяснить, почему певец поет те или иные песни, как он относится к различным частям своего репертуара и ряд других моментов, связанных с уровнем народного сознания, народной культуры, воздействием общественных обстоятельств. Впрочем, он сознательно оградились от таких вопросов (стр. 4).

В «прагматической» части, которая выглядит как теоретическая, автор стремится доказать, что «Илиада», «Одиссея», «Беовульф», «Песнь о Роланде» и «Дигенис Акрит» были фольклорными текстами, записанными под диктовку. Для этой части славянские материалы оказываются почти ненужными, тем более что многие частные наблюдения об этих эпических поэмах были сделаны до А. Лорда. Если Гомер — сама фольклорная традиция, то вряд ли уместно настаивать на том, что это — один певец. А. Лорд удачно обнаруживает повторения ситуаций и эпизодов, в которых участвуют различные герои, улавливает сюжетное сходство «Илиады» и «Одиссея», а объясняет такие совпадения как «устное соединение ряда версий песни о возвращении героя» (стр. 164, 173, 176, 179, 181, 184). Но не доказывает ли тем самым сознательная компилятивность «Илиады» и «Одиссея»? Если так, то можно поставить под сомнение и «устный» характер компиляции. Попыты составления сводных текстов из множества сходных версий известны, но этого никогда не делали сами певцы. Состояние эпической традиции не одинаково по районам в каждый данный отрезок времени, и певцу нужно обладать, помимо всего прочего, универсальным уровнем сознания для того, чтобы объединить версии, различающиеся по своим временным качествам: эта ситуация, нереальная даже для древней Греции, допускается А. Лордом из-за пренебрежения к общественным качествам эпической традиции.

Автор очень отвлеченно видит устойчивость и изменчивость эпоса. Его разбор изменчивости (стр. 102—123) — сугубо внешнее понимание изменения текстов. Дело не в том, что существует стяжение или расширение текстов и их частей, а в том, какие качества присущи этим явлениям и почему происходит смена качеств. А. Лорд, например, упоминает, что босниец Салих Углиянин опустил эпизоды с виллой в перенятой песне (стр. 102), но полагает, что это не меняет «существа» песни. Он пишет, что для певцов важен тип героя (стр. 120), но не связывает это положение с определенными уровнями эпического мышления. По его мнению, этапы развития текста проследить нельзя (стр. 100), но вместе с тем А. Лорд неожиданно подводит «Илиаду» и «Одиссею»,

«Беовульфа» и «Дигениса» к уровню мифов (стр. 184, 201, 219). Ему, как ни странно, кажется, что только в литературе возможны новые темы или новые повороты старых тем (стр. 131).

Для понимания книги важно знать, в каких терминах А. Лорд описывает форму и содержание песен. У него их только два: «формула» и «тема». Под формулой подразумевается «группа слов, регулярно используемых в одних и тех же метрических условиях для того, чтобы выразить данную существенную идею» (стр. 4, 30). Формулой считается повторяющаяся группа слов только в пределах одного стиха или полустиха. Убедившись, что из первых 15 стихов «Илиады» не повторяются только три (стр. 142 и 291—293), А. Лорд делает вывод о «формулическом» (formulaic), т. е. фольклорном, характере всей «Илиады». Происхождения формул автор не касается (стр. 65), но признает постепенность их развития (стр. 67). Различие между фольклорным и литературным текстом он определяет по удельному весу формул (стр. 130), но фактор преобразования формул вряд ли можно признать одинаково действующим для всех эпических жанров и эпосов, не зависящих от их временных качеств. А. Лорд сознательно отказывается от классификации формул, он не пытается брать более крупные образования (в отличие от других ученых)⁵, полагая, что певец не пользуется ими и идет от формулы к формуле путем ассоциации. Это, конечно, сильное упрощение.

Увлечение формулой на Западе произошло с легкой руки М. Пэрри, в рецензируемой книге имеются ссылки на подобные исследования⁶, однако сом-

⁵ Ср.: А. В. П о з д н е е в. Общие места и «перенесения» в былинах. В сб. Проблемы истории литературы. М., 1964, стр. 65—86.

⁶ Назовем лишь доступные нам: S. Skendi. Albanian and South Slavic Oral Epic Poetry. Philadelphia, 1954; В. Х а р к и н с. О метрической роли словесных формул в сербохорватском и русском народном эпосе. В кн. American contribu-

tions to the Fifth International Congress of slavists. The Hague, 1963, p. 147—165. Дань «формулическому» изучению приписана и Е. М. Мелетинским. См.: «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

нительно, что наука должна остановиться на уровне 1930 г. в изучении техники исполнения и сложения эпоса. Под темой автор разумеет «повторяющиеся инциденты и описательные пассажи в песнях» (стр. 4, ср. стр. 68). Такое определение весьма туманно и бессодержательно; под темой А. Лорд разумеет разные понятия, которыми оперировали разные ученые: «функции» В. Я. Проппа (стр. 68, 284), и «типические места» П. Д. Ухова (стр. 93, 285), «модели» К. Леви-Строса (стр. 189, 295) и «мотивы» исследователей «Беовульфа» (стр. 198, 297). Лордовские примеры тем (стр. 96, 120, 122 и др.) — возвращение, избавление, женитьба, захват города, пир и др. — не раскрывают содержания песен. Такие темы могут быть всегда и никогда, они — абстрактные и потому не могут быть критерием: отсюда неожидан и нерезонанс мифологизм автора. Не случайно, что о содержании югославянских песен мы узнаем больше в главе об «Одиссее», нежели во всей первой части. Автор вынужден говорить о «больших» и «малых» темах (стр. 71, 78, 82 и др.), но не дает их системы. Он указывает, что тема имеет «множество форм, подходящих для нескольких различных ситуаций» (стр. 82), что для певца важно содержание песни (стр. 95, 99), что «базисная идея или комбинация идей» каждой песни удивительно стабильна (стр. 100), однако замечания этого рода остались не развернутыми — нет анализа содержания песни и его причинной обусловленности.

Книга А. Лорда интересна наблюдениями над бытованием югославянской эпической традиции и находками повторений — антитез в гомеровском эпосе. Методологическая же сторона неудовлетворительна из-за ее неразработанности.

Ю. И. Смирнов

С. СТОЙКОВ. *Лексиката на банатския говор*. София, 1968, 326 стр.

С. СТОЙКОВ. *Лексика банатского говора*

«Лексика банатского говора» (далее — Л.) проф. С. Стойкова тесно связана с вышедшей из печати два года назад книгой «Банатский говор», посвященной изучению фонетики и грамматического строя говора банатских болгар¹. В новом

труде проф. С. Стойков ставит задачу отразить банатскую лексику с максимальной полнотой и раскрыть ее количест-

гарского языка подробно рассмотрено в рецензиях проф. С. Б. Бернштейна («Советское славяноведение», 1968, № 4) и проф. К. Мирчева («Нов труд по българска диалектология». «Български език», 1968, кн. 2—3).

¹ См.: С. С т о й к о в. Банатский говор. София, 1967 (далее — Б.). Ее значение для диалектологии и истории бол-

венные и качественные особенности. Книга состоит из трех разделов: «Состав лексик» (стр. 9—29), «Словарь» (стр. 31—281), «Тексты» (стр. 282—325).

Центральное место в книге занимает словарь, который, по мнению автора, является почти исчерпывающим (стр. 9). Коллекция диалектной лексики собиралась проф. С. Стойковым в течение 12 лет (с 1953 по 1966 г.). Она представляет собой уникальное явление в болгарской и, пожалуй, вообще в славянской лексикографии как по количеству лексикальных единиц (9386, из них 8711 слов, 230 сложных названий, 445 фразеологических сочетаний), детальной разработке значений слов, так и по количеству иллюстративного материала, включенного в словарные статьи.

В разделе «Состав лексики» проф. С. Стойков анализирует количество и вид лексикальных единиц, заимствования из других языков, отношение диалектной лексики к лексике болгарского литературного языка, выясняет соотношение в словаре различных частей речи (см. табл. 1), устанавливает абсолютное преобладание однозначных слов (83,8%) над словами, имеющими два (12,2%) и более значений (табл. 2). Интересна табл. 3, показывающая состав заимствованной лексики (составляющей $\frac{1}{3}$ словарного состава банатского диалекта) с учетом источника заимствования и распределения ее по частям речи. Большое внимание уделено исследованию элементов, общих банатскому диалекту и литературному языку, и элементов, отражающих специфику диалекта (стр. 18—29). Существует представление, что общие для литературного языка и диалекта слова составляют значительную часть словаря. Количественный анализ лексики, отраженной в словаре, раскрывает иную картину. Таких общих слов (без учета заимствований) в банатском диалекте всего 15%, а основную массу составляют полные (31%) и частичные (33%) диалектизмы (см. табл. 4). Статистические подсчеты проф. С. Стойкова имеют большую ценность. В дальнейшем, когда подобные подсчеты будут произведены для многих диалектов и языков и полученные данные можно будет сопоставить, откроется возможность более точно и с большей объективностью характеризовать общность и различие диалектов одного языка и разных языков.

Книга проф. С. Стойкова имеет большое научное значение не только потому, что она вводит в научный оборот новый, тщательно обработанный фактический материал, существенно обогащающий наше представление о лексическом богатстве болгарского языка. Не менее важно и то, что она дает возможность обсудить конкретное решение некоторых вопросов диалектной лексикографии — принципы отбора слов для словарика, полисемия и омонимия, тип фразеологических единиц

и их отражение в словаре, структура словарной статьи, система помет и др.²

1. Идея составления полных словарей отдельных диалектов приобретает в настоящее время все больше сторонников. Деятельность болгарских диалектологов на протяжении последних лет также доказывает, что необходимость создания словарей такого типа становится очевидной, когда диалектную лексику начинают рассматривать как систему, в значительной степени автономную по отношению к литературному языку. Конечной целью диалектной лексикографии теперь признается не составление инвентаря специфических, «редких» слов и значений, а сбор и публикация возможно более полного лексического материала. Вот почему и в болгарской диалектологии на смену взглядам, что «при публикации словарных материалов нужно делать отбор слов и давать только особенные и более типичные в словарном отношении»³, приходит убеждение, что углубленное изучение лексики как системы и сопоставление ее с лексикой литературного и общепризнанного языка возможно «лишь на основе всего словарного состава» диалекта. Что же касается банатского говора, то проф. Стойков с полным правом подчеркивает, что «только на основе сравнительно полного материала можно установить современное состояние лексики, дать известное представление о составе общепризнанной лексики в конце XVII и начале XVIII в., указать, какие изменения произошли в ней в течение двух с половиной веков» (Л., стр. 9; см. также Б., стр. 403).

Как известно, идея полных диалектных словарей еще вызывает много споров и возражений, в том числе и у некоторых болгарских языковедов⁴. Рецензируемый

² Некоторые вопросы теории и практики составления диалектных словарей (в связи с изучением банатской лексики) затрагиваются в опубликованных рецензиях на эту книгу: М. М л а д е н о в. Интересен принос в диалектна лексикография и лексикография. «Български език», 1968, кн. 3; Т. Б о я д ж и е в. Оригинален принос в българската диалектна лексикография. «Език и литература», 1969, кн. 4.

³ С. С т о й к о в. Нови проучвания на български говори в Съветския съюз. «Известия на Института за български език», кн. IV. София, 1956, стр. 480. См. также: С. С т о й к о в. Българска диалектология по нов път. «Българска диалектология. Проучвания и материали», кн. I. София, 1962, стр. 9.

⁴ См., например: К. П о п о в. Диахрония и синхрония в диалектологията. «Език и литература», 1969, кн. 3, стр. 63; е г о ж е. Нов труд по българска диалектология. «Език и литература», 1968, кн. 2, стр. 75. Убедительна критика этих

труд наглядно подтверждает плодотворность принципа составления полных словарей отдельного диалекта и преимущество их по сравнению с дифференциальными словарями⁵. На материале словаря дифференциального типа возможно решение, по существу, одной задачи — установления специфики какого-либо диалекта по отношению к литературному языку в сфере лексики и семантики. Максимально полный словарь помимо этой позволяет изучить и ряд других проблем и прежде всего проблему иноязычных заимствований и языковых контактов, которая особенно актуальна для диалектов, подобно банатскому длительное время находящихся в изоляции от остальных говоров и испытывающих сильное влияние соседних языков. Если отказаться от составления полного словаря, то не все заимствования, общие для диалекта и литературного языка (в банатском диалекте они составляют 27% всех заимствований), войдут в словарь, при этом неизбежно будет искажена объективная картина иноязычного влияния на данный диалект, не говоря уже о том, что не удастся разграничить старые и новые заимствования. Как глубоко и всесторонне можно изучать лексику диалекта на основе полного словаря, блестяще показывает книга проф. С. Стойкова «Банатский говор» (см. раздел «Лексикология»), в которой дана исчерпывающая характеристика современной банатской лексики и проанализированы изменения, происходившие в ней на протяжении нескольких веков.

Очевидно, что в любом, даже самом полном, словаре полнота охвата диалектной лексики все-таки оказывается относительной: живой диалект находится в состоянии непрерывного развития, изменения; поэтому практически невозможно зафиксировать абсолютно все лексикальные единицы, известные данному языковому коллективу. Таково и мнение С. Стойкова, который вместе с тем считает, что в полный словарь должна войти не вся зафиксированная лексика, а лишь та, которая известна всем носителям говора (стр. 31). На этом основании он не включает в свой словарь ремесленную терминологию, имеющую ограниченную сферу употребления. С этим принципом можно было бы согласиться, если бы были ясны критерии установления того, что данные термины известны всем банатским бол-

гарам или только части их. Отметим, также, что при таком понимании «полного» словаря неправомерно отождествлять понятия лексической состава говора и состава словаря, как это имеет место в работе проф. Стойкова (см., например, названия табл. 1, 2). Очевидно, что все количественные характеристики (абсолютные и относительные) могут быть отнесены только к составу словаря.

Автора можно упрекнуть в том, что, вероятно по недосмотру, в словарь не вошли некоторые «обмученные» слова и формы, отраженные в текстах и иллюстративных примерах в словарных статьях: *ниизгуден* (стр. 289), *пувейра* (стр. 284), *трьдните*, *разнейъ* (стр. 286), *замблам* (стр. 315), *Шайдъй дане* (стр. 286), *стриган* (стр. 137); *пътишта* (стр. 308, в статье *път* — лишь *пъте*), *тестá* (стр. 286), *сенá* (стр. 294); не учтены топонимы *Бийшоф*, *Телепа* (*Болгар Телеп*, стр. 295, 290), хотя есть *Булáрийа* (и *Бълáрийа*). В словаре отсутствуют и некоторые слова и сочетания, встречающиеся в монографии «Банатский говор»: *вълческа йáбълка*, *мáлка седенка*, *Гулéма Гóсна* (стр. 409), *църъп* (стр. 449), *екстемпурал*, *реферинца*, *лукалитáте*, *чере́ре* (стр. 451), *рапнудере* (стр. 453), *кóнзул* (стр. 455).

2. Наибольшую сложность при составлении любого словаря представляет, как известно, выделение самостоятельных значений и далее — разграничение полисемии и омонимии. Так как составители обычно пользуются традиционным логико-семантическим методом, опирающимся в основном на интуцию, определение значений (или их дизъюнкция) носит субъективный характер. С этим мы сталкиваемся и в банатском диалектном словаре, хотя трудности, возникающие при разграничении значений, преодолеваются автором в большинстве случаев успешно. Проф. С. Стойков отдает себе отчет в том, что эта проблема не всегда находит правильное решение в словаре, вследствие чего в передаче значений и омонимов отмечается известная непоследовательность. Примеры ее он приводит на стр. 33. В дополнение к ним укажем также следующие. Неясно, почему, например, значения 'малка каца, каче' и 'бъчва до 100 л.' следует рассматривать как принадлежащие омонимам *ка́че*¹ и *ка́че*², в то время как значения 'голям метален съд за вода с тясно гърло, гюм' и 'съд за вода с дръжка, кана' — одному слову *ка́нта*. Может быть, логичнее было бы видеть в 'познавам, разбирам нещо написано..., чета' и 'пзреждам последователно числа, броя' не два значения одного слова *четъ*, а значения двух омонимов — *четъ*¹ и *четъ*². Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить, но вряд ли это целесообразно, поскольку, на наш взгляд, объективное разграничение полисемии и омонимии в конце концов зависит не от степени

взглядов дана в статье: С. Стойков. За синхрония и диахрония в диалектологията. «Език и литература», 1969, кн. 4, стр. 68 и след.

⁵ Это, однако, отнюдь не отрицает необходимости и целесообразности составления и дифференциальных словарей, например «областных» словарей (в понимании Т. С. Коготковой; см.: «Вопросы языкознания», 1968, № 5, стр. 133).

изученности смысловой структуры слова и характера связи его лексико-семантических вариантов, а от разработки методики, с помощью которой должны анализироваться формы и конструктивные модели выражения конкретных лексических значений.

3. Установление корпуса фразеологических единиц языка данного коллектива и их отражение в словаре — весьма сложная лексикографическая задача. Ее решение зависит прежде всего от понимания составителем объема фразеологии: включаются ли в нее вопросы сочетаемости слов в широком смысле слова, или же она ограничивается описанием фиксированных словосочетаний, характеризующихся семантической и функциональной спецификой. Последняя точка зрения имеет в настоящее время наибольшее распространение. Ее, по-видимому, придерживается и проф. С. Стойков. Во всяком случае, фразеология в его понимании — это «все виды устойчивых х (разрядка нап. — Г. К.) сочетаний» (Б., стр. 408). Число включенных в банатский словарь фразеологических сочетаний очень велико (445); оно значительно превышает количество фразеологизмов в других диалектных словарях. Нельзя не отметить, однако, некоторые противоречия в теоретических взглядах автора на словосочетания, именуемые «сложными названиями», и — как следствие этого — в его лексикографической практике.

В книге «Банатский говор» категория «сложных названий» рассматривается как безусловно фразеологическая (стр. 408), а во вступительной главе к словарю «сложные названия» отграничиваются от устойчивых словосочетаний (стр. 33)⁶. Это нашло отражение и в словаре: устойчивые фразеологические сочетания даются внутри соответствующих словарных статей под знаком □, тогда как «сложные названия», «чье значение не тесно связано со значением составляющих его частей» или «одна из частей не употребляется самостоятельно» (стр. 33) (и которые, следовательно, представляют собой несомненные фразеологизмы), даются отдельной статьей. При этом некоторые другие сочетания аналогичной структуры рассматриваются как переходные (?) между сложными названиями и фразеологическими сочетаниями и даются дважды (например, *нѣмска кошница* 'вид кошница') — отдельной статьей и как обычные фразеологические сочетания (под знаком □). Как видим, «сложные названия», обладающие такими важными признаками фразеологизма, как устойчивость, т. е. «традиционная повторяемость комбинации оп-

ределенных лексических компонентов» и семантическое своеобразие, т. е. «немоделируемая структура содержания»⁷, оформляются иначе, нежели другие фразеологизмы. При этом выбор того или иного способа оформления зависит не от структурно-семантических особенностей самой фразеологической единицы, а от субъективного восприятия ее составителем. Именно поэтому сходные сочетания представлены в словаре по-разному. Например: *дубелу тбчну* — отдельной статьей (упоминается и при *тбчну*), *прѣсну тбчну* — под знаком □ при *прѣсин* и *тбчну*; *бъркану пйтче* — отдельной статьей и дано при *пйтче*, а *прѣсну пйтче* — лишь при *прѣсин* и *пйтче*; ср. также подачу в словаре *баба стѣра* и *мама стѣра*, *к'йсел пупѣр* и *к'йселу зѣ'и*, *упрѣсна к'йша* и *бпк'енска к'йша* и др. Укажем и на случайные расхождения между вступительной статьей (стр. 33) и словарем в подаче сочетаний *склѣчна рѣкъ*, *див бусилѣк'*, *див зайѣк*.

4. Проблема передачи значений решается в словаре в целом удачно. Значения раскрываются или путем перевода диалектных слов на литературный язык (если имеет место прямое семантическое соответствие — *авлил* 'двор', *пот* 'пот' и др.) или путем толкования (если наблюдаются расхождения в семантическом объеме общих для диалекта и литературного языка слов или если диалектному слову нет эквивалента в литературном языке — *быр* 'пряк данѣк', *желѣзу* (2) 'лост за чукаше в чутура'). Иногда, правда, определение значения через толкование оказывается недостаточным, например: *бѣдлеш* 'вид дребна речна риба', *бешѣуре* 'вид ливадно растение', *кѣтенче*² 'вид ливадно растение', *уфѣк* 'жълто полско цвете'; см. также *бдин бык*, *белѣца*, *г'ѣфска тѣрпѣза*, *глоб'и*, *г'урлѣк*, *гѣрванск'и лук*, *пѣте* и др. Очевидно, в этих случаях (а может быть, и всегда при номенклатурных названиях) лучше было бы дать латинские соответствия.

5. Техническое оформление словарных статей находится на высоком уровне. Нужно отметить тщательно продуманную систему подачи вариантов (общеканатских, междиалектных), экономные и в то же время содержащие достаточно информацию пометы, широкое использование отсылок, специальное выделение фразеологических сочетаний и т. д. Все это значительно облегчает пользование словарем, помогает извлечь из него максимум сведений. В то же время нельзя не указать и отдельных случаев непоследовательности и известной небрежности в оформлении словарного материала.

⁷ Н. Н. Амосова. Современное состояние и перспективы фразеологии. «Вопросы языкознания», 1966, № 3, стр. 68.

⁶ Ср. и данные о составе словаря: отдельно приводятся число сложных названий и число фразеологических сочетаний (стр. 9).

Во-первых, вряд ли целесообразно использовать знак □, закрепленный за фразеологией, для введения в словарь «описательных названий», которые, по словам автора, образуют «переходный тип к фразеологическим сочетаниям» (стр. 408). Так, в статью *машына*¹ включены под □ *машына дет вале йабъ*, *машына дет ший* и др. Для подобных словосочетаний следовало бы принять особый знак. Материал данной статьи, кстати, убедительно свидетельствует о том, что описательные названия с *дет* не могут, по нашему мнению, рассматриваться как «переход» к фразеологическим сочетаниям по той причине, что они имеют различный характер. В самом деле, «описательные названия» — обычные свободные сочетания, которые не обнаруживают ослабления категориальных свойств слов, входящих в их состав, это — реализация одной из существующих в языке абстрактных синтаксических конструкций⁸, тогда как фразеологизмы всегда — устойчивые сочетания. Не случайно, что автор сам трактует описательные названия по-разному: *машына за стрыган*⁹ считается свободным сочетанием и помещается как иллюстрация к значению «уред за пзвършване на известна работа» (при слове *машына*¹), а *машына за рэзанина* дается как фразеологизм (там же).

Во-вторых, имеет место значительное число расхождений (фонетико-морфологических, семантических) при повторном приведении фразеологических сочетаний, например, *крадъ денёте* «прекарвам» (стр. 114) и *крма* ~ «прекарвам сп дните» (стр. 68); *мы вьрвей на паметк* (стр. 55) и *мы вьрвй* ~ (стр. 169); *правы гьба* (стр. 63) и *права* ~ (стр. 179); *флэйа за пюп* (стр. 178) и *флязам* ~ (стр. 260); *флэйал у пьтка* (стр. 178) и *флязам* ~ (стр. 260), *мёрна к'йша* (стр. 127, 139) и *мёрна* ~ (стр. 141), *зёмем пуд ланъц* (стр. 90) и *жэна (зэме)* ~ (стр. 128); *ни куштыва инъ луль багоф* (стр. 37) и *инъ луль* ~ (стр. 123), *влайшк и пйтчета* (плур.) (стр. 52) и *бържану (влайску) пйтче* (стр. 174), *седъ (стыйъ) на хуртъ* (стр. 256) и

⁸ В связи с этим возникает вопрос, правомерно ли квалифицировать указанные сочетания с *дет* как (описательные) и а з в а н и я, тогда как в ряде случаев они представляют собой т о л к о в а н и е некоторых терминов. Именно так воспринимается *машына дет шпрыца* «пръскачка», тем более, что в банатском говоре семеме «пръскачка» соответствуют лексемы: *машына*¹ (4), *пръскалу*, *шпрыц*¹. Ср. также «шевна машина» — *машына*¹ (3) и *машына дет ший*; «вьршачка» — *машына*¹ (7) и *машына дет вьрше* (стр. 55: ... *дет вьрше*); возможно и «тепавица» — *тепавица* и *машына дет вале йабъ*.

стыйъ ~ (стр. 224). Фразеологизм *на гьра* на стр. 50 приведен с двумя значениями, а на стр. 249 — с одним. Расхождение в семантике отмечены также в следующих случаях: *гьра на гьрдёте* «широк кожен колан, който е вьрху гьрдёте на кон» (стр. 61) и *гьра на гьрдёте* «широк кожен колан, който е вьрху гьрба на кон» (стр. 63); *фьрле русъ* «овлажнява» (стр. 207) и *фьрлем русъ* «овлажнявам, изпотявам» (стр. 261).

Проф. С. Стойков отказывается от уэлификации в написании одних и тех же слов (они «даются так, как записаны в говоре»; стр. 32), поэтому в словаре отмечается довольно значительное число произносительных вариантов. Это касается прежде всего слов, в состав которых входит особая, характерная для банатского диалекта фонема [и/ы], реализуемая в «фонемонидных вариантах» [и] и [ы]. Варианты заглавного слова, которые различаются лишь и и ы, как правило, специально не приводятся (случаи вроде: *сестрыни* и *сестрыни* крайне редки), но в словарных статьях они часто встречаются рядом (*вьда*, *гьры* и т. д.), и это не вызывает возражений. Менее бесспорно оформление статей, в которых заглавное слово дано с и, а примеры только с и и наоборот (*пазыке*¹, *крийа се*, *тыпала*, *лыгоф*, *фьрма*² и под.). Нельзя, однако, признать удачным, когда при *мыль* в качестве синонима дано *лыпъ дьрву*, а в отдельной статье это название имеет вид *мыль дьрву*; при *йуадър* указан синоним *фринър*, который в отдельной статье дан как *фрынар*; *к'утиф* вж. л'утиф, а ниже — л'утиф. Обращают на себя внимание различия в написании слов с и и ы в словаре и в монографии «Банатский говор», например: *вьрдекуре*, *кладьре*, *мбыла*, *тызул*, *лыбер* (словарь) и *вьрдекуре*, *кладьре*, *мбыла*, *тызул*, *лыбер* (монография, стр. 449—451). Неясно, как трактовать подобные различия: как равноправные варианты (но в этом случае следовало бы больше учитывать различную дистрибуцию [п] в бешеновском и винганском говорах), как различия в точности записей слов или же просто как техническую небрежность. Немало расхождений в фонетическом облике одних и тех же слов и в некоторых других случаях. Ср.: в словаре *йабъ*, *п'ясна* и *п'ясна*, *социйцыйа*, *Велыка гьсна*, а в монографии (стр. 408, 409, 449, 451) *абъ*, *п'ясна*, *социйцыйа*, *Гулёма гьсна* и др.

Большое внимание проф. С. Стойков уделяет отражению разного типа вариантов: фонетических и морфологических, общепанатских и свойственных одному из поддиалектов — винганскому или бешеновскому, вариантам с различной стилистической окраской. Это несомненно обогащает наши представления о лексике банатского говора. Нельзя не отметить и весьма последовательное в целом

оформление вариантов, хотя именно по этому пункту считаем необходимым сделать несколько замечаний.

Обычно фонетические варианты даются в одной словарной статье (*направа* и *направа*), но иногда они приводятся в отдельных статьях (*глуф* и *глух*, *пазарышту* и *пазарыште*, *пберас* и *пбрас*), в других случаях — с пометой «вж.», т. е. «см.» («правы мы се вж. праи мы се», а далее «праи мы се и праи мы се»). Не всегда последовательна передача междиалектных вариантов. Как правило, они снабжаются двусторонними отсылками, и это правильно, так как это облегчает нахождение и сопоставление вариантов (например, *бицйглы* и *бицйкла*, *бистош* и *цигурну*, *качйла* и *шйпка*, *тървръын*, *тървръс* и *тървръс*). Однако для ряда слов таких отсылок мы не находим: *кокошърк* и *штырк*; *пентър* и *пиктър*; *перпелйца* и *питпелйк*; *дълъб* и *дъл'бъ*; *рбдин*¹ и *рудён*²; *кърт*^{1,2} и *къртыч*^{1,2} и др.

Большую ценность представляют также отсылки к синонимам, помогающие изучению лексической системы банатского диалекта в целом и выявлению лексико-семантической специфики составляющих его поддиалектов. Жаль только, что отсылки даются автором не ко всем синонимам. Так, при значении 'говоря' глагола *казвам* есть отсылки к синонимам *ричъ*, *хуртйвам*, но при 'нарпач' такой отсылки нет, хотя в говоре отмечен глагол *нарйчем*, который в одном из своих значений является несомненным синонимом к *казвам*. Глаголы *иштъ* и *ишта* в первом значении — синонимы (об этом говорит и иллюстративный материал словарных статей и примеры из текстов: *хбрата ни иштъ българск'и шкйла*, *хбрата иштат палк'ёнск'и* (стр. 283), однако соответствующих отсылок нет.

В словаре используются также пометы-квалификаторы, определяющие грамматическую категорию слова. Эти пометы сделаны очень точно, за исключением нескольких случаев, например *кѣко* 'каково, что' квалифицируется как существительное (надо — местоимение), *какйи* имеет только помету вопросительное местоимение, хотя в одном примере оно выступает как относительное.

Существенную роль для изучения лексики банатского говора имеют пометы, указывающие на язык, из которого данное слово заимствовано (но не язык, где оно возникло; стр. 12). Изучение заимствований в таком аспекте представляет большой интерес, так как позволяет лучше понять особенности взаимодействия банатского диалекта и соседних языков. Установление источника заимствования ряда слов оказалось затруднительным. Этим, вероятно, объясняется то, что некоторые слова, определенные в монографии (стр. 449 и след.) как заимствования из румынского, в словаре трактуются иначе: *шоп* (нем.), *търра* (тур.), *к'ермйда* (н-

гр.)⁹, *рйда*, *кама* (ср.-хорв.). Разный источник заимствования указан и для *дыван'*, *мйстра*, *зъмничка* и др. Значительное количество слов, которые рассматриваются в монографии как румынские, венгерские, немецкие, в словаре оставлены без помет, т. е. источник их заимствования представляется автору неясным (*перпелйца*, *чизмър*, *чбрда*, *булнф*, *курэжин*, *пантружёл'*, *упчйсвам*, *кантйна*, *днфна*, *картён'*, *апёл*, *алърма* и др.)¹⁰. Лишена помет о происхождении и так называемая 'международная лексика', принадлежность слов к которой определяется, в сущности, только тем, что для них 'очень трудно установить язык, из которого они непосредственно перешли' (стр. 17). Таким образом, оказывается, что слова разного характера оформляются одинаково, и отсутствие помет может толковаться двояко, например неясно, считает ли проф. С. Стойков слова *адрёса*, *мйстур*, *секция* международными или же он затрудняется определить их источник. непонятно также, почему, например, *уфйцйр* относится к международной лексике, а *канённик'* — нет (стр. 17). Есть случаи противоречивых указаний: на стр. 17 словаря *министърстау*, *бицйглы* — международные слова, а ниже первое определено как румынское (стр. 19), второе — как венгерское (стр. 41).

Грамматические комментарии даются в словаре очень экономно. Это не вызывает возражений, поскольку они, как правило, оказываются достаточными (более подробные сведения по грамматике можно извлечь из раздела «Морфология» в упомянутой монографии). Лишь в некоторых случаях грамматическую характеристику слов, видимо, следовало бы расширить, например, указать численные формы при *грыс*, *грьйс*, *мъс*, *слабус*, *стук'* (ср. *кос*, *кустъ*) и *газдашак*, *мйлатшак* (ср. *китаншак*, *-ага*).

В заключение нужно сказать, что наши замечания затрагивают не принципы составления словаря, которыми руковод-

⁹ В словаре разграничиваются греческие (*дармён'*, *курём*, *мерызмъ*) и новогреческие (*з'еран*, *даскал*, *кукла*, *кбкъл*, *лывада*, *фйста* и др.) заимствования. Это разграничение важно для понимания роли греческого языка в разные периоды истории болгарского языка. К сожалению, автор не дает разъяснений, что он понимает под 'греческим' и 'новогреческим' словом.

¹⁰ Нам кажется, что автор использовал не все возможности для установления источника заимствования некоторых слов. Ср., например, *бишк'йла* 'обуцарски нож', и ср.-хорв. *бйчкија*, 'то же', *диктандур* 'тетрадка' и рум. *dictando*, *caiet de dictando*, *канара* и ср.-хорв. *канара*, *канфур* и рум. *самфор*, *кансыл* и нем. *Karsel*, *винцелёр* и нем. *Winger*, *ббчкур* и венг. *bocskor*, *иштория* и венг. (*h*)*istoria*.

ствуется проф. С. Стойков и которые не вызывают сомнения, а прежде всего их конкретное воплощение. Эти замечания не могут поколебать чувства восхищения замечательным трудом известного болгарского ученого. Словарь банатского

говора может послужить хорошим образцом для будущих лексикографических работ, ставящих своей задачей полное описание болгарской диалектной лексики.

Г. П. Клепикова

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1969 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран, партий, внешняя политика

Балев И. Народная Республика Болгария и ее внешняя политика. *Международная жизнь*, 1969, № 9.

Бовкун Е., Ратиани Н. Замыслы пропагандистских диверсантов. Новая кампания злобных провокаций против социалистической Чехословакии. *«За рубежом»*, 1969, № 33.

Брежнев Л. Коммунистическое движение вступило в полосу нового подъема. (К итогам Международного совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969 г.) *«Проблемы мира и социализма»*, Прага, 1969, № 8.

Броз Тито И. Выступление И. Броз Тито (на встрече с представителями общины Задара). *«Правда»*, 1969, 2 сентября.

Вацлавек Ю. Интернациональное и национальное в политике коммунистов. *«Проблемы мира и социализма»*. Прага, 1969, № 8.

Герхард Я. Широкое русло. (О внешней политике ПНР). *«За рубежом»*, 1969, № 29.

Гусак Г. Верность делу социализма. (Сокращенный текст выступления на собрании парт. актива Североморавской области). *«За рубежом»*, 1969, № 28.

Давыдов Ю. Восточноевропейские доктрины Вашингтона. *«Новое время»*, 1969, № 31.

Единство взглядов. К итогам визита в СССР министра иностранных дел Народной Республики Болгарии И. Башева. (18—25 июля 1969 г.) *«Правда»*, 1969, 26 июля.

Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил. Принято Международным совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г. *«Проблемы мира и социализма»*, Прага, 1969, № 7.

Коммюнике о Международном совещании коммунистических и рабочих партий *«Проблемы мира и социализма»*, Прага, 1969, № 7.

Кудрявцев В. Если уж диалог, то объективный! (Ответ на статью Р. Петковича, опубликованную в ж. *«Международная политика»*, Белград) *«Новое время»*, 1969, № 31.

Кудрявцев В. Против кого же направлены стрелы? (По поводу статей Б. Шилеговича, Р. Петковича и др., опубликованных в ж. *«Международная политика»*, касающихся вопросов международной политики и внешне. политики соц. государств.) *«Новое время»*, 1969, № 21.

Письмо делегаций Белорусской Социалистической Республики, Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Союза Советских Социалистических Республик, Украинской Советской Социалистической Республики и Чехословацкой Социалистической Республики на XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН Генеральному секретарю Организации Объединенных Наций от 19 сентября 1969 г. (о включении в повестку дня вопроса о заключении Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического и бактериологического оружия и его уничтожении). *«Правда»*, 1969, 21 сентября.

Проект конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов химического и бактериологического (биологического) оружия и его уничтожении (предложенный рядом социалистических стран в ООН) *«Правда»*, 1969, 21 сентября.

Совместное заявление об итогах визита в Советский Союз партийно-правительственной делегации ГДР (7—14 июля 1969 г.). *«Правда»*, 1969, 15 июля.

Совместное советско-югославское сообщение (об итогах официального визита министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Югославию 2—6 сентября 1969 г.). *«Правда»*, 1969, 7 сентября.

Степанов В. Мирровая система социализма — ведущая революционная

сила современности. «Коммунист», 1969, № 10.

Федосеев П. Современный революционный процесс и проблемы теории. «Правда», 1969, 25 июля.

Черников Г. Теория конвергенции — орудие антикоммунизма. «Правда», 1969, 16 сентября.

Ярошевский Т. М. Развитие В. И. Ленинским марксистского понимания практики и современность. «Вопросы философии», 1969, № 7.

25 лет Народной Республики Болгарии

Васильев Г. Рожденная в боях и труде. К 25-летию социалистической революции в Болгарии. «Коммунист Белоруссии», 1969, № 8.

Желтов А. Освобождение Болгарии, Воен. ист. журн., 1969, № 9.

Живков Т. Доклад товарища Т. Живкова (на торжественном заседании в Софии, посвященном 25-летию НРБ). «Правда», 1969, 9 сентября.

Илиев П. К свободе и счастью народа. (К 25-летию свержения монархофашистской диктатуры в Болгарии). «Коммунист Вооруженных Сил», 1969, № 17.

Народная Республика Болгария за 25 лет. Вестн. статистики, 1969, № 8.

Подгорный Н. В. Речь товарища Н. В. Подгорного (на торжественном заседании в Софии, посвященном 25-летию НРБ). «Правда», 1969, 9 сентября.

Симуров А. Праздник в болгарском доме. (Об успешном выполнении задач социалистической революции.) «Зарубежом», 1969, № 36.

Стаматов А. Славный юбилей народной Болгарии. «Советы депутатов трудящихся», 1969, № 9.

Такоев П. На верном пути. К 25-летию со дня свержения фашистской диктатуры в Болгарии. «Агитатор», 1969, № 17.

Четверть века, равная столетию! (Статьи зарубежных корреспондентов о социалистическом развитии Болгарии.) «Зарубежом», 1969, № 36.

25 лет Польской Народной Республики

Брежнев Л. И. Речь товарища Л. И. Брежнева (на торжественном заседании Сейма, посвященном 25-летию ПНР). «Правда», 1969, 22 июля.

Васильев Л. Польша: 25 лет по пути социализма. Социально-экономические достижения за годы народной власти. Полит. самообразование, 1969, № 7.

Гомулка В. Речь товарища В. Гомулки (на торжественном заседании Сейма, посвященном 25-летию ПНР). «Правда», 1969, 22 июля.

Гура В. Двадцать пять лет народной Польши. «Вопросы истории КПСС», 1969, № 7.

Гусак Г., Штоф В. Выступления Г. Гусака и В. Штофа (на торжественном заседании Сейма, посвященном 25-летию ПНР. Изложение). «Правда», 1969, 23 июля.

25-летие народной Польши. «Новое время», 1969, № 29.

Заставны В. 25 лет народной Польше. «Коммунист Украины», 1969, № 7.

Ильшешко А. Четверть века свободной жизни. К 25-летию народной Польши. «Коммунист Белоруссии», 1969, № 7.

Клишко З. 25 лет Польской Народной Республики. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1969, № 7.

Польской республике 25 лет. «Огонек», 1969, № 29.

Пташиньски Я. Народной Польше — четверть века. «Советский Союз», 1969, № 7.

Рубенчик Е. Национальный праздник Польской Народной Республики. (Об успехах народного образования в связи с 25-летием ПНР). Нар. образование, 1969, № 8.

Страна, возрожденная социализмом. (Подборка материалов из польской прессы, посвященных 25-летию Народной Польши.) «Зарубежом», 1969, № 29.

Трещиньский С. Возрожденная Польша. (К 25-летию создания Народной Польши.) Парт. жизнь, 1969, № 14.

Урбанович Ю. 25 лет по пути строительства социалистической Польши. «Коммунист Вооруженных Сил», 1969, № 14.

Шидляк Я. Исторические завоевания польского народа. (К 25-летию создания Народной Польши.) «Коммунист», 1969, № 10.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А. Л. Двенадцатое заседание постоянной комиссии СЭВ по статистике. Вестн. статистики, 1969, № 7.

А. П. Речные дороги Польши. (О польском гидростроительстве.) «Новое время», 1969, № 33.

Архинов Н. Связи социалистических стран в области контроля за качеством товаров. Внешн. торговля, 1969, № 8.

Бахнов М. С. Пути индустриального развития европейских стран — членов СЭВ. Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1969, т. 241, Научн. коммунизм, вып. 2.

Владова Н. В. Новые принципы формирования хозрасчетных фондов на предприятиях НРБ. Труд и зар. плата, 1969, № 2.

Володарская Р., Дерябина М., Друзякова Н. Материальное стимулирование в европейских социалистических странах — членах СЭВ. Научн. докл. высш. школы. Экон. науки, 1969, № 8.

Гальцева Т. В., Голак М. И., Пивоваров Ю. Л. Использование природных и трудовых ресурсов в процессе формирования производственно-территориального комплекса в Восточной Словакии. Геогр. сборник, 1969, № 3.

Гилляревский Р. С. Симпозиум стран — членов СЭВ «Подготовка потребителей информации и изучение нужд потребителей» (Бухарест, 11—15 ноября 1968 г.). Информация о библиотечном деле и библиогр. за рубежом, 1969, вып. 2.

Деятельность Совета Экономической

Взаимопомощи Бюл. экон. информации (СЭВ), 1969.

Димов И. Д. Про закон пошты і пропозиції в соціалістичній економіці. Питання політ. економії. 1969, вип. 52.

Домбровская М., Перельман М. Хозяйственная реформа в действии (в странах — членах СЭВ). Экономика страна, 1969, № 7.

Дробышева Л., Телефус А. Экономическое стимулирование технического прогресса в странах — членах СЭВ. «Вопросы экономики», 1969, № 8.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Исторически преглед», 1969, № 2—3

Хр. Христов. Социалистическая революция 9 сентября и болгарская историческая наука; В. Хаджиниколов. Журнал «Исторически преглед» и наша историческая наука; П. Ставрев. Начало сопротивления болгарского народа против гитлеровского хозяйничанья; Д. Дочев. Социально-классовая характеристика 4-й Родопской бригады им. Г. Димитрова; Д. Коен. Провал нацистских планов уничтожения болгарских евреев; Б. Матеев. О главном ударе вооруженного восстания 9 сентября; Б. Йорданов. Партия и рабочий контроль над капиталистической промышленностью в Болгарии (1944—1947 гг.); К. Стоянов. Роль РМС в утверждении народно-демократической власти (1944—1947 гг.); М. Исусов. Движение за кооперативную обработку земли в Болгарии (1944—1947 гг.); Ф. Христов. 9 сентября и Болгарская народная армия; И. Лалов, В. Яначков. Боевая дружба между 15-й пехотной дивизией и народно-освободительными войсками в Македонии; А. Калинин. Болгарская женщина в Отечественной войне (1944—1945 гг.); Ст. Танев. Массовое движение в Болгарии за помощь югославским детям в 1944—1945 гг.

«Литературна мисъл», 1969, № 3

В. Кунчев. Литература и новая действительность (1944—1945 гг.); В. Колевский. Проблемы социалистического реализма в болгарской литературе (1949—1955); Б. С. Ангелов. О некоторых общих чертах в развитии древнеславянских литератур; Л. Грашева. Древнеславянские литературы в новом освещении; В. Топенчаров. Дополнительные сведения о Ламартине в Болгарии; О. Сапарев. «Массовая культура». Ее агрессия на Западе и отношение к нам; В. Бехиньева. Черты барокко в болгарской историографии эпохи Возрождения; В. Бояджиева.

Потомки; Л. Георгиев. Современность и новаторство в лирике; С. Баева. Десять неизвестных стихотворений Петко Славейкова.

«Език и литература», 1969, № 4

Двадцать пять лет славистики в Народной Республике Болгарии; С. Стоянов. Болгарское языкознание; К. Бабов. Болгарская русистика (языкознание); Г. Веселинов. Болгарское литературоведение; Й. Цонев. Болгарская русистика (литературоведение); Н. Драганов. Славянское литературоведение в Болгарии; Д. Марков. К вопросу о сравнительной датировке славянских азбук; Х. Недялков. Кирилл и Мефодий в болгарской литературе; С. Стойков. О синхронии и диахронии в диалектологии.

«Български език», 1969, кн. 3

Л. Андрейчин. Вместе с азбукой Кирилл создал и древнеболгарский литературный язык; К. Мирчев. Об одной древнеболгарской синтаксической особенности в выражении притяжения; П. Илчев. К проблеме языковой сегментации древнеболгарских текстов; В. П. Василев. Климент Охридский и авторство «Паннонских легенд»; И. Добрев. В защиту глаголических письмен; Л. Ставрева. Некоторые синтаксические особенности исторических драм Вазова; С. Кожухаров. Имя создателя славянской письменности; Х. Василев. Почему *възъл*, а не *въчъл*? К. Иванов. Вторичная семантическая нагрузка в двух типах конструкций; В. Карпов. К вопросу о беспредложных сочетаниях существительных имен в современном болгарском языке; М. Вьгленов, И. Кынчев. Произношение и транскрипция корейских имен в болгарском языке; С. Стойков. Диалектные тексты из с. Мугла, Девинско

«Zeitschrift für Slawistik», 1969, № 2

Р. Лёч. Сербо-лужицкие диалектные тексты из Нижней Лужицы; М. Григар. Смысловое содержание и построение сюжета в «Пекаре Яне Маргоуле» Владислава Ванчуры; Р. Грегор. Вклад Фридриха Боденштедта в немецкую характеристику образа Лермонтова в XIX в.; М. Бевернис. Образ Германни у Л. Н. Андреева; Н. Силлат. А. Блок в творчестве Константина Паустовского.

№ 3

Г. Г. Бильфельдт. Славянские языки и литература в ГДР; Х. Шустер-Шевц. 20 лет сербо-лужицкого языкознания; К. Буттке. О преподавании языка в обучении преподавателей

русского языка в годовщину ГДР; Э. Байер, Х. Вальтер. Развитие болгаристики в ГДР; Р. Эккерт. 20 лет баллистики в ГДР; Э. Прахт. Актуальные задачи теории социалистического реализма; А. Хирше. Формирование героя в современной советской прозе; Ф. Мирау. Два источника советской лирики; Х. Флиге. Советская литература и немецкое социалистическое рабочее движение; М. Вегнер. Г. В. Плеханов в Германии; Х. Грассгофф. Передовые идеи в русской литературе эпохи просвещения; А. Германн. Польская литература в ГДР; Ф. Краузе. К истории славянского отдела в Немецкой государственной библиотеке и его библиографической деятельности.

К 25-ЛЕТИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

29 августа 1969 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР состоялась научная сессия в ознаменование 25-й годовщины социалистической революции в Болгарии. Открывая сессию, заместитель директора Института канд. филол. наук И. М. Шенгунов охарактеризовал социалистическую революцию в Болгарии как значительный исторический рубеж в развитии мировой социалистической системы, как еще один этап укрепления многовековой дружбы и плодотворного сотрудничества Советского Союза и Болгарии.

В докладе д-ра ист. наук Л. Б. Валева «25 лет социалистической революции в Болгарии» были прослежены главные этапы социалистического строительства в народной Болгарии, изменившего коренным образом облик страны. Докладчик подчеркнул творческий подход Болгарской коммунистической партии к теории и практике марксизма-ленинизма, что нашло отражение в правильном сочетании общих закономерностей, проявляющихся в ходе социалистического строительства, с теми конкретными условиями, которые существовали в стране. Особенно это проявилось при кооперировании крестьянства: кооперирование в Болгарии проходило без предварительной национализации земель. В дни, предшествовавшие 25-летию юбилею социалистической революции в Болгарии, на Международном совещании рабочих и коммунистических партий в Москве, Болгарская коммунистическая партия, особо отметил Л. Б. Валева, выступила по всем важнейшим вопросам стратегии и тактики международного рабочего и коммунистического движения в едином строю с Коммунистической партией Советского Союза. Советские коммунисты видят в лице своих болгарских единомышленников верных соратников в борьбе за светлые идеалы коммунизма.

Заместитель директора Института истории БАН В. Божинев в докладе на тему «Внешняя политика Народной Республики Болгарии (1944—1968 гг.)» осветил главные принципы внешней политики Болгарии: сотрудничество с социалистическими странами, борьбу за мир и безопасность народов. С большим интересом присутствовавшие на сессии заслушали доклад ст. науч. сотр. Института истории

БАН М. Исусова: «Некоторые проблемы социальной структуры и социалистической революции в Болгарии в период 1944—1947 гг.» Докладчик показал, что экономические мероприятия, проведенные народной властью в указанный период, подготовили условия для широкого социалистического строительства в последующие годы.

В докладе ст. науч. сотр. Института славяноведения и балканистики АН СССР В. И. Злыднева «Достижения литературы социалистической Болгарии» были прослежены наиболее значительные достижения современных болгарских писателей за истекшие четверть века. Принципиально важными для развития болгарской литературы, по мнению В. И. Злыднева, являются опыт сличения болгарских литераторов в первые годы социалистической революции, когда подавляющее большинство болгарских писателей включилось в культурную революцию, и утверждение и обогащение метода социалистического реализма в современной болгарской литературе. Характеризуя внутренние этапы четвертьвековой литературной истории, В. И. Злыднев выделяет вторую половину 40-х годов, когда появилась новая проблематика в творчестве революционных писателей — В. Андреева, Г. Караславова, О. Василева, К. Зидарова, М. Исаева и др. Сложный и противоречивый второй этап (конец 40-х и начало 50-х годов), несмотря на упрощения, появление слабых произведений, все же оставил первый глубокий след в литературе в области эпического творчества — романы Д. Димова, Г. Караславова, Д. Талева. После апрельского пленума ЦК БКП (1956 г.) начинается новый творческий подъем в болгарской литературе. Он отмечен выдвижением таких ярких поэтических талантов как В. Ханчев, В. Петров, П. Пенев, в области прозы — К. Калчев, А. Гуляшки, П. Вежинов, Б. Райнов, П. Радичков, Н. Хайтов, новыми достижениями в драматургии — И. Пейчев, Г. Джагаров, Д. Асенов и др. Развитию и обогащению литературного процесса содействовали активная творческая деятельность писателей старшего поколения — Л. Стоянова, Е. Багряны, Н. Фурнаджиева, Э. Станева, Ламара и др. Успехи и достижения болгарских писателей несом-

ненны и значительны. Об этом свидетельствует их широкая известность не только в Болгарии, но и за рубежом. Эти достижения оказались возможными благодаря тому, что Болгария успешно развивается по пути социализма.

25-летию социалистической революции в Болгарии была посвящена и объединенная научная сессия Академии наук СССР, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Академии общественных наук при ЦК КПСС, состоявшаяся 1 сентября 1969 г.

Для участия в работе сессии прибыла делегация Болгарской академии наук во главе с вице-президентом И. Пашевым. На сессии присутствовали также Чрезвычайный и Полномочный Посол Народной Республики Болгарии С. Гюров и сотрудники Посольства НРБ в СССР.

Сессию открыл академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е. М. Жуков. В своем выступлении акад. Е. М. Жуков охарактеризовал развитие народной Болгарии за 25 лет как замечательное торжество идей марксизма-ленинизма, учения о руководящей роли рабочего класса и его партии.

Участники сессии заслушали ряд докладов, подготовленных как научными сотрудниками АН СССР, так и болгарскими учеными. В докладе чл.-корр. АН СССР В. М. Чхиквадзе «25 лет Народной Республики Болгарии» было показано, что за четверть века Болгария превратилась из отсталой аграрной страны в развитое социалистическое государство, в котором созданы современная промышленность, высокопродуктивное кооперированное сельское хозяйство, достигнуты большие успехи в области культуры. Докладчик особо отметил, что Болгарскую коммунистическую партию, руководители созидательного труда болгарского народа, отличает глубокая идейная убежденность, верность принципам марксистско-ленинской теории, преданность идеям пролетарского интернационализма.

В докладе акад. БАН Е. Матеева «Болгарская Народная Республика в системе международного социалистического разделения труда» были затронуты вопросы взаимного влияния роста национального дохода Болгарии и ее расширяющегося участия в международном социалистическом разделении труда. Участие Болгарии в международном социалистическом разделении труда, отметил Е. Матеев, создает стабильность болгарского экспорта, что благотворно отражается на экономическом развитии Болгарии, промышленность и сельское хозяйство которой развиваются высокими темпами.

Чл.-корр. БАН К. Добрев в докладе «Построение развитого социалистического общества в Народной Республике Болгарии» остановился на вопросе создания материально-технической базы. В стране

создано современное машиностроение, химическая промышленность, из года в год растет энергетика Болгарии. Изменения в экономике повлекли за собой и социальные изменения в стране: выросла доля квалифицированного труда и в промышленности и в сельском хозяйстве, изменилась и болгарская интеллигенция, отдающая много сил строительству социализма в своей стране.

О социалистической индустриализации Болгарии рассказала канд. экон. наук В. И. Шабунина. Она отметила, что в результате социалистической индустриализации была ликвидирована технико-экономическая отсталость страны, что Болгария приближается по уровню промышленного развития к экономически развитым социалистическим государствам.

Проф. Т. Вылов в докладе «Общее и специфическое в социалистической революции в Болгарии» подверг критике концепцию о двух этапах в болгарской революции. Он подчеркнул, что революция в Болгарии с самого начала развивалась как социалистическая, в своих общих чертах повторившая Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Докладчик указал и на специфические черты диктатуры пролетариата в Болгарии, установленной в форме народно-демократической власти: союз рабочего класса со средним крестьянством на этапе борьбы с фашизмом, участие части прогрессивной буржуазии в революции на стороне народа, существование Отечественного фронта, участие в управлении страной крестьянской партии — Земледельческого союза. Т. Вылов, отметив наличие национальных особенностей, проявившихся в ходе процесса социалистического строительства в Болгарии, сделал вывод о том, что опыт Болгарии подтвердил основные положения марксистско-ленинской теории о путях и методах социалистического строительства.

В выступлении Б. Спасова на сессии были рассмотрены этапы становления социалистического права и государства. Докладчик указал на характерную особенность в Болгарии: старый государственный аппарат не был упразднен сразу, народная власть использовала его при создании нового государственного аппарата. Выступление вице-президента БАН И. Пашева было посвящено развитию биологической науки в Болгарии за годы народной власти. Он отметил, что в народной Болгарии разрабатываются почти все отрасли современной биологии, налажено производство необходимых для народного потребления биопродуктов, витаминов, антибиотиков, вакцин.

Акад. Л. Крыстанов рассказал о развитии географической науки в НРБ. В докладе проф. Д. Шопова «Болгарская химия за 25 лет народной власти» было показано, что за четверть века в Болгарии

создана мощная химическая промышленность, являющаяся одним из основных факторов развития всего народного хозяйства. Вице-директор Объединенного института ядерных исследований, акад. БАН Х. Христов в докладе «Болгарская атомная физика — плод болгаро-советской дружбы» привел интересный материал о плодотворном сотрудничестве советских и болгарских ученых, работающих в области атомной физики.

Выступивший И. М. Шептунов затем проанализировал глубокое революцион-

ные изменения в сфере культурной жизни, которые были тесно связаны с экономическими и политическими преобразованиями в стране. Выступления участников научной сессии показали, что социалистическая революция, победившая четверть века назад в Болгарии, обеспечила наиболее полное развитие творческих сил болгарского народа, сделала возможным построение нового общества с процветающей экономикой, культурой, наукой.

Т. П. Блинова

НАУЧНАЯ СЕССИЯ В СОФИИ, ПОСВЯЩЕННАЯ 25-ЛЕТИЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БОЛГАРИИ

С 4 по 6 сентября 1969 г. в Софии проходила юбилейная научная сессия Болгарской академии наук, Софийского университета им. Климента Охридского, Высшей партийной школы им. Станке Димитрова, Высшего экономического института им. Карла Маркса и Института истории Болгарской коммунистической партии, посвященная 25-летию социалистической революции в Болгарии.

В работе сессии приняли участие член Политбюро ЦК БКП, почетный президент Болгарской академии наук акад. Т. Павлов, секретарь ЦК БКП В. Коцев, председатель Бюро Народного собрания акад. С. Гановски, президент Болгарской академии наук акад. А. Балеваки, многочисленные представители болгарской научной общественности, а также ученые из СССР, Польши, ГДР, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Югославии и МНР. Сессию открыл ректор Софийского университета акад. П. Зарев.

С докладом «25 лет творческого применения и осуществления марксистско-ленинских идей в социалистической Болгарии» на пленарном заседании сессии выступил акад. Т. Павлов. Он рассказал об исторических достижениях болгарского народа в области экономики и общественных отношений, о глубоких изменениях в культурной жизни страны. Докладчик подчеркнул, что политика БКП направлена на успешное связи между наукой и практикой социалистического строительства. Болгарская наука все больше становится производительной силой и теоретической основой для руководства не только экономикой, но и всем общественным развитием страны. Проанализировав современное состояние, достижения и задачи болгарской науки, Т. Павлов обратил внимание участников сессии на некоторые важные аспекты научного творчества в национальном и международном масштабах, связанные с победой социалистической революции и условиями развития страны в обстановке непримиримой борьбы против империализма и всех тех, кто посягает на завоевания революции.

«В мире идет идеологическая борьба между социализмом и капитализмом, — отметил докладчик. — В этой обстановке не может быть места безразличию, пассивности или нейтралитету в отношении целей, которые ставит перед собой наш классовый враг. Кто воображает, что победа социализма во всем мире будет достигнута без классовых битв, без обострения идеологической борьбы, тот сознательно или несознательно отступает от проверенных жизнью марксистско-ленинских принципов». В заключение акад. Т. Павлов заявил, что революция и социалистическое строительство в Болгарии — закономерное продолжение Великой Октябрьской социалистической революции, но с учетом специфических условий, задач и возможностей, пример диалектического единства теории и практики, философии и других наук, индивидуального и коллективного творчества.

После доклада акад. Т. Павлова слово для приветствия было предоставлено руководителю советской делегации акад. Е. М. Жукову. «9 сентября 1944 г., — сказал он, — является великой датой не только в истории Болгарии. Это важный поворотный момент в утверждении социализма как мировой социально-экономической системы. Я бы хотел подчеркнуть, что для всех народов Советского Союза и может быть в первую очередь для русского народа торжество болгарских трудящихся является общим торжеством и общим праздником».

Затем с приветствиями выступили проф. д-р В. Заставни (ректор ВПШ, Варшава), д-р Я. Фойтек (ректор ВПШ, Прага), проф. Т. Тешнер (зав. кафедрой истории международного рабочего движения ВПШ, Берлин), д-р А. Деак (зам. ректора Института истории и общественно-политических наук при ЦК Румынской коммунистической партии), проф. д-р И. Кабо (зам. ректора ВПШ, Будапешт), С. Стоянович (Институт международного рабочего движения, Белград), канд. ист. наук Маму (ученый секретарь Института истории партии при ЦК МНРП).

В последующие два дня работа сессии проходила в трех секциях, на которых были рассмотрены происшедшие за годы народной власти коренные изменения во всех областях развития Болгарии, национальный вклад страны в сокровищницу марксистско-ленинской теории и практики

Заседания секции по проблемам общественно-политического развития Болгарии, проходившие под руководством акад. Д. Косева, начались докладом проф. К. Байчинского «БКП — руководящая сила Сентябрьского восстания и общественно-политического развития Болгарии». Докладчик отметил, что БКП, пройдя через огонь трех народных восстаний — Солдатского владайского восстания в 1918 г., Июньского и Сентябрьского антифашистских восстаний в 1923 г., — через пламя массового вооруженного партизанского движения в период 1941—1944 гг., была единственной в Болгарии политической силой, призвавшей народ к вооруженной борьбе с целью свержения фашистской власти, за союз с СССР и совместные действия с антифашистскими силами во всем мире против гитлеровских захватчиков. Руководящая роль БКП в общественно-политической жизни страны после 9 сентября 1944 г. выразилась прежде всего в том, что она разработала программу построения социализма и успешно претворила ее в жизнь.

Ст. научн. сотр. М. Исусов, посвятивший свой доклад некоторым проблемам социально-классовой структуры и социалистической революции в Болгарии (1944—1947 гг.), подчеркнул, что политическая система народной демократии в Болгарии по своей сущности представляет собой новый тип внутренней организации диктатуры пролетариата, который обеспечивает господствующее положение рабочему классу и руководящую роль коммунистической партии.

С докладом о союзниках коммунистической партии в борьбе за победу социалистической революции в Болгарии выступил доц. П. Костов. Он указал, что одним из важных условий победы было то, что БКП сумела добиться единства рабочего класса, осуществить прочный союз рабочего класса и трудового крестьянства, объединить прогрессивные и патристические силы народа на борьбу против капитализма и фашизма.

Темой доклада проф. В. Божинова была внешняя политика Болгарии в 1944—1968 гг. Он выделил следующие основные принципы, характеризующие внешнюю политику Болгарии после 9 сентября 1944 г.: социалистический интернационализм — дружба, союз и взаимная помощь с Советским Союзом и другими социалистическими государствами; единство социалистических и прогрессивных сил в борьбе против империализма, за сохранение мира; мирное сосуществование с капиталистическими странами и,

в частности, на Балканах; политика сотрудничества, взаимного уважения и дружба со всеми народами.

Об огромной помощи, которую Советский Союз оказывает Народной Республике Болгарии в строительстве социализма, говорил в своем докладе акад. Е. Каменов. Он отметил, что самые важные и значительные достижения социалистической Болгарии связаны с советской экономической помощью.

Проф. Б. Спасов осветил вопрос о создании и развитии болгарского социалистического государства и права.

В секции, рассматривавшей проблемы экономического и социального развития Болгарии, с основным докладом «Строительство развитого социалистического общества в НРБ» выступил чл.-корр. БАН К. Добрев. «Создание вполне развитого социалистического общества, — сказал он, — означает построение на основе высоко развитых производительных сил такой материально-технической базы, которая обуславливала бы полное и всестороннее действие экономических законов социализма».

В докладе проф. И. Илиева был рассмотрен вопрос о научно-технической революции и развитии экономической структуры НРБ; проф. Д. Брадистилова — о совершенствовании территориальной организации общественного производства в республике; в совместном докладе акад. И. Стефанова и проф. З. Сугарева были поставлены некоторые основные проблемы демографии Болгарии. Акад. Е. Матеев охарактеризовал место НРБ в системе международного социалистического разделения труда. Проблемам жизненного уровня населения НРБ посвятили свой доклад ст. научн. сотр. Р. Гочев и доц. Л. Беров, переустройству, успехам и перспективам сельского хозяйства — проф. В. Мишев и ст. научн. сотр. К. Киряков.

Ряд интересных докладов был заслушан в секции по проблемам культурной революции — «Культурная революция — коренной перелом в духовной жизни народа» (ст. научн. сотр. П. Аврамов); «Наука на службе социалистическому строительству» (ст. научн. сотр. Н. Стефанов); «Национальное и интернациональное в болгарском социалистическом искусстве» (ст. научн. сотр. К. Горанов); «Народность, партийность и гуманизм болгарской литературы и искусства» (ст. научн. сотр. А. Стойков, проф. Э. Каранфилов и ст. научн. сотр. В. Крыстев).

Во всех трех секциях по докладкам развернулись оживленные прения, во время которых с интересными научными сообщениями выступили многие болгарские и зарубежные участники сессии.

Л. Б. Валеев

АКАДЕМИК В. В. ВИНОГРАДОВ

В ночь с 3 на 4 октября 1969 г. скоропостижно скончался академик Виктор Владимирович Виноградов, председатель Советского комитета славистов, вице-президент Международного комитета славистов, действительный член Академии наук СССР, иностранный член Сербской, Болгарской, Польской, Чехословацкой, Румынской, Германской, Французской, Датской академий наук, почетный доктор и член ряда зарубежных университетов и научных обществ.

Жизненный и творческий путь акад. В. В. Виноградова — это путь исключительного трудолюбия, целеустремленности и преданности науке, путь постоянных исканий, многих счастливых открытий и прозрений, путь, ведущий к построению своей, неповторимой и независимой концепции, открывающей новые научные горизонты и исследовательские возможности. Вместе с тем это путь продолжения и бережного сохранения традиций — основ классической русской лингвистической мысли, созданной трудами И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева, Ф. Ф. Фортунатова, Е. Ф. Корша, А. А. Шахматова и Л. В. Щербы.

Акад. В. В. Виноградов родился 31 декабря (ст. ст.) 1894 г. в Зарайске (нередко местом его рождения ошибочно указывают Рязань).

В 1917 г. он закончил одновременно два высших учебных заведения — Петроградский Археологический институт и Историко-филологический факультет Петроградского университета, при котором по представлению его учителя А. А. Шахматова был оставлен для подготовки к профессорскому званию. В 1920/21 г. после сдачи магистерского экзамена и защиты диссертации на тему «Исследования в области фонетики северно-русского наречия. Очерки из истории ъ в северном наречии» (Петроград, 1922 г.) В. В. Виноградов получил звание доцента и приступил к чтению лекций по истории русского языка. С тех пор и до самой смерти не прекращалась педагогическая деятельность Виктора Владимировича. С 1930 г. начинается его профессорская деятельность в Москве (с перерывом на 1934—1937 гг. в Вятке и 1941—1944 гг. в Тобольске), где

он до последнего времени руководил кафедрой русского языка МГУ.

С 1938 г. научная деятельность В. В. Виноградова связана с Академией наук. Сначала он работает старшим научным сотрудником Института языка и мышления им. Н. Я. Марра, затем в 1946 г. избирается действительным членом Академии. После лингвистической дискуссии 1950 г. акад. В. В. Виноградов становится академиком-секретарем Отделения литературы и языка (до 1963 г.) и директором Института языкознания, позже Института русского языка (с 1958 по 1968 г.), с 1952 г. он беспрерывно руководит ведущим языковедским журналом «Вопросы языкознания».

Перу В. В. Виноградова принадлежит около 30 книг и более 350 статей, рецензий и заметок, охватывающих почти все основные проблемы современной русской и в значительной степени славянской филологии и общей теории языка.

Его книга «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (2-е изд. 1947 г.) подвела итог более чем полутора вековому периоду русской грамматической мысли и одновременно заложила фундамент для современных построений русской грамматики. Его «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (2-е изд. 1938 г.) оказались фактически первым курсом, исторически последовательно излагающим развитие русского литературного языка, первой развернутой концепцией этого развития, первым фундаментальным обоснованием необходимости выделения особой дисциплины — истории литературного языка — из истории языка, которая теперь объединена в цикл исторических дисциплин: историческую фонетику, историческую морфологию, историческую диалектологию и т. д.

Эпоха Пушкина, как эпоха становления и окончательного формирования «великого и могучего» русского литературного языка, особенно сильно интересовала Виктора Владимировича. Именно ей он посвящает две прекрасные книги «Язык Пушкина» (1939) и «Стиль Пушкина» (1941) и ряд статей и исследований. Но вместе с тем не остается без внимания и язык Крылова, Лермонтова, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского, Салтыкова

Щедрина и др. По языку каждого из этих писателей написаны монографии и созданы книги, обосновывающие разграничение понятий литературный язык и язык художественной литературы, история литературы и история литературного языка, общее и индивидуальное в языковых средствах писателя, стиль писателя и стили художественной литературы, зависимость стилистического варьирования от сюжетной схемы и т. п. К этим книгам относятся: «О языке художественной литературы» (1959), «Проблема авторства и теории стилей» (1961), «Сюжет и стиль» (1963), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963) и др. Именно на базе изучения литературного языка и языка писателей появились лучшие славистические работы Виктора Владимировича, широко известные и признанные за рубежом: «Различия между закономерностями развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпоху» (1963), «Революционная роль Вука Караджича в формировании сербского национального литературного языка» (1965) и др. Оригинальными и своевременными были пересмотр концепции А. А. Шахматова и резкая критика концепции С. П. Обнорского о происхождении древнерусского литературного языка, сделанные Виктором Владимировичем в 1958 г. в докладе на IV (Московском) съезде славистов «Основные проблемы изучения и развития древнерусского литературного языка». В этой, представленной как доклад, монографии выдвигалась идея наличия двух типов древнерусского литературного языка — «книжно-славянского» и «народно-литературного», идея, дающая возможность подойти с такой же меркой к древнесербскому, древнеболгарскому языку (равно как и к древнебелорусскому и древнеукраинскому) и обосновать единство и наличие древнеславянского (церковно-славянского) литературного языка. Замечательны труды акад. В. В. Виноградова по лексикографии и лексикологии, по фразеологии и семасиологии, по теории слова, по истории отдельных слов, преимущественно русского литературного языка. Читая их, нельзя было не удивляться поразительной начитанности автора и глубокому знанию русской литературы и русской культуры, даже в

мельчайших бытовых ее проявлениях. Отдельный цикл монографических статей и книг представляют собой исследования по истории русской лингвистической мысли — о трудах Ломоносова, Востокова, Добиаша, Потебни, Шахматова, Пешковского, Бодуэна де Куртэна, Щербы, Якубинского, Селищева, Покровского, Тынянова и др.

В творчестве В. В. Виноградова мы видели удивительное сочетание могучего таланта лингвиста с проникновенным и глубоким талантом литературоведа — тот прекрасный сплав, который дал ему возможность стать филологом с мировым именем и признанием. Ему чужда была погоня за модой в науке, так же как и совершенно неприменимо к нему было слово старомодность, хотя он свято чтит традицию в науке и воспитывал в этом духе своих младших коллег и учеников.

В будущем, когда возникнет дистанция времени, будут сказаны и написаны другие, более весомые и более осознанные слова о Викторе Владимировиче, о его неутомимом труде, о его принципиальности (достаточно вспомнить эпоху «нового учения о языке»), о его огромном научном наследстве, а пока мы еще не в силах измерить всей тяжести скорби и значительности утраты. Мы еще слишком близки к нему и слишком памяты для многих из нас повседневные суетные дела и невзгоды, заслоняющие главное и непреодолимое.

Тем не менее и сейчас мы ощущаем, что слова, обращенные в 1922 г. Виктором Владимировичем к его покойному учителю Алексею Александровичу Шахматову, в полной мере применимы к нему самому, автору этих слов:

«Научный подвиг Александра Александровича состоял не только в неутомимом исследовательском одиноком труде, но и в разносторонней организаторской работе и в самоотверженном служении общим интересам науки. Духовная личность этого ученого являлась тем центром, из которого исходили широкие замыслы коллективных начинаний в области славяно-русской филологии, и в котором находили себе приют и поддержку научные и культурные устремления всех знакомых ему людей».

Н. И. Толстой

ЛЮБОВЬ ВЯЧЕСЛАВОВНА РАЗУМОВСКАЯ

Ушел из жизни старейший сотрудник коллектива историков Института славяноведения и балканистики АН СССР — 21 сентября 1969 г. после тяжелой болезни в возрасте 72 лет скончалась Любовь Вячеславовна Разумовская.

Любовь Вячеславовна принадлежала к тому, теперь уже немногочисленному, кругу славистов, вся научная деятельность которых была связана с работой Института славяноведения буквально с момента его образования. Сотрудничество

ее с московским коллективом историков-славистов, который в качестве сектора славяноведения Института истории АН СССР был прямым предшественником Института славяноведения, началось, впрочем, еще раньше, в тяжелый период эвакуации, в годы Отечественной войны. В Ташкенте, будучи сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Любовь Вячеславовна установила научные контакты с сектором славяноведения и его руководителем акад. В. И. Пичета и в 1943 г. подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Хроника Гельмольда как источник для истории Прибалтийских славян». Тесные научные связи с коллективом московских историков-славистов Любовь Вячеславовна сохранила и после своего возвращения в Ленинград, где с 1936 по 1950 г. она являлась сотрудником Ленинградского отделения Института истории АН СССР. В 1950 г. она была зачислена старшим научным сотрудником в Институт славяноведения.

Окончив высшие женские курсы в Казани в 1918 г., Любовь Вячеславовна как историк получила очень хорошую историко-филологическую подготовку для занятий славяноведческой проблематикой. Начав свою трудовую деятельность с преподавательской работы, она очень скоро стала совмещать ее с научными занятиями в области славяноведения, сначала в качестве ассистента Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте (1920/21 г.), а затем после переезда в Ленинград, сотрудничая в Библиотеке Академии наук (1923—1935 гг.) и Институте книги, документа и письма АН СССР (1935—1936 гг.). Одновременно она продолжала вести и педагогическую работу на кафедре славянской филологии Ленинградского государственного университета (1925/26 г.), а затем Педагогического института им. Герцена (1929—1932 гг.). В 1941—1945 гг. она вновь оказалась в Среднеазиатском университете, а после окончания войны в течение ряда лет вела преподавательскую работу в Ленинградском университете.

Придя в славяноведение своим путем, Любовь Вячеславовна не сразу определила круг своих основных научных интересов. История Польши эпохи феодализма, главным образом история польского крестьянства в средние века, стала главной темой ее научного творчества только во второй половине 40-х годов. Самой крупной работой ее в области славистики помимо кандидатской диссертации была до этого публикация (совместно с В. Р. Свири-

ской) «Документов к истории славяноведения в России» (М.—Л., 1948).

Как историк польского крестьянства, Любовь Вячеславовна сформировалась под влиянием работ акад. Б. Д. Грекова по истории русского крестьянства, о чем лучше всего свидетельствует ее книга «Очерки по истории польских крестьян от древних времен до XV в.» (М.—Л., 1958), блестяще защищенная ею в качестве докторской диссертации. Большую роль в ее развитии как историка-полониста сыграло, по ее собственному признанию, участие в коллективном труде «История Польши» (т. I), где Любовью Вячеславовной был написан ряд разделов по истории польского города и деревни. «Очерки по истории польских крестьян в XV—XVI вв.» (М., 1968) были ее последней крупной работой, которой Любовь Вячеславовна как бы завершила свои занятия аграрной историей средневековой Польши. В дальнейшем она предполагала полностью сосредоточиться на подготовке к изданию переводов средневековых источников по истории славянства. Такие работы осуществлялись ею и ранее. Она подготовила и издала «Хронику славян» Гельмольда (М., 1963. Перевод, комментарии и предисловие), а также часть монументального исторического труда Длугоша, охватывающую события 1384—1411 гг.—Ян Длугош. «Грюнвальдская битва» (М.—Л., 1962. Совместно с Г. А. Стратановским и Б. В. Казанским). Работу над переводами средневековых латинских хроник Любовь Вячеславовна продолжала и позже. Буквально накануне кончины ею был полностью закончен перевод, комментарий и предисловие к хронике Адама Бременского, которую она подготовила в сотрудничестве с сектором славяно-германских отношений института. Доклад ее на этом секторе в июне 1969 г. при обсуждении подготовленного к печати перевода хроники Адама Бременского был ее последним научным выступлением.

Со смертью Любови Вячеславовны наша историография потеряла самого крупного у нас специалиста по аграрной истории средневековой Польши, прекрасного знатока славянского источниковедения эпохи средневековья. Умер интересней и серьезней исследователь, человек замечательных душевных качеств, требовательный к себе и всегда благожелательный к товарищам по работе. Своим трудом и сердцем Любовь Вячеславовна заслужила добрую и светлую память всех знавших ее историков-славистов.

В. Д. Королук

ПАМЯТИ А. ГУЦАВЫ

9 августа 1969 г. в Братиславе в возрасте 63 лет скончался доктор исторических наук, профессор Александр Гуцава.

Словацкая историческая наука потеряла крупного ученого, известного специалиста в области вспомогательных исторических дисциплин, автора многих работ по истории феодальной Словакии, талантливого педагога, воспитателя многих представителей послевоенного поколения словацких историков-марксистов.

Научная деятельность А. Гуцавы началась еще в 30-е годы. Окончив Университет Коменского в Братиславе, молодой ученый посвящает себя изучению вспомогательных исторических дисциплин, важных для решения и объяснения различных проблем социально-экономической истории Словакии. Для получения специального образования он экстерном заканчивает Государственную архивную школу в Праге, много времени посвящает изучению архивных источников. Будучи членом Чехословацкого государственного института в Риме, он в течение трех лет имел возможность работать в архивах Ватикана.

С 1937 г., став доцентом, А. Гуцава непрерывно вел преподавательскую деятельность в Братиславском университете. С 1939 г. он — профессор философского факультета. Богатая эрудиция и любовь к науке создают ему большой авторитет. Ученый завоссыивает широкий круг сторонников и последователей. В 1948/49 г. он был избран деканом философского факультета Братиславского университета. В 1956 г. А. Гуцава защитил докторскую диссертацию.

В 1950/51 г. по инициативе А. Гуцавы на кафедре истории Чехословакии философского факультета Братиславского университета было начато изучение архивного дела, которое он возглавлял до последних лет жизни. А. Гуцава принадлежит главная роль в создании школы словацких архивистов.

Проф. Гуцава вел огромную научно-организационную деятельность: он был членом Словацкого Ученого архивного совета, членом Ученого совета Института истории САН, Ученого совета философского факультета университета, ответственным редактором «Историчке штудии», членом редакционного совета «Сборника философского факультета Университета Коменского» (серия «История»), членом Комиссии по изучению источников при Институте истории САН и др.

Основным направлением научных исследований А. Гуцавы было изучение вспомогательных исторических дисциплин (дипломатики, палеографии, хронологии, метрологии, генеалогии, геральдики, сфрагистики). Наибольшее внима-

ние он уделяет дипломатике, палеографии, хронологии, метрологии. Исследования А. Гуцавы по вопросам метрологии принесли ему широкую известность.

Важнейшими работами А. Гуцавы (а их около 100) являются его исследования, посвященные Липтову (15 работ); труды в области дипломатики — «Ян Литерат и липтовские фальсификаты» (1936 г.), «Ранние привилегии Трнавы» (1938 г.), «К проблемам основания францискавского костела и костела в Околичном», «Архив феодального рода из Околичного» (1943 г.); серия историко-генеалогических и геральдико-генеалогических статей, опубликованных в 1940—1946 гг.; учебник палеографии: «История и развитие нашей письменности» (1951 г.); «История Ламача» (1948 г.); «Неизвестный метод датирования в Словакии в XVI в.» (1953 г.); статьи по метрологии: «Проблема Липтовского и Турчанского кубула в XIII в.» (1953 г.), «Кита — старая мера ковопли и льна» (1954 г.), «Архивные источники для этнографических исследований» (1954 г.), «Очерки истории развития мер в Словакии» (1955 г.), «К истории мер длины в Словакии» (1957 г.), «Метрологическое развитие в период разложения феодального строя в Словакии в 1790—1848 гг.» (1961 г.), «К истории функции мер в период второго закрепощения в Словакии» (1964 г.) и многие другие. Последнее десятилетие своей жизни А. Гуцава посвятил работе над двухтомной монографией по метрологии «История и развитие сельскохозяйственных мер в Словакии».

А. Гуцава не только глубоко изучал указанные вспомогательные исторические дисциплины, но и, обобщая свои выводы, создавал перспективные планы их будущего развития, имея в виду их огромное значение для дальнейшего развития исторической науки в социалистической Чехословакии. Выдающиеся заслуги А. Гуцавы в развитии чехословацкой исторической науки отмечены правительством — он был награжден высокой наградой Чехословацкой республики — Орденом труда.

Труды А. Гуцавы широко используются современными историками при разработке социально-экономической истории народов славянских стран и стран Западной Европы. Советские ученые-слависты хорошо знают и ценят внимание и помощь, которые А. Гуцава оказывал всем, кто проявлял интерес к истории Чехословакии, а также к наукам, которым он посвятил свою жизнь.

Светлая память об Александре Гуцаве, обаятельном человеке, неутомимом труженике, ученом-марксисте навсегда сохранится в памяти его советских коллег и друзей.

А. Виноградова

CONTENTS

<i>Je. N. Andriushin.</i> The perception of Lenin's doctrine about imperialism by D. Blagoyev. <i>V. V. Maryina, G. P. Murashko.</i> Social and economical changes in the Czechoslovakian village preceding the cooperation. <i>Jan Pivoluska</i> (CSSR). The Slovakian movement of Resistance and the Soviet Union (1939—1945). <i>T. Je. Ziuziukina.</i> Strike movement in Serbia on the eve of the Balkan wars. <i>D. S. Prokofyeva.</i> The tsarist censorship and the Polish literature in the second half of the XX-th and the beginning of the XX-th century. <i>L. G. Shakhova.</i> Artistic character in D. Dimov's novel «Tobacco». <i>I. Shablouvsкая.</i> The historical novel in the Czech literature of the Resistance. <i>O. S. Plotnikova.</i> On imperfectivization in literary Slovene.	3
--	---

The History of Slavistic

<i>L. I. Bazilevitch, E. M., Vereshchagin.</i> The Slavistic themes in the scientific inheritance of L. V. Shcherba.	85
--	----

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>V. C. Karasiov.</i> An old photograph began to speak	94
---	----

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

<i>F. Petrov.</i> «Fraternal friendship, close collaboration» <i>P. I. Rezonov.</i> Gustav Husak. A testimony on the Slovakian national revolt. <i>A. Kavko.</i> Zenon Kliszko. The Warsaw insurrection. <i>L. Ja. Gibianskij.</i> The situation of Yougoslavia in 1945 after the American diplomatic publications. <i>F. A. Molok.</i> Striking examples from the history of Resistance movement in Ostrava region. <i>I. Perciger.</i> «Dokumenty Komunistycznej partii Polski 1935—1938». <i>L. K. Přispěvky k dejinam umění.</i> <i>Ju. I. Smirnov.</i> Albert B. Lord. The Singer of Tales. <i>G. P. Klepikova.</i> С. Стойков. Лексиката на банатския говор	98
---	----

Bibliography

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1969 (continued). The contents of foreign periodicals.	124
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>T. P. Blinova.</i> To the 25-th anniversary of the socialist revolution in Bulgaria. <i>L. B. Valev.</i> The scientific session in Sofia on the occasion of the 25-th anniversary of the socialist revolution in Bulgaria	128
<i>N. I. Tolstoj.</i> [In memoriam of Akademician V. V. Vinogradov]	132
<i>V. D. Koroliuk.</i> [Libov' Viatcheslavovna Razumovskaya]	133
<i>A. Vinogradova.</i> To the memory of A. Huščava	134

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Сдано в набор 17/X-1939 г. Т 15094	Подписано к печати 8/XII1939 г.	Тираж 1215 экз.
Зак. 2931	Формат бумаги 70×108/16	Уч.-изд. л. 13,6
	Усл. печ. л. 11,9	Бум. л. 4 1/4

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

В ОРДЫНКА
Л 34/38 КВ 40
ТОЛСТОМУ Н И
70891
1-12

Цена 1 руб.
Индекс 70891

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Готовятся к печати:

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ. 17 л. 1 р. 10 к.

Сборник посвящен разработке ряда коренных проблем общности и взаимосвязи славянской культуры прошлого. Статьи, составляющие сборник, тематически и хронологически группируются вокруг двух центральных тем — славянской фольклорной общности и культуры связей славянских народов в эпоху формирования и становления национальных культур.

Основанные на анализе малоизученных или неизвестных ранее данных материалы сборника представляют несомненный интерес для широкого круга специалистов, славистов, занимающихся проблематикой культурного развития и культурных связей.

НАРОДЫ ПРОТИВ РАСИЗМА. 20 л. 1 р. 40 к.

Сборник посвящен разоблачению теории и практики расизма в современном мире, а также освещению той борьбы, которую ведут против расизма международные организации и народы мира.

Разоблачению расистских концепций в современной американской социологии политике геноцида США во Вьетнаме, расизму и идеологической борьбе в Латинской Америке посвящены политически острые и актуальные статьи этого сборника. Особое внимание уделено борьбе африканских государств против расизма и критике дискриминационной политики США и Канады по отношению к национальным меньшинствам.

Соколова В. К. РУССКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ИХ СВЯЗИ С ПРЕДАНИЯМИ ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ. 20 л. 1 р. 50 к.

Монография представляет собой первое обобщающее исследование, посвященное русским историческим преданиям. Предпринята попытка их систематизации и классификации.

Автор подробно останавливается на различных этапах формирования таких исторических преданий, как предания о борьбе с внешними врагами, об Иване IV Грозном и Петре I. Особые главы посвящены преданиям о вождях крестьянских восстаний Разине и Пугачеве. Подобные исторические предания, безусловно, имеют большое значение как исторический источник, особенно при изучении мировоззрения и социально-политических взглядов народных масс в различные эпохи. Обширный и интересный материал, собранный автором монографии, дается в сопоставлении с фольклорным творчеством других славянских народов.

Заказы направляйте в магазин «Книга — почтой» (Москва, В-463, Мичурицкий проспект, 12) или в ближайший магазин «Академкнига» по адресу:

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97; Баку, ул. Джапаридзе, 13; Душанбе, пр. Ленина, 95; Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303; Киев, ул. Ленина, 42; Куйбышев, пр. Ленина, 2; Ленинград, Литейный пр., 57; Москва, ул. Горького, 8; Москва, ул. Вавилова, 55/5; Новосибирск, Красный пр., 51; Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; Ташкент, ул. К. Маркса, 28; Ташкент, ул. Шота Руставели, 43; Уфа, Коммунистическая ул., 49; Уфа, пр. Октября, 129; Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42; Харьков, Уфимский пер., 4/6.